

Умаханов М.-С.К.

Дагестан во второй половине
XVIII – начале XIX веков:
*проблемы политического положения,
социально-экономического развития
и государственного устройства*

Махачкала 2011

**Российская академия наук
Дагестанский научный центр
Институт истории, археологии и этнографии
Центр по изучению истории Дагестана**

Умаханов М-С.К.

**Дагестан во второй половине XVIII –
начале XIX веков: проблемы политического
положения, социально-экономического
развития и государственного устройства**

instituteofhistory.ru

Махачкала 2011

УДК 94(470.67)
ББК 63.3(2)5
У-52

Рекомендована к изданию Ученым советом Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор **Магомедов Н.А.**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Кидирниязов Д.С.**

кандидат исторических наук **Иноземцева Е.Н.**

Умаханов М.-С.К.

У-52 Дагестан во второй половине XVIII – начале XIX веков: проблемы политического положения, социально-экономического развития и государственного устройства. Махачкала: ИП Овчинников (АЛЕФ), 2011. – 300 с.

ISBN 978-5-4242-0004-5

В работе впервые в отечественной историографии на основе анализа и обобщения большого количества архивных материалов и опубликованных источников освещаются вопросы политического положения, социально-экономического развития и государственного устройства Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX вв., которые до настоящего времени оставались слабо изученными в дагестанской историографии.

В первой части работы освещаются вопросы международного и внутривнутриполитического положения Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX вв., во второй – проблемы его социально-экономического развития и административно-политического устройства.

Работа рассчитана на историков-специалистов, научных сотрудников, преподавателей вузов, аспирантов и на широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым народов Дагестана.

ISBN 978-5-4242-0004-5

© Умаханов М.-С.К., 2011
© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы политического положения, социально-экономического и государственного развития Дагестана в любые хронологические рамки оставались и остаются в центре внимания отечественных, в их числе и дагестанских исследователей, занимавшихся и занимающихся изучением исторического прошлого народов Дагестана и процесса образования на его бывшей территории новых, так называемых суверенных, независимых государств, а также в связи с изменением социально-экономических отношений в стране в целом, переориентацией их развития с социалистических позиций на товарно-денежные, т.е. на капиталистические. Последнее обстоятельство сопровождалось коренной ломкой устоявшихся за 70 с лишним лет общественных отношений, в течение которого народы бывшего СССР строили социалистическое государство. Как очевидно из происходящих в нашей стране с начала 90-х гг. XX в. политических событий, оно уже практически перестало существовать, дав начало новым политическим структурам, государствам, отношения между которыми нельзя отнести к идеальным.

Тем не менее, их народам нужно контактировать, торговать, сотрудничать во всех сферах жизни, возрождать, так сказать, какие-то бывшие в их странах традиции и обычаи, порядки общественно-политического обустройства. Без глубокого их знания и умелого использования исторического опыта в этих вопросах трудно наладить общественно-экономическую жизнь в современных условиях во вновь образовавшихся на территории бывшего СССР многих государственно-политических структурах.

Безусловно, важно знать и эволюцию социально-экономических отношений и административно-политического строя в каждом конкретном историко-этническом регионе. Нельзя сбрасывать со счетов при выборе темы для исследования и научно-познавательный смысл ее изучения, степень ее изученности, существующие теоретические построения предшественников в изучаемом вопросе. Задача исследователя заключается и в определении вклада предшественников в изучение поднятой (в данном случае нами – авт.) проблемы.

Отдельные аспекты этой проблемы затрагивались и освещались ещё в трудах авторов XVIII-XIX вв., введших в научный оборот редкие и интересные во всех отношениях сведения источников, фактические данные, без использования которых поднятую нами проблему практически невозможно осветить на должном научно-теоретическом уровне.

Основной же причиной, вынудившей автора данных строк взяться за изучение и освещение этой сложной и ответственной проблемы в современных условиях, является то, что в вышедшей в Москве в издательстве «Наука» в 2004 г. солидной академической «Истории Дагестана с древнейших времен до XX века» поднятые нами вопросы истории Дагестана в пределах хронологических рамок второй половины XVIII- начала XIX вв. остались практически обойденными. Можно сказать, что из поля зрения исследователей выпали события, связанные с социально-экономическим развитием, административным устройством и политическим положением народов Дагестана в один из ответственных и важных периодов их истории. В этом легко убедиться, просмотрев конец § 2 «Провал захватнических планов Надира в 1743-1745 годах» третьего раздела, завершающийся констатацией факта: «9 мая 1747 г. Надира убили в результате дворцового заговора, а созданное им государство, представлявшее конгломерат народностей и племен, распалось»¹. Дальше же речь идет о международном положении Дагестана в конце XVIII – начале XIX веков, и о том, что «летом 1800 г. Фет-Али-шах Каджар потребовал от Грузии покорности»². А ещё далее речь идет в этой «Истории...» о событиях, имевших место в Дагестане в XIX веке.

Это обстоятельство и заставило меня взяться за освещение трудных для изучения проблем политического положения, социально-экономического развития и государственного устройства Дагестана во второй половине XVIII – начале XIX веков. Я бы подчеркнул, что их освещение, особенно их оценки до сих пор носят дискуссионный характер. В исторических сочинениях встречаются довольно острые противоположные друг

¹ История Дагестана с древнейших времен до XX века. М. Наука. 2004. Т. 1. С. 449.

² Там же. С. 453-454.

другу их оценки. Одни исследователи явно принижают уровень административно-политического устройства и социально-экономического развития, другие стараются приукрасить, приувеличить уровень социального развития народов Северного Кавказа, в их числе и народов Дагестана в рассматриваемый в данной работе период их истории.

То же самое можно сказать и относительно освещения отечественной историографией проблем социально-экономического развития и административно-политического устройства Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX в., раскрытию которых отводится вторая часть данного исследования.

* * *

Одним из первых отечественных исследователей, решившихся в широком плане рассмотреть поднятую нами здесь проблему, был покойный уже доктор исторических наук, профессор Р.М. Магомедов, учениками и последователями которого и ныне являются многие исследователи истории Дагестана, в том числе и автор данных строк. Еще в 1957 г. Р.М. Магомедов опубликовал крупную монографию объемом более 400 страниц¹, в которой на основе анализа и обобщения огромного фактического материала, извлеченного им из архивных источников, хранящихся в фондах архивов Москвы, Махачкалы, Тбилиси и т.д., а также широкого использования собранных им почти в сотне дагестанских аулов историко-этнографических сведений по рассматриваемой проблеме достаточно полно и убедительно для того времени охарактеризовал общественно-экономический и политический строй практически всех основных народов Дагестана – аварских союзов сельских обществ² и Аварского ханства³, даргинских союзов сельских обществ⁴, общественно-экономический и политический строй феодальных владений кумыков, кайтагов, лакцев и т.д. При этом он остановился на подробной характеристике уровня социально-

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков (Далес – Магомедов Р.М. Указ. соч.). Махачкала, 1957. – 408 с.

² Там же. С. 60-83.

³ Там же. С. 85-114.

⁴ Там же. С. 115-142.

экономического развития каждого их удельного владения того времени. Осветил он подробно Шамхальство тарковское (главное кумыкское феодальное владение XVII-XVIII вв.), а также Буйнакский, Эндиреевский, Аксаевский, Костиковский, Эрпелинский, Карабудахкентский и Бамматулинский бийлики¹.

Характеристике общественно-экономического и политического строя кайтагцев или «кайтагов» отведена пятая глава его работы², а в шестой главе освещены особенности в экономическом строе лаков, их общественное и государственное устройство, органы власти и управления³.

В целом Р.М. Магомедов уже в 1957 г. подчеркивал сложность изучения проблем социально-экономического развития и политического устройства множества малочисленных народов Дагестана в XVIII – начале XIX вв., у которых при наблюдаемом внешне сходстве общественных отношений, системы управления, имелись и свои специфические особенности, для раскрытия которых очень важно было уметь использовать данные архивных источников в сочетании с историко-этнографическими материалами. Он писал по этому поводу, что «Совершенно невозможно также характеризовать социальную и политическую историю Дагестана, пользуясь только историческими данными какого-нибудь из ханств. Аварское и Казикумухское ханства, по нашему мнению, дают один тип феодального княжества, а шамхальство Тарковское – другой тип княжества. Уцмийство и майсумство дают третий тип феодального княжества ... На ход образования дагестанских ханств влияли частые вторжения иноземных захватчиков на Кавказ»⁴.

Не приходится спорить и с другим мнением Р.М. Магомедова о том, что «за длинный исторический путь своего существования Дагестан не раз был доведен ... до необходимости начинать все сначала, что не могло не сказаться на развитии дагестанского народа»⁵, что «при характеристике социальной и политической истории Дагестана необходимо также учесть, что большинство дагестанских ханств, как феодальных владений, возникло не

на почве предшествующего развития рабства, а на базе разложения сельской общины. Следовательно, в основных районах Дагестана формирование феодальных отношений происходило на базе экспроприации общинных земель, превращения свободного общинника в феодально-зависимого крестьянина и уничтожения остатков общинных организаций. Процесс этот проходил медленно и вызвал острую классовую борьбу в горах»¹.

Очень актуально и в наше время утверждение Р.М. Магомедова о том, что к началу XIX в. Дагестан состоял из 24 соперничавших друг с другом феодальных владений, что на плоскостной части Дагестана, где в основном жили кумыки, имелись 8 феодальных владений: Тарковское шамхальство, «княжества Буйнакское, Эндереевское, Аксаевское, Костиковское, Эрпелинское, Карабудахкентское, Казанищенское», которые в социально-экономическом развитии «значительно опережали другие феодальные владения Дагестана»².

По наблюдениям Р.М. Магомедова в Южном Дагестане имелись 11 феодальных владений: ханства Дербентское, Кюринское, Курахское, Какинское и Рутульское, майсумство Табасаранское, владение кадия Табасаранского, султанство Елисейское, Утамышское владение и уцмийство Кайтагское³. Кроме этих перечисленных ханств, имелись еще шесть бегств: Целегюнское, Испикское, Зухрабкентское, Кара-Кюринское, Михрахское, Гапцахское⁴.

По словам Р.М. Магомедова, источники и литература приписывали шамхалу тарковскому главенство над кумыкскими феодальными владениями Дагестана, другими ханствами и вольными обществами Дагестана, что не соответствовало действительности, так как он был «некогда лишь номинальной главой в системе кумыкских феодальных владений», а к изучаемому периоду (XVIII в.) «шамхал это право уже утратил и не выполнял функций общегосударственного характера на всей территории Кумыкии»⁵. Он числился уже просто влиятельным

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч С. 143-198.

² Там же. С. 201-256.

³ Там же. С. 257-292.

⁴ Там же. С. 365.

⁵ Там же. С. 366.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 366

² Там же.

³ Там же. С. 366-367.

⁴ Там же. С. 367.

⁵ Там же. С. 366.

феодалным владельцем не только среди кумыкских, но и среди остальных владельцев Дагестана¹.

Считаю необходимым остановиться на очень ставшим в последние годы острым вопросе связи между тарковскими шамхалами и Казикумухом, т.е. был ли Казикумух столицей кумыкских правителей (позднее шамхалов) или не был. И здесь мнение нашего уже покойного патриарха дагестанских историков, на мой взгляд, должно быть одним из авторитетных, если не самым решающим. Так вот, Р.М. Магомедов в цитируемой здесь книге подчеркнул, что тогда еще (т.е. в 1957 г.), «остается нерешенным еще вопрос о том, служил ли Казикумух когда-либо местопребыванием шамхалов, встречаемых нами, начиная с XV века на кумыкской земле? Мы сделали попытку доказать, что это сплошное недоразумение, притом недоразумение не случайного характера». Он писал прямо, что «Шамхалы тарковские с Кумухом ничего общего в том смысле, как это до сих пор рисовалось в существующей литературе, не имели. Казикумух никогда не служил резиденцией кумыкских князей. Не бывает в истории так, чтобы почти в течение девяти столетий владельцы правили народом, а их потомки ни с того, ни с сего бросали все, что до этого было связано с прежним образом жизни, и уходили бы в другие места и находили бы там полный уют. По преданию, именно эта невероятная вещь случилась с кумыкскими шамхалами. Они, начиная с VIII века, до середины XVII века, властвовали над казикумухцами, а потом поссорились с ними, ушли к кумыкам и стали жить в Тарках и Буйнаке.

Если шамхалы действительно некогда властвовали в Кумухе, спрашивается тогда, почему народ ничего не помнит о них, а если что знает, то только в том освещении, какое имело хождение в мусульманской церковной литературе».

Высказал он и свое вполне резонное мнение, которое выглядит так: «Мне думается, что это сообщение связано с тем, что в это время казикумухцы навсегда отказываются от тех обязательств к шамхалу, какие установились в Дагестане со времени татаро-монгольского господства. Как известно, в свое время шамхал являлся в Дагестане татарским баскаком-сборщиком дани. Пользуясь неограниченными правами в своих

действиях, он в свое время сумел обратить в зависимость от себя многие общества и владения Дагестана. В такое зависимое положение, по-видимому попал и Казикумух. В связи с падением Золотой Орды это зависимое положение горских владельцев от шамхала во многих местах Дагестана оказалось нарушенным, но шамхалу по какой-то случайности удалось сохранить в некоторой зависимости Казикумух»¹.

Р.М. Магомедов считал, что «в летнее время он (шамхал - Авт.), видимо, продолжал выезжать туда за получением дани и, возможно, отдыхал в этой летней резиденции».

Во время одной из таких поездок в 1640 году кумухцы подняли восстание против Сурхай-Мирзы, изгнали шамхала и «отказались платить ему впредь какие-либо поборы»².

Могу отметить, что свою солидарность с этой позицией Р.М. Магомедова по вопросу о казикумухских и тарковских шамхалах, их контактов и размежевания в середине XVII в. я выразил еще в 1973 г. в моей работе, вышедшей в свет тогда³.

В плане данного нашего исследования, большой интерес представляет и завершающий монографию Р.М. Магомедова вывод о том, что, «изучая общественно-экономические и политические отношения в XVIII – начале XIX веков у каждой из народностей Дагестана, мы выяснили, что каждая из них имела свой особый строй социально-экономических отношений. Эти отношения у кумыков не были похожи на аварские, аварские не похожи на даргинские, а даргинские, в свою очередь, не похожи на лакские. У одних народностей Дагестана, в силу местных социально-экономических условий, рано образовались феодальная знать и зависимая категория крестьян, а у других народностей в силу тех же причин значительно запоздало складывание классовых отношений»⁴. Но в целом же по Р.М. Магомедову, «Общественный строй Дагестана, который не мог быть отнесен к какому-либо одному типу производственных отношений, обуславливал и тот факт, что в политическом отношении весь Даге-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 183.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 260.

² Там же.

³ Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. – 251 с. С. 8-10, 58-60, 63-66.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 395-396.

стан дробился на множество ханств и полупатриархальных образований. Установившийся в литературе вывод о том, что в Дагестане в целом господствовали патриархально-феодальные отношения – правилен. В то же время мы замечаем различия в степени зрелости этих отношений у отдельных народностей Дагестана... Можно утверждать, что для ряда народностей Дагестана патриархально-феодальный строй в их развитии – это уже пройденный этап...»¹.

Приведенный в работе Р.М. Магомедова фактический материал уже давал основание сделать и более решительные выводы, так как у всех основных народностей Дагестана к исследуемому нами периоду уже сложились государственные образования, носившие разные названия (шамхальства, ханства, бекства или бегства, султанства, бийликства, княжества), но суть сложившихся в них социальных отношений была одна: в них не было ни имущественного, ни правового равенства жителей. В них четко выделялись феодальный и крестьянский классы, внутри которых различались сословия. Сложился у них и аппарат управления.

Сложились в них нормы обычного права составлявшие целые их кодексы, по которым решались все спорные вопросы жителей этих государственных образований, регулировались взаимоотношения сельских обществ, входивших в них, а также взаимоотношения одних феодальных владений с другими. В опубликованных ещё в досоветский период отечественной истории сборниках норм обычного права феодальных владений и союзов сельских обществ адатах отразились характер и феодальная суть взаимоотношений между ними. В этом легко убедиться, ознакомившись с «Постановлениями кайтагского уцмий Рустам-хана»², «Памятниками обычного права Дагестана XVII-XIX вв. (Архивные материалы. Сост. Х.-М.О.Хашаев. М. 1965).

Их объективный анализ показывает, что на территории будущих феодальных владениях Дагестана задолго до XVII-XVIII вв. сложились феодальные производственные отношения. В них все сложные жизненные вопросы решались по воле представителей феодального класса. В союзах сельских обществ, занимавших практически половину территории Дагестана, в изучаемый период имелись все атрибуты власти, свойственные государствам демократического или гражданского общества, существовали общая и обязательно охраняемая всеми членами сельских обществ территория, главное общество, распоряжения и постановления джамаата которого были обязательны для жителей сельских обществ, входивших в тот или иной союз. Иначе говоря, в них был отрегулированный веками порядок управления. Они не были рассадниками анархии и произвола, хотя в них зачастую важную роль в жизни играли слово богатого и сильного, его мнение.

* * *

В 50-х годах XX в. больше в свет не вышло таких заметных монографических сочинений по истории Дагестана. Но важным событием было появление в свет двухтомных «Очерков истории Дагестана»¹, составленных ведущими историками Дагестана середины 50-х гг. XX в. В них достаточно убедительно освещены хозяйственно-экономическое развитие и положение жителей феодальных владений и союзов сельских обществ в XVII-XVIII в., их основные хозяйственно-экономические занятия – земледелие, животноводство, ремесло, торговля и т.д., обеспечивавшие их жизненно важными продуктами и всем необходимым для жизнедеятельности людей. Эти же материалы позволяют говорить о том, что горские народы занимались созидательным трудом², а не грабежом соседних народов.

Достаточное внимание в I томе «Очерков истории Дагестана» уделено и характеристике состояния общественных отношений в Дагестане в XVIII в. При этом подчеркивается, что «в условиях роста производительных сил Дагестана в XVIII ве-

¹ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. В 2-х тт.

² Там же. С. 142-146.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 399.

² Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Вып. 8. Тифлис, 1875; Гидатлинские адаты. Подготовка к печати Х.-М. Хашаева и М.-С. Саидова; Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи / ССКГ. Вып. 5. Тифлис, 1892; Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы. Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968; Магомедов Р.М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1968.

ке происходили соответствующие изменения и в его общественно-политическом строе. Как и в предыдущий период, в более развитых в экономическом отношении районах страны продолжался процесс развития феодальных отношений. Ханы и беки являлись в этих районах верховными собственниками пахотных и пастбищных земель, причем частью этих земель они владели на правах вотчины.

Крестьяне находились в зависимости от ханов или беков, «отбивали различные повинности. Имело место и прикрепление крестьян к земле...»¹. В менее развитых в социальном плане районах Дагестана наблюдалось сочетание развивавшихся феодальных производственных отношений с отживавшими первобытно-общинными отношениями. Но и в этих районах имело место имущественное неравенство. Верхушка общества успела захватить значительную часть пахотных и пастбищных земель, имела много скота, использовала рабский труд и участвовала в торговле. В связи с этим усиливалась и общественно-политическая роль этой верхушки. Именно «из нее выбирались управители общества, которые всячески старались подчинить его себе»².

Отмечается совершенно справедливо в «Очерках...» и то, что главы обществ пытались иногда опереться и на соседние ханства, что было на руку ханам, стремившимся подчинить себе данные общины»³. Примером этому служило то, что наиболее крупные феодальные владения Дагестана, каковыми являлись ханства Казикумухское и Аварское, в XVIII веке значительно расширили свои владения. Сурхай-хан казикумухский присоединил к своим наследственным владениям часть территории Южного Дагестана и Шемаху, а также местность Вуркун-даргуа»⁴. Аварский хан Ума-хан вынудил грузинского царя Ираклия II платить ежегодно дань в размере 5 тысяч рублей серебром, подчинил своей власти многие села западного и северного Дагестана, ранее независимые от Аварского ханства»⁵.

¹ Очерки истории Дагестана. 1957. С. 146.

² Там же.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Показателем зрелости социальных отношений в Дагестане в XVIII в. было усиление в нем проявлений классовой – по характеру антифеодальной борьбы. Она особо проявлялась в форме побегов крестьян от одних феодалов к другим. Как отмечали авторы «Очерков истории Дагестана», особенно усилилось бегство крестьян в пределы Русского государства во второй половине XVIII века»¹. Имели место и кровавые столкновения крестьян с феодалами»². По мнению авторов «Очерков истории Дагестана» существовавшие на территории Дагестана к началу XIX в. феодальные владения и союзы сельских обществ различались по своему этническому составу; в той или иной степени они отличались друг от друга и «уровнем своего общественно-экономического развития», сложностью земельных и социальных отношений; общество делилось на два класса: ханы, беки, чанки, духовенство и сала-уздени составляли класс феодалов. Зависимый или крестьянский класс состоял из узденей, живших на землях феодалов, выплачивая им за это подати и повинности. К земле практически были прикреплены чагары и райяты»³. На самом низу социальной лестницы находились бесправные кулы и каравашы или рабы и рабыни, выполнявшие самые тяжелые и грязные работы в домах и дворах феодалов. Их положение достаточно лаконично, но ярко показано в цитируемых «Очерках...»⁴.

В начале XIX в. с признанием присоединения Дагестана к России по Гюлистанскому мирному договору Ирана с Россией правительство последней защищало феодалов Дагестана и оберегало их имущественные интересы»⁵, способствовало «более четкому оформлению социальных граней, углублению и обострению классовых противоречий в дагестанском ауле»⁶.

Сведения «Очерков истории Дагестана» о системе управления в феодальных владениях и союзах сельских обществ в конце XVIII – нач. XIX вв. свидетельствуют о том, что эти системы значительно различались. Царизму приходилось

¹ Очерки истории Дагестана. 1957. С. 152.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 195-196.

⁴ Там же. С. 196-197.

⁵ Там же. С. 197.

⁶ Там же. С. 199-200.

учитывать местные особенности и обычаи для усиления своего влияния на горские народы.

При этом «в связи с окончательным присоединением Дагестана к России отдельные феодальные владения и «вольные» общества должны были не только соблюдать верность царизму, но и нести определенные подати и повинности в пользу царской казны. Царизм теперь уже не стеснялся лишать дагестанских феодалов титулов и власти, если эти феодалы нарушали его интересы. Владетели находились под контролем командиров воинских частей, введенных в Дагестан в середине 1806 г.»¹.

Здесь важно подчеркнуть, что в Дагестане задолго до изучаемого нами периода сформировались свои самостоятельные государства во главе с правителями, имевшими свои резиденции, дворцы, систему чиновничества, территорию, войско (или ополчение, собиравшееся при острой необходимости). Иначе говоря, речь идет о протекании процесса формирования государства у горцев и плоскостных жителей Дагестана ещё до установления над ними царской власти, т.е. своим путем. И сложились в Дагестане две основные формы государственной власти. Одна из них более проще объяснимая форма – это форма правления, когда воля одного человека-феодала в силу множества обстоятельств становилась своего рода законом. Так возникали феодальные владения, носившие разные названия; но суть социально-правовых отношений в них была одна. Как правило, власть при этой форме государственности переходила по наследству от отца к сыну или к старшему в правящем клане.

Параллельно этой форме организации общества в Дагестане сложились и своего рода республиканского характера государственные образования, известные в исторической литературе, как союзы сельских обществ, где все основные вопросы жизнедеятельности жителей, входивших в эти объединения сел, решались на сельских сходах с использованием выборной системы, голосования, подсчета голосов и т.д. И надо сказать, что многие союзы сельских обществ Дагестана мало чем уступали соседним с ними феодальным владениям.

Царизм оказывал сильное влияние на эволюцию системы управления Дагестана, распространяя на него свои законопо-

ложения, административную реформу. Как утверждают авторы «Очерков истории Дагестана», в первой половине XIX в. царизм сохранял в Дагестане прежнее управление с незначительными изменениями: феодальные владетели управляли своими владениями «на ханских правах», с формальным ограничением права на смертную казнь, увечьящие наказания и отчуждение имений, не принадлежащих им на правах частной собственности. Не подвергалось особому изменению также бекское и сельское управление». Только высшая власть в Дагестане была сосредоточена в руках высшего царского командования. В целом же «отсутствие единой системы управления в этот период объяснялось как разнообразием условий и форм прежнего управления в Дагестане, так и военной обстановкой»¹.

Царизм последнее обстоятельство очень чутко улавливал и старался насадить ускоренными темпами удобную себе систему управления в тех областях Дагестана, которые уже были под властью или сильным влиянием России. Особенно ярко это можно было проследить на примере системы управления, внедренной царизмом в Засулакской Кумыки. Она была поделена на три самостоятельных административных участка (Эндиреевский, Аксаевский и Костековский); каждый из них имел частного пристава и старшего князя. Во главе всех приставов стоял главный кумыкский пристав².

При этой системе управления уголовного характера дела рассматривались в военных судах, маловажные гражданские и такие уголовные дела регулировались князьями и кадиями. Жалобы на их решения передавались на рассмотрение Анdereевского (Эндиреевского) городского суда, состоявшего из председателя-коменданта крепости Внезапной, одного члена из русских чиновников, 6 членов из числа богатых узденей и эндиреевского кадия. На заседаниях суда обязаны были присутствовать представители Аксаия и Костека. При вынесении своих решений городской суд должен был руководствоваться нормами обычного права (адата) и шарията³.

¹ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 201.

² Там же.

³ Там же. С. 201-202.

¹ Очерки истории Дагестана. 1957. С. 201.

Определенные нововведения были введены и в систему управления Тарковского шамхальства, которым к началу XIX в. управлял Магомед-шамхал, дослужившийся до чина тайного советника и получавший из царской казны ежегодно 6000 руб. серебром. Он управлял на прежних правах: в то время функционировало бекское и сельское управление. Вся эта система управления должна была обеспечивать отбывание жителями Шамхальства тяжелых повинностей по строительству укреплений и дорог, по перевозке необходимого для царских войск провианта, по обеспечению царских войск сеном и топливом и т.д. Уже при шамхале Абу-Муслим-хане состоял русский офицер в качестве помощника шамхала, но все более и более вмешивавшийся во внутренние шамхала¹.

В «Очерках истории Дагестана» нашли отражение и изменения, происшедшие в системе управления и других административно-политических структур Дагестана. В частности, отмечено то, что «Кайтагом в начале XIX в. управлял уцмий Рустам-хан на ханских правах», имевший чин четвертого класса и годовое жалованье из царской казны в 2000 руб.². Уцмийский титул в 1820 г. был отменен А.П. Ермоловым, а «Кайтаг был оставлен под управлением беков, которые находились под наблюдением русского пристава, имевшего резиденцию в сел. Великенте. Доходы, шедшие раньше в пользу уцмий, в том числе и подати от уцмийских райят, были переданы казне».

Что касается Табасарана, табасаранские правители Рус-тем-кади и майсум Сохраб-бек приняли подданство России 15 октября 1799 г., имели чин 4 класса и получали по 1500 руб. жалованья³.

В 1806 г. после занятия Дербента русскими войсками во главе с генералом Глазенапом и принятия дербентскими жителями присяги на верность России (24 июня 1806 г.) «в городе было сохранено управление наиба, которым был назначен Алпан-бек, управлявший под контролем коменданта. В 1812 г. в Дербенте было учреждено главное управление Дербентской и Кубинской провинциями. Для внутреннего управления был уч-

режден городской суд (диван)», председателем которого был комендант крепости, членами – 2 бека и 2 жителя города.

Члены этого суда избирались сроком на 1 год. Состав суда утверждался через окружного начальника главнокомандующим. Задача суда этого заключалась в том, чтобы примирять ссорящихся и прекращать распри. Суд этот разбирает гражданские и маловажные уголовные дела, руководствуясь обычаями, а при их отсутствии – российскими законами. Дела же по важным преступлениям (измена, нарушение верноподданнической присяги, убийство, разбой, похищение казны, вывоз российских денег за границу, фальшивомонетничество и т.д.) по расследованию полицией отсылались на рассмотрение в военный суд, который состоял из военных командиров¹.

Кюринское и Казикумухское ханства до 1812 г. составляли одно владение, а в 1812 г. было выделено из них особо Кюринское ханство, правителем которого был назначен Асланбек – племянник ярого противника России Сурхай-хана казикумухского, весьма послушный сторонник России. Вражда Сурхай-хана с Аслан-ханом продолжалась до смерти первого в Аварии в 1826 г. Сурхай-хан был генералом Мадатовым разбит 12 июня 1820 г. у Чираха, бежал в Кумух, где его не приняли и откуда он ушел в Аварию. В том же году в июле месяце Казикумухское и Кюринское ханства были объединены в одно ханство, правителем которого стал Аслан-хан².

В «Очерках истории Дагестана» нашли отражение и вопросы управления союзами сельских обществ Дагестана. В частности, в них утверждается, что «Акушинский союз «вольных» обществ и Сюргинское «вольное» общество были покорены и принесли присягу царю в декабре 1819 г. Управление в них было сохранено прежнее, т.е. общества эти управлялись наследственными и выборными кадиями, а для разбора судебных дел выбирали старшин»³. Что касается союза обществ Акуша-Дарго, состоявшего из 6 малых обществ (Акушинского, Цудахарского, Усишинского, Мегебского, Мекегинского, Ураинского), в 1844 г. оно было преобразовано в Даргинский ок-

¹ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 202

² Там же. С. 203

³ Там же.

¹ Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 204.

² Там же. 205.

³ Там же.

руг, а малые общества – в магалы, которые управлялись кадиями»¹. Иначе говоря, царизм не внес крупных изменений в систему их управления.

Представители самурских лезгинских обществ в 1812 г. подписали с генералом Хатунцевым соглашение о вступлении их под покровительство России и согласия платить со ста баранов двух баранов – одного за пастьбу скота в Кубинской провинции, а другого – как дань². Других существенных изменений в системе управления к изучаемому нами периоду у них не произошло.

Отметим, что ханы аварский и казикумухский и уцмий кайтагский обладали наследственной властью; при ханском дворе постоянно имелась дружина – нукеры для выполнения полицейского характера функций; в случае войны объединения общин, входивших в ханство, были обязаны выставлять воинов на собственном содержании; в целом «в Кумыкии, шамхальстве Тарковском, ханстве Мехтулинском, майсумстве Табасаранском, южной части уцмийства Кайтагского власть общин, особенно в раятских селениях, не играла особой роли. В них господствовала власть ханов и беков, которые являлись неограниченными властелинами»³.

Эти порядки управления всеми частями Дагестана сохранялись практически без особых изменений до утверждения в апреле 1860 г. особого «Положения об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом»⁴. Согласно этому «Положению...» в Дагестанскую область входил бывший Прикаспийский край без Кубинского уезда и весь горный Дагестан. Область была разбита на четыре военных отдела (Северный Дагестан, Средний Дагестан, Южный Дагестан и Верхний Дагестан)», во главе которых стояли начальники, в ведение которых входили округа», управлявшиеся окружными начальниками», владение Тарковское, управлявшееся шамхалом, ханства, управляемые ханами, и отдельное Присулакское наибство во главе с наибом.

При этом округа подразделялись на наибства, во главе которых стояли назначенные наибы, «в Даргинском округе было сохранено прежнее деление на общества, которыми управляли в качестве наибов кадии, назначаемые правительством из фамилий, управлявших этими обществами. Жители Дербентского градоначальства и города Петровска управлялись по общим законам империи, с некоторыми исключениями, сделанными для Закавказья». Остальное же население Дагестана, которое состояло в военно-народном управлении и под управлением ханов, управлялось по народным обычаям и особым постановлениям»¹.

В анализируемых «Очерках истории Дагестана» затронутый вопрос раскрыт, как говорится, как на ладони. Приведенные в восьмой их главе данные позволяют утверждать, что царское правительство не как попало внедряло основные законоположения в жизнь, а вся система управления была достаточно четко разработана, учитывала традиционно сложившиеся на территории Дагестана административно-политические образования, сохраняя преемственность их территориальной целостности.

По этому «Положению...» осуществлялась и судебная реформа», которая тоже учитывала многое из веками сложившихся народных обычаев и традиций в решении гражданских дел. При этом «судопроизводство» в Дагестане осуществлялось:

1. По военно-уголовным законам – в комиссиях уголовного суда.
2. По общим законам империи – в Дагестанском областном суде.
3. По адату и шариату и по особым правилам, расширившимся по мере развития общественной жизни и судебной практики, – в так называемом Дагестанском народном суде и горских словесных судах... Председателем Дагестанского «народного» суда являлся помощник военного губернатора. Решения «народного» суда утверждались начальником области, «от которого зависело утвердить определение суда или представить

¹ Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 205

² Там же.

³ Там же. С. 209.

⁴ Подробности см. Там же. С. 238-247.

¹ Там же. С. 238-240.

его со своим заключением на рассмотрение главнокомандующего Кавказской армией»¹.

Обычно исследователи критикуют название «народных» судов, введшихся тогда в систему управления, утверждая, что «окружные народные» суды состояли из представителей богатой верхушки от каждого наибства и одного кадия. Они рассматривали дела по гражданским спорам и тяжбам всякого рода, по воровству, ссорам, дракам, увозу женщин, если даже они имели последствием увечье или даже смерть, а дела между мужем и женой, родителями и детьми, а также дела по религиозным вопросам окружной суд решал по шариату. Остальные дела он решал по адату.

Положительным в этих судах было то, что их заседания и разбирательство дел происходили открыто с присутствием свидетелей тяжущихся сторон, без бюрократических затяжек. А вообще суды и судьи во все времена, не исключая и XVIII-XIX в., являлись объектами критики, а не похвалы. Поэтому оценка их деятельности должна исходить из убедительных фактов. Каков бы ни был суд, он существовал в разных формах и в целом играл общественно полезную роль, в одних случаях меньше, в других случаях – больше.

Недостатком судебной системы, внедрявшейся в 60-х гг. XIX в. в Дагестане, было отсутствие для горских судов кассационных инстанций. «Жалобы на решения судей можно было подавать только непосредственно военным начальникам, от которых и зависел исход дела»².

* * *

Серьезный вклад в дело изучения поднятой нами проблемы внесли труды известных дагестанских исследователей С.Ш. Гаджиевой³ и Х.-М.О. Хашаева⁴, опубликованные в 1961 г. в Москве. Материалы, приведенные в них, не дают никаких оснований для оптимистического настроения сторонникам теории

о догосударственном и доклассовом уровне общественного развития в XVIII-XIX вв. народов Северного Кавказа, от которых нельзя отрывать и народы Дагестана. Особенно ярко эта мысль выражена в работе Б.В. Виноградова, пишущего, что «горцы представляли свое «российское подданство» как права без обязанностей и даже без ограничения «традиционных форм жизни», наносивших вред России, которая должна была их защищать. Догосударственный, а нередко и доклассовый уровень развития народов Северного Кавказа только способствовал созревающему конфликту»¹ в XVIII-XIX вв. между Россией и местными кавказскими народами.

Кстати, эти же взгляды Б.В. Виноградова нашли отражение и в его автореферате докторской диссертации, где он упорно пытается внушить читателям «отсутствие» колониальной экспансии» у России в политике по отношению к народам Северного Кавказа, «вынужденность военных мер российских властей в регионе»².

По его мнению, противоречия, проявлявшиеся в исследуемый период на Северном Кавказе «между местными российскими властями и горскими народами, проистекали во многом в силу стадийного уровня развития самых горцев, из разного понимания сторонами «подданнических присяг», одним из главных условий которых было прекращение набегов»³.

По мнению Б.В. Виноградова все, что делала Россия в отношении народов Северного Кавказа, не исключая и Дагестана, было мерой необходимой, к тому же в известной степени стимулирующей усиление российской ориентации части горских народов». При этом «соотношение мирных и военных мер российской администрации в отношении горцев диктовалось конкретными особенностями внутри – и внешнеполитической обстановки в отдельных частях региона, а не «колониальной экспансией» России на Северном Кавказе. Какого-либо «захвата горских земель» в исследуемый период не происходило, скорее российские власти стимулировали расселение горских

¹ Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Монография. Славянск-на-Кубани. 2005. – 382 с. С. 55-56

² Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Армавир, 2006. С.5.

³ Там же. Пункт 3.

¹ Очерки истории Дагестана. С. 240.

² Там же. С. 241.

³ Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. (Далее- Гаджиева С.Ш. Кумыки), М. Наука. 1961. – 388 с.

⁴ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Отв. ред. Косвен М.О. Москва. Наука. 1961. – 262 с. (далее – Хашаев Х.-М.О. Указ. соч.).

народов на плоскостных территориях, ранее им не принадлежавших»¹. При этом Б.В. Виноградов забывает, что эти территории Северного Кавказа и России не принадлежали тогда.

Такая тенденциозность в интерпретации этих и других подобных им фактов вряд ли может способствовать объективному изучению и освещению происходивших в северокавказском регионе событий и российско-северокавказских отношений. В своем рвении оправдать политику царской России в отношении народов Северного Кавказа создатели процаристской теории или идеи «российскости», от которой напрашивается прямой шаг или путь к «дагестанскости», «чеченскости» и т.д., если говорить по аналогии, дошли до утверждения, что в 1792-1794 гг. еще «проблемой горско-российских взаимоотношений остаются набеги и российские власти пытаются налаживанием экономических связей с горами отвлечь их от этого проявления традиционного уклада»², что «постоянным фактором напряженности горско-российских взаимоотношений оставалась набеговая экспансия горцев, являвшаяся частью их традиционного уклада»³.

По этому поводу можно много дискутировать, выясняя, кто был прав в своих действиях – российские правители или северокавказские, в их числе и дагестанские владетели, упорно сопротивлявшиеся распространению и укреплению влияния царской власти на Северном Кавказе. Но в конечном итоге не горцы совершили походы в российские владения, а войска России в конце XVI – нач. XVII вв. шли на Кавказ, в Дагестан⁴.

Никакая отсталость, если даже она и имела место у народов Северного Кавказа в социально-экономическом развитии к изучаемому нами периоду, не дает оснований для оправдания агрессивных действий царских властей в отношении горских и

равнинных народов изучаемого региона, составной частью которого был и Дагестан.

И в том, что его народы, в частности кумыки, ничуть не отставали в своем общественно-политическом развитии от других соседних народов, нас убеждают наблюдения и выводы фундаментального труда С.Ш. Гаджиевой «Кумыки» (М.: Наука, 1961 г.). В нем подчеркнута было автором, что важную роль «в общественной жизни кумыков XVI-XVII вв., когда господствовал феодальный строй, были еще устойчивы патриархально-родовые пережитки», выразившиеся в сохранении больших патриархальных семей и тухумов (родовых организаций) с институтом кровной мести, игравших, несмотря на прочно утвердившуюся сельскую общину и феодальные производственные отношения, немаловажную роль»¹. По ее словам «с конца XV-начала XVI в. мы имеем уже более систематические и полные данные по истории политических образований на территории кумыков», наиболее крупным из которых было «Тарковское шамхальство»², в котором «с кумыками были объединены лакцы (до сер. XVII в.), отдельные аварские общества, чеченцы, жившие в пограничных с Дагестаном районах, ногайцы, кочевавшие на Терско-Сулакской низменности...»³. При этом С.Ш. Гаджиева отмечала, что «процесс образования отдельных феодальных княжеств был очень длительным. Изменение границ Тарковского шамхальства и отдельных уделов не прекращалось и в XVIII в. Несомненно. Это дробление проходило далеко не мирно. Тарковские шамхалы упорно боролись за сохранение своей власти на всей территории кумыков»⁴.

По наблюдениям С.Ш. Гаджиевой, начиная со второй половины XVI в., «шел процесс дробления Тарковского шамхальства на отдельные самостоятельные владения (бийлики). Этот процесс, как и повсюду, отражал определенный этап развития феодальных отношений, был вызван ростом крупного землевладения и связанного с ним экономического и политического укрепления отдельных феодалов, а также ростом фео-

¹ Там же.

² Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Монография... С. 187.

³ Там же. С. 188. (пункт 7).

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 67-83; История Дагестана. М., Наука. 1967. Т. 1. С. 282-288; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 124-138.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 46.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 48.

дальной эксплуатации и усилением классовой борьбы»¹. Примерно во второй половине XVII в. Эндиреевское владение распалось на три самостоятельные части, каковыми являлись Аксаевское, Костековское и часть собственно оставшаяся под названием Эндиреевского владения. Их названия являются производными от названий их главных центров – Аксай, Костек, Эндирей. По сведениям С.Ш. Гаджиевой в начале XVII в. от Тарковского шамхальства отделились Карабудахкентское, Кумторкалинское, Губденское и Бамматулинское владения, а несколько позднее и Мехтулинское ханство²; согласно источникам конца XVII – нач. XVIII в. между Кайтагским уцмийством и Буйнакским бийликом образовалось еще одно кумыкское феодальное владение под названием Отемышского султанства, владетель которого осмелился выступить против проходивших в Дербент по приморскому каспийскому пути в 1722 г. царских войск³.

Здесь важно отметить, что даже в силу этих не очень больших по объему и содержанию данных можно говорить о давно шедшем в Дагестане, как и в других этнических регионах Северного Кавказа, процессе образования государств, характерных для эпохи феодализма. В силу этого не нахожу возможности согласиться с сутью идеи о догосударственном уровне развития северокавказских народов и доклассовом характере их общественных отношений вплоть до XIX в., поскольку и феодальный класс и крестьянский класс состояли из разных социальных сословий, не были однородными.

И это прекрасно было освещено еще в 1961 г. покойной уже С.Ш. Гаджиевой.

Ссылаясь на труд большого знатока кумыкской истории князя Хамзаева «Кое-что о кумыках» (Газета «Кавказ» 1865, № 68), она писала, что кумыки разделялись на семь классов или сословий, а именно: князья, чанки, сала-уздени, простые уздени, чагары, теркемейцы и холопы⁴. Она же привела сведения по этому вопросу из труда Н. Дубровина, указавшего восемь сословий, из которых состояло дагестанское феодальное общест-

во в целом. Он выделял: 1) князей, 2) чанков, 3) сала-узденей, 4) просто узденей, 5) догерек-узденей, 6) азат-узденей или вольноотпущенных, 7) чагаров, 8) кулов. В отдельные сословия он выделял также «терекеме» и «казаков». Всего, таким образом, он насчитывал у кумыков десять социальных групп¹.

При этом заслуживает внимания утверждение С.Ш. Гаджиевой о том, что «засулакским кумыкам термины «хан» и «бек» неизвестны», в Засулакии «все потомки Султан-Мута, независимо от того, управляли они владениями или нет, назывались «биями» или «князьями».

Нельзя обойти без внимания и ее довольно информативное примечание, в котором подчеркнуто, что, «хотя все кумыкские владетели считались представителями шамхальского дома, засулакские князья держались несколько обособленно. Они вели свою родословную от Султан-Мута, который правил примерно с 1574 по 1635 год. О Султан-Муте и происхождении князей Кумыкской плоскости существует несколько преданий. По одному преданию, Султан-Мут являлся сыном шамхала Анди (правившего в XVI в.) от брака с кабардинской княжной². По другой версии, подтвержденной письменными источниками, он был сыном шамхала Чопана и кабардинки из семьи узденей Анзоревых. Братья Султан-Мута, рожденные от княгинь, не признавали его равным себе. Тогда Султан-Мут собрал вооруженные силы в Салатавии и в Кабарде и заставил братьев признать его равенство с ними и выделить ему удел, следуемый ему по праву наследования³.

О богатстве социальной структуры в кумыкских феодальных владениях изучаемого нами периода свидетельствует и то, что, кроме беков из шамхальской фамилии и из рода Султан-Мута, в некоторых селениях Тарковского шамхальства были также беки, известные под общим именем «карачи-беков», или «карачи-биев»⁴.

¹ Там же; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. 1871. Т. I. Кн. I С. 630.

² Шамхалы Тарковские. // ССКГ. Тифлис. 1868. Вып. I. С. 58.

³ М.Б. Лобанов-Ростовский. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Газ. «Кавказ», 1846. № 37; Кумык (Д.-М. Шихалиев). Рассказ кумыки о кумыках. // Газ. «Кавказа». 1848. № 35-44).

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 106.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки Там же. С. 48-49.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 50, 58.

⁴ Там же. С. 106.

Отметим, что слово «карачи» переводится с кумыкского языка «смотритель», «разбиратель», что к ним для разбирательства спорных вопросов приходили главным образом в Эрпели, беки которых считались «блюстителями всех кумыкских старинных обычаев»¹, которые были зафиксированы в одном из Коранов, хранившихся в Эрпелях. Согласно имеющимся сведениям «в Эрпели хранилась книга Исмаил-Куран, где записывались все достопамятные постановления карачинского сословия»².

После ознакомления с этими данными вряд ли можно говорить о каком-то доклассовом и догосударственном уровне развития, в частности, кумыков, находившихся в теснейших торгово-экономических и политических контактах со всеми народами Северного Кавказа, а также с Россией.

При этом не обязательно, чтобы все возникавшие у народов Северного Кавказа, в том составе и Дагестана, государства были огромными, централизованными. С.Ш. Гаджиева тоже подчеркивала, что «в начале XIX в. на Кумыкской равнине не было централизованного государства. Продолжали существовать такие политические образования, как Тарковское шамхальство, Мехтулинское ханство, Эндиреевское, Аксаевское и Костиковское владения, находившиеся под властью России. Каждое из этих владений сохраняло самостоятельное внутреннее управление и в свою очередь делилось на мелкие уделы. Южные же кумыки продолжали оставаться в составе Кайтагского уцмийства»³.

Во избежание недоразумений отметим, что собственно шамхалы играли среди кумыкских феодальных владельцев своего рода централизаторскую роль, так как считались «валиями дагестанскими и владельцами Буйнака», принуждали многих владельцев Дагестана к вассальной зависимости. П.Г. Бутков утверждал, что «шамхал тарковский есть самовластный владелец и тяжбы своих подданных сам решает деспотически»⁴. Шамхал решал «дела большой важности», сурово наказывал

преступников¹. В Шамхальстве не было своей строгой и сложной системы административных учреждений, постоянного какого-либо совета феодалов, но он собирал на маджалис своих советников, с участием которых принимал решения, что не мешало ему «делать все, что ему заблагорассудится», и осуществлять свою неограниченную власть².

Обратим внимание и на то, что «тарковский шамхал не имел постоянной армии, но он имел большое число нукеров-дружинников, которых русские называли «шамхальской милицией». Он, по сведениям источников конца XVIII – начала XIX в., мог выставить «поголовно с оружием» до 25-26 тыс. вооруженных человек³. Имел шамхал в своем распоряжении и достаточное число чиновников. По словам И.Н. Березина для наблюдения за общественным спокойствием в Тарках «имелся кала-бек (городничий) из татар», а при нем находились юзбаши (сотник) и чауши (городовые)⁴, стольники, виночерпии, нукеры, казаки и рабы. С.Ш. Гаджиева обратила внимание и на то, что в главных селениях засулакских феодальных владений в Эндирее, Аксае и Костеке собирался особый совет, членами которого являлись князья, выделяемые по одному человеку из каждой княжеской фамилии по старшинству. Во главе совета стоял один из наиболее влиятельных и старших летами его членов, который назывался старшим князем, а остальные князья назывались просто старшинами или «картами»⁵.

Завершим оценку вклада, внесенного С.Ш. Гаджиевой в изучение одного из крайне сложного аспекта изучаемой нами проблемы – об уровне социального и государственного развития народов Дагестана до присоединения его к России по Гюлистанскому договору 1813 г., еще одной сноской на ее работу, в которой сказано совершенно обоснованно, что «первая половина XIX в. характеризуется для Кумыкии, как и для всего Дагестана, сохранением политической власти феодальных владельцев. Тарковский шамхал, мехтулинский хан и князья на Ку-

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки..С. 132.

² Там же. С. 133.

³ Там же.

⁴ Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. СПб. 1850. С. 102; Ч. 1. Казань. 1849. С. 67-74; Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 133-134.

⁵ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 134.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки Там же. С. 107-108.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 131.

⁴ Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 200.

мыкской плоскости продолжали управлять своими владениями «на ханских правах». Вместе с тем, находясь под контролем царского военного командования, они были в значительной степени ограничены в своих правах по управлению владениями и в случае неповиновения царскому правительству и его администрации лишались своей власти»¹.

* * *

Несомненно, значителен вклад в изучение ряда аспектов поднятой нами проблемы, внесенный и покойным профессором Х.-М. Хашаевым, сделавшим очень многое для обогащения истории Дагестана огромным количеством им выявленных в разных архивах страны и опубликованных документальных материалов и источников по самым различным аспектам истории народов Дагестана и Северного Кавказа, народно-освободительной борьбы их против царского самодержавия в 30-50-х гг. XIX в. Настольной книгой для историков и нашего времени остается его труд «Общественный строй Дагестана в XIX веке», как отмечалось уже, изданный ещё в 1961 г.

Особенно привлекателен в интересующем нас плане §2 «Организация управления Дагестаном до образования Дагестанской области» первой главы «История Дагестана XIX в.» Дело в том, что согласно данным Х.-М. Хашаева «приказом по Кавказской армии от 16 июля 1860 г. были установлены следующие официальные даты присоединения отдельных частей Дагестана к России: для Дербентского ханства – 22 июля 1806 г., для Кюринского ханства 14 декабря 1811 г., для Табасарани – декабрь 1819 г., для Казикумухского ханства – 12 июня 1820 г.»². При этом Х.-М. Хашаев подчеркивал, что «Уцмийство Кайтагское, владения майсума и кади Табасарани, ханства Дербентское, Аварское, Казикумухское и Мехтулинское, отдельные «вольные» общества (Акуша, Анди) принимали подданство России одновременно в XVII-XVIII вв. Фактически с 1722 по 1735 г. весь Дагестан был составной частью Русского государства»³.

Естественно, все эти политические акции оказывали сильное влияние на систему управления, которая под влиянием

мероприятий, проводившихся царскими властями, подвергалась значительным изменениям, приобретала более бюрократически-чиновничий характер, хотя в принципе «в первой половине XIX в. в Дагестане было сохранено прежнее управление с незначительными изменениями», которые заключались в том, что феодалы управляли своими владениями на ханских правах с ограничением феодальных прав на смертную казнь, на наказания, сопряженные с нанесением увечья и на отчуждение имений»¹. При этом «не подвергались особым изменениям также бекское и сельское управления»².

Писать после всех этих сведений, характеризующих существование во всех феодальных владениях Дагестан, а также в союзах сельских обществ своих особенных систем управления до присоединения Дагестана к России в 1813 году, что народы Северного Кавказа, в их числе и Дагестана находились на догосударственном уровне развития, просто не этично. Каждая из двух основных систем управления, имевших место в Дагестане в XVII-XVIII вв., а также до введения в нем российской системы управления, обеспечивала самостоятельное жизнеобеспечение каждого из всех сложившихся административно-политических образований, где правил твердо установленный порядок, а не господствовала анархия, тормозящая любой общественный прогресс.

И здесь вполне уместно привести выдержку из цитируемой работы Х.-М. Хашаева, писавшего, что: «В отдельных владениях и обществах управление имело следующие формы. Засулакская Кумыкия, или владения кумыкских князей, была разделена на три административных участка: Андреевский, Аксаевский и Костиковский; каждый участок имел частного пристава и старшего князя. Во главе всех приставов стоял главный кумыкский пристав. Уголовные дела рассматривались в военных судах. Разбирательство гражданских и маловажных уголовных дел было представлено князьям и кадиям»³. При этом «жалобы на решения князей и кадиев передавались на рассмотрение Андреевского городского суда, который состоял из председателя-

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 142

² Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М. 1961. С. 36.

³ Там же.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 36-37.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 37-38.

коменданта крепости Внезапной, одного члена из числа русских чиновников, шести членов из числа знатных узденей и Андреевского кадия». Обязательно, в суде должны были присутствовать представители Аксая и Костека. Так называемый «городовой суд» в Эндирее руководствовался адатом и шариадом¹.

Нечто аналогичное Эндиреевскому городовому суду царские власти создали ещё в конце июня 1806 г. и в Дербенте, после взятия его царскими войсками во главе с ген. Глазенапом. Как писал еще Х.-М.О. Хашаев в 1961 г., «24 июня 1806 г. жители Дербента принесли присягу на подданство России. В городе было сохранено управление наиба, наибом был назначен Алпан-бек, управлявший под контролем коменданта города.

Царскими властями председателем городского суда в Дербенте был назначен комендант крепости, а членами – два бека и два жителя Дербента. Один из них был армянин, другой – магометанин (мулла). Члены суда избирались или переизбирались на год. Состав суда утверждался через посредство окружного начальника главнокомандующим. Суд должен был не только разбирать тяжбы, но и «примирять тяжущихся и прекращать распри». Он должен был при разборе дел исходить из норм шариата или обычного права, а в отдельных случаях и российскими законами.

Важные преступления: измена, нарушение присяги, убийство, разбой, похищение казны, вывоз российских денег за границу, фальшивомонетничество и другие правонарушения – расследовались полицией, а затем отсылались на рассмотрение в военный суд, который состоял из военных чинов. При этом военный суд руководствовался военным уставом и специальными узаконениями².

И здесь при оценке уровня развития социальных отношений и административно-юридической (если так можно говорить об этом периоде истории Дагестана) службы в Дагестане, трудно обойти слова А. Ермолова из его письма к М.С. Воронцову от 24 февраля 1817 г. о том, что «Герзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изобра-

жение первоначального образования общества. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, унижающих человечество»¹.

Мне думается, что А. Ермолов в целях возвеличивания роли российских властей на Кавказе, в том числе и в Дагестане, чрезмерно приуменьшал все достижения правовой мысли и юриспруденции у народов Дагестана, хотя практически у каждого феодального владетеля в Дагестане и у всех союзов сельских обществ имелись еще с более раннего времени зафиксированные нормы обычного права, которые назывались по-разному: «кодексы, постановления», «Адаты...», но выполняли функции регуляторов работы судебной системы, роль юридическо-правовой основы при решении практически всех аспектов возникавших конкретных проблем и вопросов. В истории Дагестана не было случая приглашения кого-либо из внедагестанских знатоков норм обычного права, шариата и т.д. для решения возникших вопросов и тяжб, которые не могли решить дагестанские «специалисты» того времени по этим вопросам. Нельзя, конечно, утверждать, что не имели место и разные казусы при решении возникавших при тяжбах проблем. Но казусы судебно-юридического характера бывают во все времена, не исключая и наше время.

Вклад Х.-М.О. Хашаева в изучение затронутого здесь аспекта проблемы будет более заметным, если отметим, что он не оставил без внимания и систему управления союзов сельских обществ Дагестана, ее динамику. Не отвергнуты и по сей день его слова о том, что «в вольных» обществах горного Дагестана управление оставалось без изменения. В сельских общинах горной части Дагестана, где масса крестьян не была окончательно закрепощена, сохранились к моменту присоединения Дагестана к России формы выборности сельских судей, кадиев и других местных должностных лиц, хотя эта «выборность» очень часто превращалась в избрание одних и тех же лиц или лиц из одной и той же влиятельной фамилии»².

Приведенные в работе Х.-М.О. Хашаева материалы и сведения³ убеждают в обоснованности его утверждения о том,

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 42.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 126-127.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 36-38

² Там же. С. 39-40.

что «в горной части Дагестана в XIX в. существовали феодальные отношения, а не отношения первобытнообщинного строя»¹. Практически к этому выводу пришла ещё в 1954 г. и научная сессия Дагестанского филиала АН СССР².

В «Заключении» цитируемой здесь книги Х.-М.О. Хашаева сделаны обобщения и выводы, которые весьма актуальны и ныне, широко использованы исследователями (см. Хасбулатова Н.К. Шамхальство Тарковское в XVII-XVIII вв. (Социально-экономические отношения и политическая организация). Автореф. дисс... канд.ист.наук. Махачкала, 2007).

В этом же «Заключении» подчеркивается особо, что «Феодальные отношения в равнинной части Дагестана были значительно более развитыми. Шамхалы, ханы, кумыкские князья и сала-уздени, уцмии, кадии, беки, чанки, крупное духовенство-шейхи и сеиды – успели закабалить значительную часть населения – чагаров, раят, терекемейцев, кулов и каравашей и часть узденей. При этом «уздени, обязанные платить подати и отбывать повинности, сохранили здесь только видимость личной свободы, а фактически они мало отличались от крепостных»³.

Следовательно, можно говорить, что по мнению Х.-М.О. Хашаева и в плоскостной и в горной частях Дагестана к концу XVIII – нач. XIX вв. господствовали феодальные производственные отношения, базировавшиеся на частной земельной собственности, неравномерность распределения которой между жителями феодальных владений, а также союзов сельских обществ способствовала прогрессу социальной дифференциации общества.

* * *

Несомненно важный вклад в изучение развития феодальных отношений и формирования на территории современного Дагестана феодальных государственных образований еще в раннее средневековье внес и доктор исторических наук, профессор В.Г. Гаджиев, труд которого «Роль России в истории Дагестана» не потерял своей значимости и ныне. Любителям архаизировать уровень развития общественных отношений в Дагестане до его присоединения к России в 1813 г. явно не понравится утверждение В.Г. Гаджиева о том, что «в дворянско-буржуазной историо-

графии имела широкое хождение великодержавная легенда, представляющая горцев Дагестана «неисторическими» народами. В то же время местные феодально-клерикальные историки, вторя зарубежными арабоязычным и протурецким фальсификаторам и низкопоклонствуя перед ними, связывали возникновение государственных образований в Дагестане с арабскими завоеваниями, угодливо возводили происхождение владетелей Дагестана от арабских наместников. Эти, по существу идентичные версии, ничего общего не имеют с исторической правдой»¹.

В доказательство верности своего утверждения В.Г. Гаджиев писал, что «достаточно сказать, что задолго до арабского завоевания в Дагестане возник ряд политических образований – царства Серир, Лакз, Гумик, Кайтаг, Зирехгиран и др.», а примерно с XII в. образуются относительно крупные государственные образования: ханство Аварское, шамхальство Казикумухское, уцмийство Кайтагское, майсумство Табасаранское и целый ряд мелких политических объединений...². Накануне присоединения к России в Дагестане было 10 феодальных владений и целый ряд аварских, даргинских (лакских, лезгинских и т.д.) союзов сельских обществ. Эти исторически сложившиеся государственные образования имели свои внутренние порядки, вооруженные силы, издавна продолжали жить самостоятельной политической и экономической жизнью»³.

В.Г. Гаджиев отмечал, что «в исторической литературе было принято считать дореволюционный Дагестан страной господства родового строя». При этом он ссылаясь на целый ряд трудов М. Ковалевского, В.И. Иваненко, П.В. Гидулянова, С.В. Юшкова, А.И. Иванова⁴. При этом он обращал внимание на то, что «еще в 1930-х годах советские историки Н.И. Покровский, А.И. Тамай и др. высказали мнение, что в Дагестане задолго до XIX в. начали развиваться феодальные отношения, но «эта концепция не получила должной поддержки исследователей»⁵.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 12.

² При этом В.Г. Гаджиев ссылаясь на СМОМПК. Вып. 32. С. 47; Вып. 38. С. 42, 43, 51, 52 и др.; Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 7, 16, 19. Подробно о царстве Серир он предлагал смотреть: В.М. Бейлис. Из истории Дагестана VI-XI вв. Исторические записки, 1963. № 73.

³ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 12.

⁴ Там же. С. 18. Сн. 2.

⁵ Там же.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 128

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 252-253.

Он считал это несправедливым, акцентировал внимание на то, что, «хотя большинство исследователей пришло к единому мнению о том, что в XIX в. в Дагестане феодальные отношения сочетались с пережитками родового строя, все же ряд историков продолжает архаизировать уровень общественного развития Дагестана». При этом он ссылаясь на вступительную статью сборника «Шамиль-ставленник султанской Турции и английских колонизаторов» (Тбилиси. 1953. С. III), а также на статью С.К. Бушуева («О кавказском мюридизме» // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 73)¹.

Сам же он считал Дагестан «краем со сложными и пестрыми общественно-политическими отношениями». По его мнению «в равнинной предгорной части Дагестана земельные угодья находились в основном в собственности феодалов при сохранении незначительной части общинного землевладения». При этом «общество распалось на два сравнительно резко очерченных класса:

1. Класс эксплуататоров: шамхалы, ханы, князья, беки, чанки (дети шамхалов и ханов, рожденные от неравного брака), сала-уздени – первостепенные уздени или средние дворяне².

2. Эксплуатируемый класс, который состоял из узденей трех степеней: простые уздени, догерек-уздени (круглые уздени), азат-уздени (вольнотпущенные (иногда их называют третьестепенными узденями), чагары-крепостные, райяты-терекемейцы³ и рабы».

При этом «феодально-зависимые крестьяне платили владельцам земли высокую феодальную ренту», в первую очередь – продуктовую. Произвол феодалов в этом вопросе приводил к разным формам классовой борьбы в феодальных владениях⁴.

Цитируемая работа В.Г. Гаджиева интересна тем, что она базируется на огромном фактическом материале, извлечен-

ном из множества архивных источников, выявленных им самим в архивохранилищах Москвы, Тбилиси, Махачкалы и т.д., а также данных из опубликованных в целом ряде сборников документов и материалов, изданных в XIX – XX вв.

Он очень лаконично, но емко охарактеризовал каждое феодальное владение, существовавшее в Дагестане во второй половине XVIII – начале XIX вв., указав границы, этнический состав населения, сельский состав каждого из них, их административно-политическое устройство. Это – Шамхальство Тарковское с центром в Тарках¹, Мехтулинское ханство (центр – Ниж. Джангутай)², Кайтагское удмийство (центры – Маджалис, Башлы)³, Табасаранское майсумство (центр – с. Чегрех) и Кадийство (центр – Эрси)⁴, Аварское ханство (центр – с. Хунзах)⁵, Казикумухское ханство (центр – с. Казикумух)⁶, Кюринское ханство (центр – Курах).

Не оставил без внимания В.Г. Гаджиев и союзы сельских обществ, которых он насчитывал более 60⁷. Среди них он особо выделял Салатавский, Гумбетовский, Хиндалальский (Койсубулинский), Андалалский, Гидатлинский, Андийский, Ахвахский, Дидойский, Куядинский, Анкратлинский, Хваршинский, Батлудалский, Калалалский, Чамалалский, Технуцальский, Тиндальский, Томс, Киль, Мукратлинский и др. союзы сельских обществ или «вольные» общества: даргинские – Акушинский, Цудахарский, Усишинский, Урахинский, Мугинский, Мекегинский; лезгинские – Ахтыпаринский, Докузпаринский, Алтыпаринский; Рутульский и Цахурский союзы сельских обществ⁸.

Он дал достаточно подробный анализ их общественно-политического устройства, системы управления и судопроизводства, их отношений с соседними феодальными владениями, правители которых все время стремились их подчинить своей

¹ Гаджиев В.Г. Роль России С. 19. Сн. 36.

² См. Лобанов-Ростовский. Кумыки (их нравы, обычаи, законы). // Кавказ, 1846, № 38; Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб. 1895. С. 229-230; Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса. 1882. Вып. 2. С. 191.

³ Гаджиева С.Ш. Очерки истории и этнографии дагестанских терекемейцев // Уч. зап. Даг. гос. жен. пед. института. Махачкала, 1958. Вып. 2. С. 61-97.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 19-22.

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. – С. 23-25.

² Там же. – С. 25-26.

³ Там же. – С. 26-29.

⁴ Там же. – С. 29-32.

⁵ Там же. – С. 32-35.

⁶ Там же. – С. 35-37.

⁷ Там же. – С. 37.

⁸ Там же. – С. 38.

власти¹. В целом же, по его мнению, в джамаатах решающую роль играли старшины, кадии, «богачи и знать». Решения джамаата принимались «с уважением», фактически общество делилось на разные по экономическому положению прослойки – на «богачей», «зажиточных», сельскую знать и духовенство², а с другой стороны – на крестьян, «свободных граждан», часть которых уже находилась в зависимом положении.

Здесь принципиально важно отметить мнение В.Г. Гаджиева о том, что «так называемые вольные общества находились на различном уровне социально-экономического развития, но при этом они не являлись родоплеменными объединениями. Существование джамаата, выборности должностных лиц, тухумной организации и т.д. свидетельствует не о господстве в обществах родового строя, а о наличии сильных пережитков патриархально – родового быта»³.

Не считаться с таким мнением крупного исследователя истории народов Дагестана и не только Дагестана, но и всего Кавказа, каким был ныне покойный доктор исторических наук, профессор В.Г. Гаджиев, отдавший свою жизнь этому благородному делу, просто так нельзя. Это можно расценивать или как проявление неуважения изошряющихся в демонстрации своей «российскости» российских (северокавказских) ученых-последователей В.Б. Виноградова к мнению местных исследователей или нежелание их даже знать это мнение.

* * *

И здесь особо актуально значимо мнение по этому вопросу весьма авторитетной в глазах ученых Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, исследовательницы исторических судеб горских народов Северного Кавказа доктора исторических наук, профессора Е.Н. Кушевой. Ее труд «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI-XVII вв.»⁴ внес важный вклад в разрешение и изучаемой нами проблемы. Уже на стр. 4 своей работы Е.Н. Кушева писала, что источники

¹ Там же. – С. 38-44.

² Гаджиев В.Г. Роль России... С. 43.

³ Там же.

⁴ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI-XVII вв. М. 1963. (Далее – Кушева Е.Н. Указ. соч.)

XVI-XVII вв. «для народов Северного Дагестана позволили подробнее осветить сложение феодальных владений в Дагестане...»¹. Далее она отмечала, что «правительство Русского феодального (подчеркнуто нами – автор.) государства уделяло особое внимание связям с феодальными слоями населения Северного Кавказа, преимущественно с владельцами Северного Дагестана и Кабарды»², писала о «феодальных съездах в Северном Дагестане» еще во второй половине XVI в., о том, что документы из российских архивов позволяют «восстановить социальную лестницу в кабардинских и дагестанских владениях XVI-XVII вв. ...»³.

В главе I «Народы Северного Дагестана» цитируемой работы Е.Н. Кушевой четко сказано, что «для социально-экономических отношений этнически пестрого населения Дагестана XVI-XVII вв. характерна неравномерность развития, отмеченная уже советскими исследователями»⁴, что «неравномерность в развитии производительных сил вела и к неравномерности развития социальных отношений в разных районах Дагестана. Основной линией, ясно выступающей по источникам XVI-XVII, да и более ранних веков, было складывание классовых феодальных производственных отношений, своеобразных, осложненных патриархально-родовыми пережитками; в высокогорных частях Дагестана этот процесс задерживался и для XVI-XVII вв. можно говорить лишь о начальных его признаках»⁵.

Уже ко второй половине XVI в. по мнению Е.Н. Кушевой в Северном Дагестане были «более крупные феодальные владения»: Тюменское ханство в степях нижнего течения Терека, потерявшее свое значение с постройкой в конце XVI в. русской крепости в устье Терека; Шамхальство, которое во второй половине или до конца XVI в. включало не только земли на плоскости и в предгорьях, заселенные в основном кумыками, но и лакский Казикумух; владение уцмия Кайтагского к югу от шамхальства, подходившее почти к самому Дербенту; Авар-

¹ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 4.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 41-42.

ское нусальство, центральная часть которого занимало Хунзахское плато»¹

В последнее время проблемой дискуссии среди некоторых кругов общества и исследователей стал вопрос о приоритетной роли в шамхальстве Тарков (как правило – кумыки) и Казикумуха (лакцы). И здесь очень важно мнение такой авторитетной, ранее других затронувшей эту проблему исследовательницы, как Е.Н. Кушева. Она писала еще в 1963 г., что «по известиям конца XV-XVI вв., шамхал (шевкал или царь Шевкальский, по терминологии русских источников, черкес-хан грузинских хроник, выступает сильными владельцем. Рядом с ним обычно называется крымшамхал – будущий шамхал»².

По ее же мнению «результаты обследования Л.И. Лавровым памятников шамхальского кладбища в ауле Кумух в Лакии подтверждают предания о том, что первоначально резиденция шамхалов находилась в горах в Кумухе и лишь впоследствии была перенесена на плоскость. Однако сообщение русской летописи 1560 г. о походе русского воеводы Ивана Черемисина на шамхала к Таркам, о битве с шевкальским князем», который в результате боя покинул Тарки и «побежал в горы», свидетельствует о значении Тарков в шамхальстве уже в середине XVI в.³

В XVII в. «шамхалы в переписке с Москвой и с воеводами Терского города постоянно употребляли для Шамхальства в качестве политического термина название Кумыцкая земля, Кумыки, что показывает, что территория шамхальства в это время в основном соответствовала территории, занятой кумыцкой народностью»⁴.

Если в 1963 г. Е.Н. Кушева писала, что «по источникам второй половины XVI и XVII вв. можно наблюдать процесс феодального распада шамхальства», в начале XXI в. по мнению Б.В. Виноградова народы Северного Кавказа, в их составе и Дагестана вообще в своем развитии еще в XIX в., оставались на

догосударственном и дофеодальном уровне развития общественных отношений.

Поэтому и приходится здесь выбирать позицию между «российскостью» и пророссийской ориентацией горских народов Северного Кавказа, формировавшейся в течение многих веков и ныне имеющей место быть у дагестанских народов. Примеров феодальной раздробленности Дагестана, следовательно существования на его территории множества, хотя территориально маленьких, но функционально вполне выполнявших положенные для феодальной эпохи функции государств, достаточно много. Они указаны и Е.Н. Кушевой¹.

Обратим внимание и на утверждения Е.Н. Кушевой о том, что «Термины Кумыки, Кумыцкая земля, Шевкальская земля употреблялись и в XVII в., но Шамхальство не сложилось в объединенное государство, а находилось в состоянии феодальной раздробленности и постоянных феодальных войн», одним из поводов которых был порядок замещения шамхальского престола в XVI-XVII вв., когда достоинство шамхала не было тогда наследственным по прямой линии, не было оно тогда закреплено и за тарковскими владельцами, как ошибочно повторялось рядом исследователей, и вообще не соединялось с каким-либо особым шамхальским уделом», и шамхалов выбирали из старших улемов, шамхальского рода разных феодальных владений Кумыцкой земли»².

О достаточно феодальном характере социальных отношений в Дагестане, в частности в Шамхальстве свидетельствует феодальная иерархия, сложившаяся в нем в XVII-XVIII вв. В частности то, что «шамхал, крымшамхал, ханы-князья и их дети-мурзы, беки, беи – составляли высший привилегированный слой феодального общества в Кумыцкой земле. Они были верховными собственниками земли феодальных владений»³. Зависимый класс состоял из «пашенных людей», «черных людей», холопов, ясырей, чагаров, райятов, рабов (кулов, лагов, кара-

¹ Там же. С. 42.

² Кушева Е.Н. Указ. соч. 42

³ Там же. С. 42-43.

⁴ Там же. С. 43.

¹ Там же. С. 44-45.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 49.

вашей)¹ и т.д. Основное население составляло лично свободное узденство.

Формировался в Дагестане уже и слой чиновников. Этот момент развития общества Е.Н. Кушева отметила и в шамхальстве, где, по ее словам, в XVII в. были «зачатки феодальной администрации – визирей, казначеев, приказчиков».

Особую роль в обществе, – по словам Е.Н. Кушевой – играли мусульманские шейхи, а также «умные люди», «благо-разумные люди», т.е. старшины, с которыми беки обязаны были считаться².

В свете всего сказанного трудно не согласиться с мнением Е.Н. Кушевой, что в Дагестане в XVI-XVII вв. происходили постоянно феодальные столкновения, войны, тяжело отражавшиеся на положении трудовой части населения. В то же время наряду с центробежными силами, раздиравшими Дагестан, действовали и тенденции к объединению, возникавшие в условиях сложившейся международной обстановки. В 1615, 1617, 1618, 1621, 1632, 1633 гг. собирались съезды дагестанских феодальных владетелей для установления мира между ними³, для принятия общих мер при возникновении угрозы иноземного нашествия и т.д.

* * *

В изучение эволюции социально-экономических отношений в Дагестане и их состояния во второй половине XVIII – нач. XIX в. важный вклад внесла и совместная работа Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова, которые этот вопрос в отношении народов Южного Дагестана рассмотрели основательно. В ней авторы подробно охарактеризовали социальную структуру феодального класса в государственных образованиях Южного Дагестана, где проживали лезгины, табасаранцы, рутулы, цахуры, азербайджанцы и представители других народов Дагестана и Азербайджана⁴.

Опираясь на источниковые данные, Х.Х.Рамазанов и А.Р. Шихсаидов основательно раскрыли положение всех сословий феодального общества в Табасаране, состоявшего в первую очередь, из верховных правителей (майсум – в южной, кадий в северной частях), власть которых считалась наследственной, во вторую очередь, – из беков, большинство которых находилось в родственных отношениях с феодальными правителями, но управляли в своих уделах наследственно¹.

На развитие феодальных отношений в Южном Дагестане сильное влияние оказывали феодальные правители Казикумухского и Кубинского ханств. Так, по сведениям Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова «в 70-80-х гг. XVIII века Кюринская плоскость находилась под властью Фатали-хана Кубинского, который захватывал земли крестьян и облагал их тяжелыми податями и повинностями. Хан, рассматривая себя как верховного владетеля земель, передал отдельные селения в управление бекам с правом собирания доходов с жителей»². Селение Рукель было предоставлено ханом дербентскому наibu Хидир-беку, который «стал притеснять жителей до такой степени, что они вынуждены были искать покровительства» другого бека Исакадия³. В селениях Рутул, Цахур, Кака находились беки. Какинские беки были выходцами из Казии-Кумуха, которые обосновались в селении Кака в конце XVIII века». В Рутуле тоже с конца XVI в. проживали свои беки. И все они эксплуатировали своих подвластных не меньше, чем правители в соседних с ними феодальных владениях⁴.

Заслуживает внимания и замеченное нашими авторами «своеобразие общественной жизни Табасарана», заключавшееся «в том, что уздени, не будучи феодально-зависимым сословием, тем не менее, находились в зависимых отношениях к майсуму, кадиям и бекам». Эта зависимость узденей от феодалов «проявлялась в разнообразных формах». По призыву кадия и майсума уздени Табасарана принимали участие в их военных походах; уздени платили феодальным правителям различные

¹ Там же. С. 50.

² Там же. С. 54-55.

³ Там же. С. 57.

⁴ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. (Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1964. С. 145-166.

¹ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории. С. 151.

² Там же. С. 149.

³ Там же.

⁴ Там же.

подати и повинности¹. В то же время феодалы Табасарана вели наступление на права узденских джамаатов, на их свободу и территориальную целостность; между узденскими общинами союзов и феодальными владельцами нередко происходили на этой почве острые конфликты и столкновения².

Х.Х.Рамазанов и А.Р. Шихсаидов тоже пришли к выводу о том, что союзы сельских обществ в Южном Дагестане «не являлись родоплеменными организациями, а были объединениями территориально-политическими», что в них были «различные формы зависимости населения»³.

Можно сказать, что в союзах сельских общин Южного Дагестана, как и в феодальных владениях, не было ни социального, ни имущественного равенства, а шел процесс формирования и углубления феодальных отношений.

* * *

Проблема социально-экономического развития и политического положения Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX в. нашла отражение и в коллективном четырехтомном издании «Истории Дагестана», вышедшем в свет в 1967-1969 гг. в издательстве Главной редакции Восточной литературы в г. Москве.

В первом томе этого издания приведен достаточно убедительный фактический материал, свидетельствующий о том, что в XVII-XVIII вв. государственно-политические структуры (феодальные владения и союзы сельских обществ) Дагестана в своем социально-экономическом развитии далеко ушли вперед от патриархальных отношений, находились на стадии развития и углубления феодальных производственных отношений с разными видами земельной собственности и формами их использования. Анализ сути политического устройства образовавшихся на территории Дагестана разных по величине территории, численности и этническому составу жителей государств убеждает, что это были феодального образца государства, имевшие и разные названия в силу различий в языках. Таковыми были

Эндирейское ханство или владение (центр с. Эндирей), Тарковское шамхальство (резиденция – аул Тарки), Аварское (центр Хунзах), Казикумухское (центр Казикумух или Кумух), Мехтулинское (центр Н. Дженгутай) ханства, Кайтагское уцмийство (центры Калакорейш, позднее – Маджалис, Башлы), Табасаранское майсумство (центр – Хучни), Дербентское султанство (центр Дербент), Цахурское или Элисуейское султанство (центр вначале с. Цахур, позже Элису или Елису).

В этом легко убедиться, хотя бы бегло ознакомившись со сведениями по ним от XVII в., приведенными в восьмой главе указанной книги¹, а также в ее девятой главе, где речь идет о событиях и явлениях, имевших место в Дагестане в XVIII в.² Авторы этой главы (IX-й) «Истории Дагестана» привели данные и аргументы, подтверждающие их тезис о том, что «В социальном отношении Дагестан развивался неравномерно. В XVIII в. он все еще оставался краем со сложными и пестрыми общественно-экономическими отношениями». Они особо подчеркивали, что в этот период в Дагестане «ведущее место занимали феодальные отношения, опутанные пережитками родоплеменного строя»³.

Авторы цитируемой «Истории Дагестана» привели также убедительные аргументы и факты о существовании в XVI-XVIII вв. и в союзах сельских обществ Дагестана имущественного и социально-правового неравенства, феодального типа эксплуатации богатыми общинными верхушками бедных слоев населения, что приводило к социальным конфликтам в союзах сельских обществ. В силу этого вряд ли целесообразно такие политические объединения классифицировать как «догосударственные» или «дофеодальные», поскольку они в целом сосуществовали с граничившими с ними феодальными владениями, хотя и испытывали их постоянное влияние, попытки присоединить их к своим подвластным владениям⁴.

Приведенные во втором томе этой же «Истории Дагестана» (М., 1968) материалы и выводы по рассматриваемой проблеме

¹ История Дагестана. М.: Наука. 1967. Т. 1. С. 232-255.

² Там же. С. 316-328.

³ Там же. С. 316.

⁴ Там же. С. 328-336.

¹ Там же. С. 154.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 170.

ме отражают уровень развития и состояние социально-экономических отношений в начале XIX в. в феодальных владениях и союзах сельских обществ Дагестана¹. После знакомства с этим обширным и достоверным материалом трудно не согласиться с тем, что и в плоскостной и в нагорной частях Дагестана в этот период «наиболее многочисленный слой крестьянского населения...составляли уздени. В отличие от равнинной части в Нагорном Дагестане не произошло деления узденей на группы и формально они считались равными между собой, лично свободными крестьянами. Но фактически и узденство Нагорного Дагестана подразделялось на две категории. К первой относились уздени, находившиеся на службе у ханов и владевшие землей на правах бенефиция, а также выделившаяся из основной массы крестьян разбогатевшая аульская верхушка», из которой «шло формирование группы мелких феодалов. Ко второй категории относились формально лично свободные уздени, владевшие небольшими мюльками, но фактически зависимые от феодалов»².

Не вызывает особых сомнений и вывод авторов рассматриваемой главы «Истории Дагестана», что «сельская община Дагестана в XIX в. была раздираема классовыми противоречиями, общинники угнетались феодалами, богатой узденской верхушкой и духовенством. Хотя адаты по форме оставались одинаковыми для всех, слово богатых и высшего духовенства имело решающее значение на джамаате. Различное положение людей в джамаате было следствием их различного социального и имущественного положения. Одни сосредоточили в своих руках большое количество скота и земли, другие были лишены их, а поэтому многие хозяйственные, земельные вопросы, рассматриваемые сельским сходом, не имели значения для бедных. Бедные редко проживали в своем селении, почти всегда находились в отходе в поисках куска хлеба». Эксплуататорская же верхушка села не только использовала выгодные ей адаты, но и создавала их, диктуя свою волю джамаату. Шариат, имея силу религии, также отвечал интересам, как самого духовенства, так и всех богатых»³.

¹ История Дагестана. М.; Глав.р. вост. лит.-ры. 1968. Т. 2. С. 41-78.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 78-79.

Иначе говоря, в Дагестане государственного характера функции выполняли сформировавшиеся на его территории еще в раннем средневековье большие и малые государственно-политические образования и продолжавшие существовать во всяком случае в той или иной форме до присоединения Дагестана к России и превращения Дагестана в Дагестанскую область Российской империи.

* * *

Изучению процесса формирования на территории Дагестана с феодальной эпохи XVI-XVII в. государственных образований, которые по выполнявшимся ими внешним и внутренним функциям можно классифицировать как «государства», хотя порой они состояли из объединения в единый союз нескольких больших и малых сел, уделено, внимание и в монографическом исследовании автора данных строк «Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке», изданном ещё в 1973 г. В его первой главе нашли отражение вопросы, связанные с внутриполитическим устройством Дагестана в XVII вв.

В его § 1 «Политическая карта Дагестана конца XVI-XVII вв.» дано подробное описание существовавших в этот период на территории Дагестана феодальных государств, а также союзов сельских обществ, представлявших собой по сути их функций тоже маленькие государства (республики) с выборной администрацией, своего рода демократическими традициями, судебной системой, базировавшейся на нормах обычного права и шариатского права, которые довольно мирно сосуществовали тогда.

В отличие от феодальных владений, во главе которых стояли феодалы с наследственной властью, в союзах сельских обществ во главе не стоял феодал и жизнь в них регулировалась нормами обычного и шариатского права, формально одинаково защищавшего социально-правовые и имущественные интересы всех равноправных членов сельских обществ. Однако, как отмечено в этом труде, «узденство в сельских обществах не было однородным. Богатые уздени уже под разными предложениями могли эксплуатировать обедневших узденей, при-

крываясь при этом своими родственными (тухумными) связями»¹.

Отметим также, что в союзах сельских обществ в изучаемый период к господствующему сословию относилось и высшее мусульманское духовенство, которое стремилось захватить в свои руки и политическую или светскую власть. При этом главным духовным лицом и высшей инстанцией при решении всех спорных вопросов в пределах союзов сельских обществ являлись кадии союзов, обычно возглавлявшие народное ополчение своих союзов. Духовные служители в селах сельских обществ следили не только за исполнением религиозных обрядов, но и выступали в качестве посредника или судьи при урегулировании различных конфликтов в пределах своих сел.

Все это значит, что в XVII-XVIII – нач. XIX вв. в союзах сельских обществ царила не первобытно-общинная («дофеодальная» или «догосударственная» и т.д.) анархия, а право сильного и т.д., существовали определенные принятые обществом и соблюдавшиеся им правовые нормы регулирования общественных отношений, которые эволюционировали в сторону феодализации, чему немало способствовало и то, что отдельные союзы сельских обществ временами подпадали под влияние соседних феодальных правителей².

А то, что сельская община, несмотря на внутренние социальные противоречия, не феодализировалась полностью не только в XVII, но и даже в XIX веке, объяснялось замкнутостью общин, главным же образом, существовавшим адатом, согласно которому выделявшийся из общины терял право на недвижимое имущество, на пай при переделах общественных пахотных земель и сенокосных участков³, а также лишался и помощи не только остальных общинников, но и даже своего тухума⁴.

В рассматриваемой работе было подчеркнuto, что «к XVII веку фактическое неравенство членов союзов сельских

обществ, наличие в них господствующих и эксплуатируемых социальных слоев были очевидны»¹.

В целом же, хотя союзам сельских обществ и удалось отстоять свою независимость от соседних феодальных владельцев, избежать процесса феодализации они не смогли. Дело в том, что основные земельные угодья, в частности пахотные земли и сенокосы, в феодальных владениях Дагестана находились в собственности феодалов, сдававших их крестьянам – узденям, в первую очередь, в аренду на разных условиях. Недостаток собственных земельных угодий (пахотных и сенокосных участков) заставлял крестьян арендовать их у феодалов на тяжелых условиях, попадая зачастую к ним в поземельную зависимость². В союзах же сельских обществ, входивших в силу разных обстоятельств в состав феодальных владений, хотя феодал-правитель считался сюзереном, ему выплачивались определенные подати, основные пахотные и сенокосные участки находились в ведении общины и периодически переделались по разному принципу. В независимых от феодалов союзах сельских обществ не было феодальной земельной собственности, основной формой земельной собственности являлась собственность крестьян-узденей типа мульков или мюльков³. Эта частная собственность на землю играла важную роль, была характерна и для союзов сельских обществ и для феодальных владений, являлась свидетельством феодального характера производственных отношений в них в целом, хотя в союзах сельских обществ они были завуалированы внешним равенством «каждого с каждым» прикрыты патриархально-родовыми пережитками»⁴.

* * *

Что касается вопроса социально-экономического и общественно-политического развития союзов сельских обществ и путей формирования в них феодальных производственных отношений, он достаточно подробно изучен и освещен в моно-

¹ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 53-54.

⁴ Памятники обычного права Дагестана XVIII-XIX вв. М., 1965. С. 41, 48, 64.

¹ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 54.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же.

графическом исследовании Б.Г. Алиева, посвященном изучению истории союзов сельских общин или обществ Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Особенно в плане нашего исследования интересны его обзоры литературы а) дооктябрьского¹, б) советского периодов². По его мнению «особенностью историографии дооктябрьского периода являлась архаизация в целом уровня общественного строя союзов сельских общин, что вытекало из их поверхностного изучения, без анализа существовавших земельных отношений, действительного экономического, социально-экономического, социально-политического и правового положения различных слоев населения, которое рассматривалось как однородная масса свободных узденей-общинников, с одной стороны, и от соседних феодальных владений, – с другой, влияния последних на процесс общественного развития союзов сельских общин»...³.

Отметим и другой вывод Б.Г. Алиева о том, что «в советский историографии в целом правильно решен вопрос об уровне развития общественных отношений в союзах сельских общин. В работах большинства советских ученых союзы сельских общин рассматриваются как своеобразные формы территориальных общественно-политических и хозяйственных организаций, где господствующими были феодальные отношения, опутанные патриархально-родовыми пережитками, хотя ряд исследователей, писавших до 50-х годов и в два последние десятилетия, рассматривает их как более архаические образования, находившиеся на стадии родового строя, либо на стадии перехода к феодальным отношениям»⁴.

Основным недостатком работ советского периода ученых он считает их «порою декларативный характер, недостаточная аргументированность конкретным фактическим материалом утверждений или в целом правильного мнения о феодальном характере общественных отношений в союзах сельских общин, отсутствие четкой классификации их зависимости от ступени развития в них классовых (феодальных) отношений,

недостаточный анализ существовавших форм земельной собственности и землепользования, показа или раскрытия путей и особенностей возникновения феодальной земельной собственности в различных союзах, с одной стороны сосредоточение больших земельных угодий в руках местной феодальной и феодализирующейся знати, – с другой, наличие в одних из них феодальных сословий, в других – наследственной знати и привилегированных тухумов, пользовавшихся большими правами, наличие различных форм зависимости и эксплуатации»¹.

Менее оптимистичен конечный вывод Б.Г.Алиева о том, что «в целом в союзах сельских общин Дагестана господствующими были феодальные отношения, стадияльно более развитые в одних из них, где уже были оформившиеся феодальные сословия в лице представителей правящих родов феодальных владений Дагестана и местной правящей знати, имевшей право на наследственное занятие административных должностей, и менее – в других, где феодальные по своей сущности отношения были более завуалированы и опутаны пережитками патриархальных отношений. Выделение феодального сословия в них не было завершено и основное население было представлено свободными узденями – общинниками, т.е. здесь пока нет ясно выраженной классовой структуры, и стадияльно эти союзы находились на ранней стадии развития феодальных отношений»².

Вопросы социально-экономического развития и общественно-политического положения, уровня стадияльного развития союзов сельских обществ Дагестана в XVIII - первой половине XIX вв. нашли отражение и в монографии Б.Г. Алиева, вышедшей в свет в 2006г.³, а также в совместной работе Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова (автора данных строк), посвященной проблемам исторической географии Дагестана XVII-нач. XIX в.⁴ В ее первой книге даны историко-географические ха-

¹ Там же. С. 30.

² Там же. С. 287-288.

³ Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана XVIII – первая половина XIX вв. Махачкала. 2006 г. С. 145-184.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 1999. – 367 с. 4 карты. Кн. I. Историческая география Северного и Среднего Дагестана. 368 с. С. 13-43.

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Далее Алиев Б.Г. Союзы...). Махачкала. 1999. С. 10-17.

² Там же. С. 17-30.

³ Алиев Б.Г. Союзы... С. 29.

⁴ Там же.

рактические феодальные владения Северного¹ и Среднего², а также союзов сельских обществ Среднего Дагестана³, определены уровень их социально-экономического развития и их общественно-политическое положение. Во второй книге⁴ освещены проблемы исторической географии Южного Дагестана как феодальных владений (Дербентское ханство, Табасаранские майсумство и кадийство, Цахурское или Элисуйское султанство, Кюринское ханство⁵), так и союзов сельских обществ Южного Дагестана (союзы сельских обществ Самурской долины, Кюринские союзы сельских обществ, союзы сельских общин горного Табасарана и Агула, Джаро-Белоканский союз⁶).

В плане изучаемой нами проблемы большой интерес представляют и вопросы истории социально-экономического и общественно-политического развития феодальных владений (Тюменское и Эндиреевское княжества, Казикумухское шамхальство, Аварское нуцальство или ханство, Кайтагское уцмийство, Дербентское ханство, Цахурское султанство и Табасаранское майсумство⁷) и союзов сельских обществ Дагестана в XV-XVI вв. Все они нашли более подробное освещение в совместной М.-С.К. Умаханова и Б.Г. Алиева монографии «Дагестан в XV-XVI вв.», изданной в 2004 г.

В этой работе отмечено, что «историческая география как феодальных владений, так и союзов сельских общин Дагестана взаимосвязана», что, «будучи отдельными политическими структурами, каждое феодальное владение и каждый союз сельских общин в рамках своего региона и Дагестана в целом имели свою территорию, свои известные границы, население и органы власти и управления, адаты, обычаи, которыми они руководствовались в повседневной жизни»⁸, как это положено

¹ Там же. С. 107-190.

² Там же. С. 191-276.

³ Там же. С. 276-299.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Южного Дагестана. Кн. II. Махачкала, 2001. 326 с. + 16 карт.

⁵ Там же. С. 94-192.

⁶ Там же. С. 193-255.

⁷ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Дагестан в XV-XVI вв. (Вопросы исторической географии). Махачкала, 2004. 496 с.

⁸ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Дагестан в XV-XVI вв... С. 421.

цивильно организованному обществу или государству. И в этом легко убедиться, ознакомившись с описаниями, данными в цитируемой здесь работе каждому из восьми существовавших в XV-XVI вв. феодальному владению Дагестана, а также в общем плане союзам сельских обществ.

На наш взгляд, приведенные в работе материалы дают все основания говорить о превалировании во всех указанных государственно-территориальных образованиях Дагестана в XV-XVI вв. феодальных производственных отношений.

* * *

Достаточно подробно социально-экономическое развитие феодальных владений и союзов сельских обществ Дагестана в XVII-XVIII вв. раскрыто в первом томе «Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней»¹. Это сделано в третьем разделе «Истории...», где много внимания уделено характеристике этнической и политической карт Дагестана². Во II-й главе этого раздела проанализированы социальные³ и земельно-правовые отношения в Дагестане в XVI-XVII вв.⁴, а также социальные выступления в его феодальных владениях⁵ и союзах сельских обществ⁶. 1-3-я главы этого раздела (III-его) «Истории Дагестана.» выполнены автором данных строк, мнение которого об уровне развития общественных отношений в феодальных владениях и союзах сельских обществ Дагестана в XVI-XVII вв. согласуется в целом с мнением большинства исследователей истории Дагестана, писавших еще в досоветский период.

Для раскрытия изучаемого и дискутируемого в данной работе вопроса очень важными представляются выводы и наблюдения авторов «Истории Дагестана с древнейших времен до XX века» о том, что в XVI-XVII вв. в Дагестане «происходило дальнейшее развитие феодальных производственных отношений. Этот процесс сопровождался социальной градацией

¹ История Дагестана с древнейших времен до XX века. Том I. Москва: Наука, 2004.

² Там же. С. 299-328.

³ Там же. С. 357-361.

⁴ Там же. С. 361-372.

⁵ Там же. С. 362-367.

⁶ Там же. С. 367-372.

населения, формированием основных классов феодального общества: господствующего класса феодалов и феодально-зависимого класса крестьян. Каждый из этих двух антагонистических классов состоял из целого ряда сословий... Общественно-правовое положение каждого из сословий определялось размером принадлежавшей им пахотной земли или количеством принадлежавшего им скота, а также численностью подвластного им податного населения»¹.

Вся затянущаяся здесь наша дискуссия вызвана тем, что «об уровне социально-экономического развития Дагестана в отечественной историографии существуют полярные мнения. Историки XIX в. архаизировали общественные отношения у дагестанских народов, пытались доказать господство у них даже в XIX столетии родовых отношений². Этой линии придерживались С. Броневский, А. Неверовский, М.М. Ковалевский, А. Костенецкий, Е.Г. Вейденбаум, А.Берже.

Исследователи же советского времени старались доказать феодальный характер общественных отношений в феодальных владениях и в союзах сельских обществ Дагестана.

Это ярко выразилось в статьях А.И. Тамая «К вопросу о феодализме в истории Дагестана» // *Революционный Восток*. 1935. № 5. С. 137), С.В. Юшкова «К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане» (// *Уч.зап. Свердловского гос.пед. института*. Свердловск. 1938. Вып. 1. (историч.). С. 66-70); А. Иванова «Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией» // *Исторический журнал*. 1940. № 2. С. 63-70).

Эта линия нашла поддержку и в исторических трудах, отечественных исследователей: Р.М. Магомедова «Обществен-

но-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков» (Махачкала, 1957), Х.-М.О. Хашаева «Общественный строй Дагестана в XIX веке» (М. Наука. 1961), С.Ш. Гаджиевой «Кумыки. XIX – нач. XX в.» (М.: Наука, 1961), Е.Н. Кушевой «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. (М. 1963), Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова «Очерки истории Южного Дагестана». (Махачкала, 1964), Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова «Историческая география Дагестана XVII – начала XIX вв.». Кн. I. Махачкала, 1999; Кн. II. Махачкала, 2001), М.-С.К. Умаханова «Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке» (Махачкала, 1973. С. 47).

В этих трудах подчеркивается, что « в феодальных владениях Дагестана социальные отношения были более ярко выражены, чем в союзах сельских обществ. В них сложилась феодальная иерархия. Как и в предыдущий период, в своих владениях правили казикумухские шамхалы, тюменские, аварские, мехтулинские и дербентские ханы, табасаранские майсумы, кайтагские уцмии, аксаевские, эндириевские и костековские владетели, цахурские султаны», пользовавшиеся имущественными правами и всей полнотой власти в своих владениях¹, являвшиеся собственниками крупных земельных угодий-пахотных земель, пастбищ, покосов, гор и лесов².

Что касается крестьянского или феодально-зависимого класса он также не был однороден, «в массе своей состоял из лично свободных крестьян, которых называли узденями (узден-свободный). Все они находились в различной зависимости от феодалов, ханов, беков и т.д. Часть крестьян попала «в личную или поземельную зависимость»³.

Уздени обязаны были платить феодалам подати, отбывать повинности за пользование бекскими пастбищами и другими землями, участвовать в военных мероприятиях ханов и беков, строить крепости и другие оборонительные сооружения, выставлять тягловую силу для перевозки грузов своих владете-

¹ История Дагестана с древнейших времен... Т. 1. С. 357.

² Там же.

³ Там же. С. 359.

лей, делать подношения ханам и бекам в дни их семейных торжеств или похорон, выплачивать мечети закят в дни мусульманских праздников. И все же уздени всех естественно-географических зон Дагестана не были лично закрепощены, имели право перехода от одного феодала к другому, чего не имели райяты, относившиеся к крепостным крестьянам.

Крестьянский класс замыкали безземельные чагары-горцы, поселявшиеся на землях кумыкских феодалов, а также бесправные рабы (лаги, кулы, караваша), ряды которых пополнялись за счет военнопленных, захваченных во время набегов или купленных на невольничьих рынках Астрахани, Дербента, Эндирея¹. Хозяева могли продавать, подарить рабов. И все же рабы имели право выкупиться и таким образом стать свободными. Иногда и хозяева отпускали рабов на свободу в богоугодных целях или за особые заслуги.

О социальной градации, переживаемой жителями феодальных владений и союзов сельских обществ Дагестана в XVII – XVIII в., свидетельствовали и разные формы острой антифеодальной борьбы их крестьянского класса, на что серьезное внимание обращено в цитируемой нами «Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней»².

Можно сказать, что ученые-исследователи истории Дагестана и смежных с ним областей Северного Кавказа демонстрировали завидное единодушие (за редким исключением) в вопросе оценки уровня социально-экономического развития Дагестана до его присоединения к России в 1813 г. по условиям ирано-русского Гюлистанского мирного договора.

Однако в конце XX в. некоторые авторы стали высказывать суждения, как отмечается в цитируемой «Истории...», которые совпадали с точкой зрения ученых царской России³. И первым в этой когорте был М.М. Блиев, выступивший со статьей в журнале «История СССР»⁴. В ней, как отмечает Б.В. Виноградов, М.М. Блиев «выдвигал идею о вызревании причин «Кавказской войны», исходя из стадийного уровня развития

самых северокавказских народов»¹, получившую «дальнейшее развитие в совместной монографии М.Б. Блиева и В.В. Дегоева «Кавказская война»².

Трактовка М.М. Блиевым сущности «Кавказской войны», как известно, вызвала острую и затяжную дискуссию среди ученых. По словам Б.В. Виноградова, критика воззрений М.М. Блиева и ученых, его поддерживающих, шла бок о бок с целенаправленным торпедированием мирной основы, составляющей суть «российско-северокавказских взаимоотношений, что хронологически стало соотноситься со временем проявления скрытого или явного сепаратизма на Северном Кавказе». Это в целом позволяет констатировать, что единства взглядов на хронологию, периодизацию, сущность и событийную сторону «Кавказской войны» к настоящему времени не отмечается³.

Совершенно справедливо Б.В. Виноградов предлагает особо «выделить фундаментальную монографию М.М. Блиева «Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации», в которой он утверждает, что набеги горцев «были направлены не только на захват имущества и людей, но и на овладение новыми землями на равнине для миграции туда из горной зоны»⁴.

Мне не хочется вступать в приутихшую уже дискуссию по поводу справедливости и научной обоснованности оценок М.М. Блиева по целому ряду вопросов истории социально-экономического и политического развития горских народов, которые наряду с земледелием и скотоводством, занимались и набегами с целью захвата имущества, скота и даже людей у соседних народов с целью обеспечения своих жизненных интересов.

Но трудно спорить с М.М. Блиевым, и когда он пишет, что 1/3 территории Дагестана совершенно непригодна для сельскохозяйственного производства. Что же касается удобной земли, площадь которой достигла 1,5 млн. десятин, то 83% ее приходилось на пастбища, выгоны и леса и лишь 17% исполь-

¹ Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Автореф. дисс. докт. истор. наук. Армавир. 2006. С. 11.

² Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М. 1994.

³ Виноградов Б.В. Специфика российской политики. Автореф. дисс... докт. истор. наук. Армавир. 2006. С. 11.

⁴ Там же. С. 11-12.

¹ Там же. С. 359-360.

² Там же. С. 362-372.

³ Там же. С. 357.

⁴ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1988. № 2. С. 54-72.

зовалось под полеводство и садоводство. Этими цифрами, общими для всего Дагестан – равнинной и горной частей, – не исчерпывалась картина, связанная с возможностями землепользования. Если дифференцировать Дагестан на две основные географические зоны, то на равнинную часть придется 2/3 всех пашен и пастбищ и всего 1/3 – на горные районы. Экономическая обстановка ухудшалась тем, что крайне неравномерно распределялось население Дагестана – 2/3 его занимало горную зону, где мало было пригодной земли, 1/3 – равнинную, удобную для сельскохозяйственного производства. Подобное соотношение двух различных географических зон и демографическая диспропорция в пределах этих зон привели к тому, что в горах, где размеры пахотных участков не достигали даже 1 дес. на двор, главным направлением в экономике стало скотоводство и, наоборот, на равнине, богатой пахотными землями, ведущей отраслью хозяйства являлось земледелие»¹.

При этом особо привлекает внимание его утверждение о том, что «господствующее положение скотоводства в горных обществах Дагестана оказало глубокое историко-культурное и общественно-стадиальное воздействие на горцев..., повлекло за собой особую систему расселения, отвечавшую запросам скотоводческой экономики. Как и в других районах Большого Кавказа, особенности животноводческого хозяйствования обусловили в горном Дагестане хуторскую (стойбищную) систему расселения... Скотоводство определяло уровень хозяйственного строя, ...диктовало свои собственные правила в экономических отношениях, складывавшихся как внутри горских обществ, так и с внешним миром»².

По мнению М.М. Блиева, «из этого непреложного факта вытекало другое – полная зависимость ведущей отрасли экономики, организация общественной жизни горного Дагестана»³. Именно скотоводство в условиях горной и высокогорной зон Большого Кавказа стало носителем консервативно-традиционных форм не только в хозяйственной, но и в общест-

¹ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. Москва. «Мысль». 2004. 877 с. С. 13.

² Там же. С. 13-14.

³ Там же. С. 14.

венной жизни, а отсюда и «сохранение у горцев общинной собственности на землю и общинного землепользования вплоть до XIX в. объясняется господством скотоводческого хозяйства»¹, потенциал которого зависел от многих обстоятельств – от кормовой базы зимой и летом (наличие прекрасных летних пастбищ и отсутствие зимних, наличие на зиму теплых укрытий для скота во избежание его гибели от холода, эпизоотии, длившейся месяцами и уносившей жизнь множества животных, вызывавшей массовый падеж скота.

К месту, на мой взгляд, здесь и замечание М.М. Блиева о том, что «в условиях высокой интенсивности набегов на Большом Кавказе чаще всего объектом военной добычи становился скот», который, «несмотря на свою главенствующую роль в экономике», не мог «гарантировать горцу стабильность в его материальном достатке»².

Ценны и сведения М.М. Блиева о месте и роли земледелия в экономике жителей горного Дагестана, у которых, «несмотря на все трудности, мешавшие развитию земледелия..., сложилось земледельческое производство со своей собственной социально-экономической структурой»³. Упорное и настойчивое занятие горцев Дагестана малоэффективным в тогдашних условиях земледелием, по мнению М.М. Блиева, объяснялось господством в горных обществах натурального хозяйства, когда «собственное полеводство становилось единственным источником, хоть как-то восполнявшим общий недостаток в хлебе и в других продуктах», и тем обстоятельством, что «ни скотоводство, ни земледелие не снимали для горца проблему выживания, как дамоклов меч, постоянно нависавшую над ним»⁴.

Очень привлекательным кажется утверждение М.М. Блиева, что «наряду со скотоводством и земледелием, важным средством экономического выживания являлось насилие в форме вооруженного набега с целью захвата людей, скота, имущества и других ценностей. На протяжении всей гряды гор Большого Кавказа от побережья Каспийского и до Черного мо-

¹ Там же.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 16.

рей не было уголка, где бы не занимались набегами в виде особого ремесла – вполне сложившейся и устойчиво развивавшейся отрасли экономики», что « в ряду других районов, где экономика горца постоянно поддерживалась набеговой системой, был и горный Дагестан»¹.

М.М. Блиев привел мнения разных исследователей (Р.М. Магомедов, В.Н. Гамрекели, И.П. Петрушевский, М.М. Ковалевский) о времени возникновения набеговой системы (конец XVIII – первая половина XIX вв.)², хотя «ее точная датировка вряд ли возможна»³.

Цитируемый нами автор обратил внимание даже на существование целой системы воспитания будущих участников набегов, где в роли учителей-воспитателей выступали отцы, которые смотрели на сыновей, прежде всего, как на воинов, не допуская ни ласки, ни похвал⁴.

Трудно возразить М.М. Блиеву, пишущему, что «нельзя, однако, считать, что «горец предпринимал набеги из-за присущей ему «естественной» агрессивности. Вплоть до конца XVII в. к набегу, как правило, прибегали в случаях, когда семья или тухум лишались стада (болезни, угон и пр.) или выдался неурожай. Подобная ситуация ставила горца в безвыходное положение – только насилие и жестокость, проявленные в набеге с целью военной добычи, могли вернуть ему надежду на сохранение семьи, тухума». Заметим, что по мнению М.М. Блиева «до XVII в. набеги со стороны горного Дагестана носили эпизодический характер, в ту пору они не имели ещё некой системности. Лишь с XVIII в., с проникновением на Кавказ российской торговли и экономики, а также в связи с происходившими переменами в общественных отношениях (разложение родовых устоев и феодализация горских обществ) «набеговая практика получила невиданный размах и системность»⁵.

М.М. Блиев привел и слова И.П. Петрушевского о том, что «вооруженные набеги горцев Дагестана стали похожи на

«коммерческие предприятия»¹. По мнению же М.М. Блиева, это были уже стадильно обусловленные набеги – набеги, призванные решать не столько проблемы выживания, сколько накопления собственности, так необходимой для того, чтобы не отстать от тех, кто уже в обществе занял положение знати... В набеге стали решаться вопросы о собственности на землю – залог того, чтобы раз и навсегда быть уверенным в своем будущем». В качестве примеров М.М. Блиев указал на проникновение джарцев в Кахетию в 18 в., аварцев из Джаро-Тала в Картли, Зап. Грузию, Ширван, в Ахалцих и Карс².

Он же пишет, что «в горном Дагестане, как и в ряде других районов Большого Кавказа, набеги совершались не какими-то мелкими разбойничьими группами, похожими на современные криминальные сообщества. Масштабы набеговой индустрии, которой занимались горцы Дагестана, были скорее похожи на стихию, охватившую все общества... В 40-50-е гг. XVIII в. на территорию Восточной Грузии вторгались ополчения из Дагестана численностью в 3,7,15,20 тыс. человек»³.

Набеги организовывали и феодальные владетели Дагестана, в частности правитель Аварского ханства, находившегося на уровне раннефеодального типа государственного образования, Умма-хан возглавлял походы горцев до 20 тыс. чел. в Грузию, Азербайджан и принуждал их правителей платить контрибуции (до 200 тыс. руб.)⁴.

В конечном итоге М.М. Блиев пришел к выводу, что в XVIII – первой половине XIX в. стало очевидным, что в сфере экономики наряду со скотоводством и земледелием – традиционными видами занятий в горном Дагестане – сложилась целая отрасль материального производства – военное дело или «индустрия» набега, по своей доходности превосходящая другие формы хозяйственной деятельности. Для мужской части населения, начиная от 16 и до 50 лет. – главного трудового потенциала – более почетным и достойным родом деятельности считалось не скотоводство и не земледелие или же обычное ремес-

¹ Там же.

² Там же. С. 16-17.

³ Там же. С. 17.

⁴ Блиев М.М. Указ. соч. С. 17.

⁵ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис. 1934. С. 5, 19.

¹ Блиев М.М. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Там же; Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. (Докт. дисс.). Тбилиси. 1971. С. 452.

⁴ Блиев М.М. Указ. соч. С. 18.

ленное производство, а участие в походах, набегах с целью военной добычи... То, что происходило в горном Дагестане в отношении способов приобретения материального достатка и ценностей, многим современникам казалось феноменом. Индустрия набегов на самом деле могла бы являться исключительным явлением, если бы оно было только дагестанским и исторически ничьим больше. Набеги лишь повторяли историю многих народов, гораздо раньше прошедших через насилие и жестокости тернистый путь к цивилизации. И все же одну особенность и, может быть, даже феномен в случае с массовыми набегами горцев-дагестанцев приходится отметить»¹.

М.М. Блиев ссылается при этом на то, что «военное ремесло, как самостоятельная отрасль материального производства, пришло к горцам Дагестана, как и к другим народам Большого Кавказа, слишком поздно – тогда, когда не только европейцы, но и жители равнинных и степных районов Кавказа давно миновали этот этап своей истории». Эта идея о «позднем переходе к более высокому уровню хозяйственного и общественного прогресса» горцев явно вызвана желанием оправдать теорию о дикости, варварстве и отсталости горцев Кавказа, для которых главным в жизни было то, что им приходилось якобы руководствоваться в своих действиях и поступках лишь всего одной единственной закономерностью – «суровые природно-климатические условия гор Большого Кавказа выработали жесткие и консервативные формы хозяйствования и общественной организации, рассчитанные на выживание в экстремальных условиях гор»².

Мне думается, что М.М. Блиев чрезмерно сгущает краски, когда пишет, что «веками складывавшийся консерватизм, как в экономике, так и в общественном укладе, стал подвергаться в XVIII – первой половине XIX в. серьезному воздействию вторгнувшихся на Кавказа новых хозяйственных и торговых отношений. У горцев, вовлеченных в эти отношения и почувствовавших вкус к частной собственности, не было другого выбора, кроме как во имя обретения этой столь желанной собственности, возведя военное дело в самостоятельную отрасль

экономики, приступить к беспрецедентным набегам» и «пройти долгий и трудный путь хозяйственных и общественных потрясений – путь от малых войн к большой»¹.

Все эти утверждения весьма проблематичны, их опровергнуть или подкрепить одними в тезисной форме высказанными фразами практически невозможно. На мой взгляд, исследовать нужно более глубоко экономическое развитие и состояние хозяйства горских народов в более широком аспекте его отраслей, связав это и с проблемами численности населения, его избыточности или недостаточности для нормальной жизнедеятельности в политических образованиях горной зоны Дагестана или Кавказа в целом, откуда и шли якобы истоки набеговой экспансии. Интересен и вопрос направления основных набегов за пределы Дагестана. При этом не упуская из виду и возможного бытования набегов и внутри Дагестана в направлении горы – плоскость и наоборот и т.д.

Надо обратить внимание и на такое обстоятельство, которое имело место в XVIII-XIX вв., а возможно и в более ранние века. Может быть мы одно явление – война, которая вызывала потрясение всего общества, подменяем понятием «набег» и получаем в результате «набеговую систему», «производство», «промысел» и т.д.? Как можно считать рядовым «набегом» поход 15-ти или 20-тысячного отряда горцев во главе со своими ханами и др. правителями, направленный не только на захват «зипунов», скота, имущества и людей, но и на захват земель за пределами своей, скажем, дагестанской территории, и на поселение в них?

Нужно методологически определиться с понятиями «война» и «набег» с учетом конкретных целей каждого такого «набега». Если горцы приходили в набег, хватали что им попадало в руки или под руки, угоняли скот, людей и сами уходили, это явление, действительно, можно назвать «набегом».

Но, когда «в набеге стали решаться вопросы о собственности на землю» – залог того, чтобы раз и навсегда быть уверенным в своем будущем, проблема стала высвечиваться по-другому: «стремление к захватам земли вовне горного Дагестана вызвало серьезные миграционные процессы», в результа-

¹ Там же. С. 19.

² Там же.

¹ Там же.

те такой практики возникали своего рода колонии горцев или других этнических групп за пределами их исторической среды обитания. Такие явления более похожи на «войну», чем на набег. М.М. Блиев сослался на то, что «в результате таких миграций в середине XVII в. на окраине Восточной Грузии (Кахетии) имелось уже компактное цахурское и аварское население»¹, которое разделило между собой все земли в собственность, превратив тем самым бывших владельцев земли в наследственных арендаторов», как это отмечал ещё М.М. Ковалевский²

И тут не совсем нужны своего рода оправдательные мотивы в пользу участников походов или набегов или своего рода захватнических войн. Лучше всего все вещи и явления называть своими настоящими именами. К примеру, М.М. Блиев подчеркивает в своем монументальном труде, что «вначале, при тухумной организации своей общественной жизни, горцы-мигранты не несли с собой для грузинского крестьянства каких-либо социальных тягот. Напротив, зачастую они защищали местное крестьянство от притеснения феодалов, участвовали в обороне страны от внешних врагов»³. Неясно только из концовки этого предложения как бывшие захватчики (в данном случае – горцы) превращались в защитников от внешних (каких?) врагов?

По словам М.М. Блиева, «картина изменилась в начале XVIII в., когда с возрастанием политической роли Джарского вольного общества – основной миграционной базы – горцы-мигранты предпринимали все более настойчивые попытки установить свое господство над местным населением. Уже в начале XVIII в. стала происходить резкая активизация набегов... В 1715-1735 гг. вся территория Кахетии, за рекой Алазани, несколько раз оказывалась во власти аварских обществ Джаратала и других горцев Дагестана. Тогда же участникам набегов удалось подчинить себе центральные местности Кахетии-Гавази, Кварели, Шилды, Гурджаани, Кизики – и заселить. В дальнейшем пределы распространения набеговой системы рас-

¹ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: «Мысль». 2004. С. 17.

² Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М. 1890. Т. 1. С. 236-237.

³ Блиев М.М. Указ. соч. С. 17.

ширились значительно. Они захватили Картли, а вскоре и Южную Грузию (Самцхе-Джавахети). К середине XVIII в. набег горцев Дагестана достигли Западной Грузии, всей территории Азербайджана от Ширвана, Ганжи до Аракса, Ереванского ханства и даже владений Османской империи – районов Ахалциха и Карса. В Закавказье вне зоны набегов оставались лишь морские побережья»¹.

Завершая этот вопрос, нельзя не признать справедливыми слова М.М. Блиева, что «В исследовании проблемы набеговой практики важно, чтобы соблюдался подход к экспансии как к объективной закономерности, зависевшей не «от характера» горцев, их какой-то особой «злостности», а от переживаемых ими общественных процессов. Системность, с которой протекала экспансия горцев, как бы сама по себе диктует историку необходимость строго придерживаться принципа закономерности, выстраивающего исторические факты в своеобразную «рядовую систему» – иначе, в исторический процесс... Важно также, чтобы исследование набеговой практики горцев не сводилось к выяснению «варварских правил» участников экспансии, к поискам конъюнктурных политических акцентов, к поискам, например, «враждебности» в отношениях между народами в прошлом»². При этом нужно особо подумать и над предложением М.М. Блиева, чтобы «беспорный приоритет здесь необходимо отводить научным целям, связанным с установлением стадийной обусловленности набеговой экспансии, объяснению ее воздействия на протекавшие в горских обществах социальные процессы, пониманию внутреннего стадийного единства и преемственности набеговой системы и Кавказской войны»³.

Цитируемая работа М.М. Блиева содержит еще очень много интересных сведений и наблюдений автора, основополагающим из которых можно считать заявление о многостадийном характере общественных отношений в обществах горного Дагестана, что переживавшаяся ими военная демократия до XVIII в. уже подверглась разложению родовых отношений,

¹ Блиев М.М. Указ. соч. С. 17-18.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 33.

которые «уступали уже место сословно-иерархической организации общества, военная демократия и набеги, а затем и Кавказская война – это закономерные явления и вместе с тем разные звенья единого процесса классобразования в горных районах Дагестана»¹.

Одним из интересных наблюдений М.М. Блиева является его утверждение о том, что «жизнь «вольных» обществ протекала в полном соответствии со стадиональными особенностями, присущими периоду военной демократии. Они обнаруживали все те исторические закономерности, через которые суждено было пройти абсолютному большинству народов при переходе от общинной родовой организации общества к социально-иерархической». Набеговая же система и ее практика на первых порах «имели свои организационные формы роста сменяющимися целями и задачами»², а также несколько периодов развития³.

В частности, «до 70-х гг. XVIII в. основными направлениями набегов являлись равнины собственно Дагестана и Закавказья. Главным из них являлась Алазанская долина Картли-Кахетинского царства (Восточная Грузия). В 70-х гг. XVIII в. и позже это направление экспансии, приведшее к полной хозяйственной деградации и демографической опустошенности Алазанской долины, несколько ослабла... Начало второго периода набеговой практики относится к 20-м гг. XIX в.», когда «в горном Дагестане сложились крупные союзы «вольных обществ, располагавшие внушительной военной силой и способные решать серьезные военно-политические задачи»⁴.

С 30-ми гг. XIX в. связано начало третьего периода набеговой практики. Оно вплотную подводило «вольные» общества к их раннефеодальному государственному объединению»⁵.

В целом М.М. Блиев пришел к интересному выводу о том, «что касается господствовавших в «вольных обществах и в соседствовавших с ними политических образованиях форм собственности, то они свидетельствовали о переходном харак-

тере общественных процессов, социальная природа которых была глубоко связана с разложением родоплеменных отношений и складыванием новых феодальных отношений»¹.

Это мнение М.М. Блиева в определенной мере нашло поддержку у исследователей «Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова», в которой ведущую роль играют отец – В.Б. Виноградов и сын его – Б.В. Виноградов – весьма талантливые и энергичные исследователи истории российско-северокавказских отношений, в которых определенное место отведено и дагестано-российским контактам. У нас нет возможности для подробного анализа взглядов исследователей этой школы, считающих, что «долгий и многогранный исторический процесс обретения и обустройства неотъемлемой южной окраины Российского государства достоин концентрации усилий здравомыслящих региональных и общенациональных ученых сил, четко исследующих яркую, сложную во многом противоречивую, но поступательную панораму прошлого и настоящего Юга России в ее исторически мотивированных пределах»².

Исторические взгляды лидера этой «Школы», хотя и кратко, но достаточно четко выражены в его заявлении о том, что он разделяет «взгляды тех нынешних исследователей, которые трактуют добровольную в своей основе (при всех эпохальных трудностях и противоречиях) интеграцию народов России и Кавказа как необходимое условие «вызвать ко всему позитивному», что было между Россией и ее южными соседями, и «поставить положительный опыт во главу угла»³.

По мнению В.Ф. Шаповалова – сторонника цивилизационного подхода, «признание России в качестве цивилизации означает, что фундаментальной идеей каждого из входящих в ее состав народов становится не создание национального государства, а идея принадлежности к России в целом, которая предполагает свободный выбор совместного будущего, осуще-

¹ Там же. С. 31.

² Виноградов В.Б., Ктиторов С.Н. Сборник обретает новое название (от редакторов) // Вопросы южнороссийской истории. М.: Армавир. 2006. Вып. 11 (Научн. сб.) – С.3.

³ Виноградов В.Б. Верность государственному единству (взгляд редактора). // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 12 (научный сборник). М.: Армавир. 2006. С. 5-6.

¹ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. С. 31-32.

² Там же. С. 33-34.

³ Там же. С. 34-35.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 35.

ствляемый народами и отдельными личностями при каждом повороте истории»¹, что верно отмечено С.А. Головановой в ее статье «Россия и Северный Кавказ: опыт переосмысления взаимодействия»².

Она же обратила внимание на то, что В.Б. Виноградов ввел в научный оборот понятие «российскости», как генеральной основы утверждения глобальной предопределенности, тесной сопричастности, «совместничества» Кавказа и России. При этом, «российскость» воплощалась в куда более пёстрой и гибкой формах взаимодействия и даже взаимовоздействия»³. Она же подчеркивает, что «в русле этих основополагающих идей выдержана и работа В.А. Матвеева», которая акцентирует внимание на том, что единение с Россией отвечало интересам и самих коренных народов или, по крайней мере, значительной части их, предопределив более успешное совместное развитие, так как процесс многовековой интеграции народов в российские державные пределы носил государственно-политический характер, с обеспечением для них таких же охранительных функций, как и для русских»⁴.

В конечном итоге всё это означало, что политика России в отношении северо-кавказских, в их числе и дагестанских народов «выступала в качестве более сильной альтернативы, предлагавшей в качестве более сильной альтернативы иной вариант развития»⁵. Иначе говоря, «ее эволюция приводила к постепенному вытеснению военно-ограничительных форм правления общегражданскими, что способствовало бы появлению у местного населения чувства принадлежности к единому российскому сообществу народов», к «единому Отечеству» или к «России как «государству-сообществу»⁶.

¹ Шаповалов В.Ф. Россия, как цивилизация // История России. Теоретические проблемы. Вып. I. М. 2002. С. 112-119; См. Голованова С.А. Россия и Северный Кавказ: опыт переосмысления взаимодействия // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 12. М.; Армавир – 2006. С. 9.

² Там же.

³ Там же. С. 9-10.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же.

⁶ Ктиторова О.В. Россия как «государство-сообщество» (новые подходы в понимании процесса утверждения России на Северном Кавказе). // Вопросы южнороссийской истории. В. 12. С. 14-17.

В плане нашего исследования весьма интересна статья «Геополитическое кредо России» А.А. Цыбулькиной, отмечающей, что «в последние годы по мере все более заметной стабилизации социально-экономической ситуации в стране наконец-таки становится слышен голос и пророссийских ученых, отстаивающих многовековую органичную поликонфессиональность и многонациональность нашей родины», и что заметным явлением в данном процессе стала монография ростовского исследователя В.А. Матвеева «Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – нач. XX в.)» // Ростов-на-Дону, 2006), в которой весьма привлекают слова: «В отличие от колониальных держав Запада Россия присоединяла не колонии, а губернии» (с чем согласиться весьма проблематично – авт.), что «физическое уничтожение кавказских горцев никаким образом не могло быть самоцелью российской империи, ведь население Северного Кавказа считалось (особенно после Адрианопольского мира 1829 г.) потенциальными подданными нашей страны (тоже проблематично согласиться с этим – авт.), что «залогом стабильности нашего государства традиционно было совместное проживание на единой территории русского и включаемых народов без какого бы то ни было доминирования первого над вторым»¹.

Не очень можно безоговорочно соглашаться и с утверждением цитируемого автора, что «в России нет и не могло быть дискриминации включаемых народов по этноконфессиональному признаку – залогом внутривнутригосударственной стабильности мог стать только взаимный политический компромисс обеих сторон»². Особенно с этим трудно согласиться, если вспомнить то, что творили с северокавказскими народами, в том числе и с дагестанскими царские войска в XVIII и в особенности в XIX в.

Отметим и мнение автора термина «российскость» В.Б. Виноградова, введенного им в научный оборот в 1993 г. Цель этой «российскости» заключалась в том, чтобы исследователи

¹ Цыбулькина А.А. Геополитическое кредо России // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 12 (научн. сбор.). М., Армавир, 2006. С. 32-33.

² Виноградов В.Б. О двух концептах истории Юга России // Там же. С. 39.

безболезненно относились к различным трактовкам процесса сближения северокавказских горцев с Россией, постигли генеральную суть «поступательного исторического движения», заключающуюся в «выработке объективной трактовки принципов единения народов в составе многоликой России...», взаимодействуя с тенденциями и реалиями евразийства¹. Для непонятливых В.Б. Виноградов дал пояснение, что «собственно весь ход интеграции Северного Кавказа в Россию послужил формированию тех соотечественников, ...кто считает ее своей Родиной», что «является главным последствием системы прочно сложившегося межнационального согласия и мировосприятия»².

Определенное отношение к изучаемой нами проблеме имеют тезисы статьи Н.Н. Великой «Мероприятия Российского государства по включению Северного Кавказа в состав Империи в первой половине XIX в.», в которых особый упор делается на высвечивание положительных последствий политики русских властей на Северном Кавказе по защите «сложившихся в крае границ», ...наведению элементарного порядка для развития торговли и в целом экономики, социальной, культурной сфер края»³.

Много интересного можно почерпнуть для раскрытия основных вопросов изучаемой нами проблемы и из капитального труда Б.В. Виноградова.

Объект исследования этой книги – это «процесс взаимодействия российской кавказской администрации с местными народами, находившимися в большинстве своем в вассальной зависимости от России»⁴. В ней обращается серьезное «внимание на роль» набеговой системы» горцев, «пленопродавства (работоторговли) в обострении ситуации в регионе с началом непосредственного соприкосновения территорий, заселенных северокавказскими народами, и российских укрепленных ли-

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 40.

³ Великая Н.Н. Мероприятия Российского государства по включению Северного Кавказа в состав империи в первой половине XIX в. // Вопросы южно-российской истории. М.; Армавир. 2006. В. 12. С. 55.

⁴ Виноградов Б.В. Специфика Российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани. 2005. - 384 с. С. 6.

ний»¹. Автор утверждает на одной странице, что беспристрастный анализ внешнеполитического аспекта российской политики невозможен без рассмотрения интересов других соискателей гегемонии или влияния в регионе – Турции и Ирана, европейских держав². На другой странице при обосновании научной новизны своего исследования он же пишет о себе, что «автором доказывается отсутствие «колониальной экспансии» России по отношению к народам Северного Кавказа, вынужденность военных мер российских властей в регионе»³.

Как же совместить эти два противоположных, на мой взгляд, подхода к одному вопросу? Получается, что автор (Б.В. Виноградов) «запрограммирован» идеей отсутствия «колониальной экспансии» у России по отношению к народам Северного Кавказа, в их числе и Дагестана. Какая может быть при таком подходе объективность оценок событий и их результатов. Не приносит ли Б.В. Виноградов в жертву во имя поддержки принципа «российскости» с вытекающими из этого последствиями принцип научной объективности?

Тем не менее, работа Б.В. Виноградова заслуживает большего внимания, так как в ней дискутируется огромной научной и даже практической (политической) значимости вопрос, в ней затрагиваются и освещаются аспекты истории северокавказских народов, имеющие непосредственное отношение и к истории народов Дагестана и к истокам изучаемого нами вопроса.

Нельзя обойти вниманием и солидную работу Ю.Ю. Клычникова, основная суть которой достаточно четко отражена в ее заключении, где сказано, что в конце 20-х-30-х годов XIX в. «часть горских народов ... находилась на стадии перехода к феодальному обществу, что обеспечивало их повышенную социальную активность и, как следствие этого, военную экспансию на равнину, направленную прежде всего против Кавказской Линии и Черномории. Кроме того, экономика горцев не достаточно обеспечивала население необходимым количеством продуктов и вещей, что заставляло их пускаться в набеги. Гор-

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 7.

ский менталитет оправдывал подобные действия, считая это удалью и молодечеством, для российских же поселян данные набеги были хищничеством, которое следовало пресекать и карать. По мере распространения имперских порядков на Кавказе и стеснения традиционного уклада жизни местных народов их борьба начинает все больше приобретать национально-освободительный характер. Происходит трансформация набеговой системы от преимущественно промысловой к военно-оборонительной»¹.

Здесь нет необходимости вступать в особую дискуссию с Ю.Ю.Клычниковым, который проделал огромную поисковую работу, дал свое видение происходивших в северо-восточной части Кавказа военно-политических событий.

* * *

Таковы в целом теоретические и практические аспекты изучаемой нами проблемы. Она сложна, многогранна, имеет выход и на Северный Кавказ и в Закавказье, где разного уровня цивилизационного развития народы соседствовали, сосуществовали, сотрудничали или контактировали в различных областях жизнедеятельности. Об уровне их социально-экономического развития и политического положения в XVIII – нач. XIX вв. существуют разные версии и оценки. Вопреки усилиям дагестанских исследователей показать объективно уровень социально-экономического развития дагестанских народов к XVIII – нач. XIX вв., целый ряд отечественных исследователей, среди которых особо выделяются последователи Кавказоведческой южнороссийской школы В.Б. Виноградова, идеализируют политику царской России, афишируя «отсутствие в ее политике колониальной экспансии» в отношении северокавказских, в том числе дагестанских народов.

¹ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск. 2002.

ЧАСТЬ I

Международное и внутривосточное положение Дагестана во второй половине XVIII – начале XIX веков

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦИ РАН

instituteofhistory.ru

ГЛАВА 1. Внешнеполитическое положение Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX вв.

Хочу обратить внимание читателей и оппонентов данной работы, что под внешнеполитическим или международным положением любого государственного образования понимается место и значение, какие отводятся ему соседними странами, а также этим государственным образованием своим соседям, граничащим с ним; при этом, в первую очередь, нужно исследовать историко-политические коллизии, возникающие во взаимоотношениях соседствовавших в том или ином регионе (в данном случае в прикаспийском регионе Кавказа, где расположен Дагестан) государств.

«Внешнеполитическое положение», как термин, может иметь узкое и широкое понятие. При определении внешнеполитического положения в узком смысле речь может идти о характеристике, описании контактов или взаимодействиях с соседними странами. Дагестан, к примеру, в изучаемый период, как и ныне, граничил с Чечней, Грузией и Азербайджаном. Он поддерживал с ними со всеми торгово-экономические, можно сказать, культурные и политические взаимовыгодные контакты. Безусловно, эти контакты были жизненно важны. Они достаточно хорошо исследованы и освещены отечественными, в первую очередь, такими дагестанскими учеными, как В.Г.Гаджиев, М.Р.Гасанов, Ч.М.Гашимов¹ еще в советский период. Они нашли отражение и в коллективных работах², изданных в тот период. В постсоветский период отдельным аспектам этих контактов посвящено несколько кандидатских диссертаций³.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., Наука, 1965; Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004. С. 158-208; Гашимов Ч.М. Из истории взаимоотношений Дагестана с Чечено-Ингушетией в XVII–XVIII вв. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 55-70

² История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 374-400; М., 1968. Т. 2. С. 9-28; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., Наука, 1988. С. 435-466; М., 1988. Т. 2. С. 9-21.

³ Аллаев Н.М. Отношения Кайтагского уцмийства с Россией в XVIII – первой четверти XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2005; Гасалиев М. Русско-дагестанские отношения в последней четверти XVIII – нач. XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2006.

При раскрытии вопроса изменении внешнеполитического положения любого государственного образования (методологически и методически – однозначно) нужно на основе анализа и обобщения всех имеющихся разного характера источников и учета опыта и достижений отечественных исследователей в изучении торгово-экономических и политических контактов народов Дагестана, попытаться показать, что мешало, тормозило нормальное развитие контактов их с близкими соседями, а также с далекими от Дагестана странами, даже не граничившими с ним, но оказывавшими существенное влияние на международное или внешнеполитическое положение около 10 дагестанских феодальных владений и более 60 союзов сельских обществ, существовавших в Дагестане в изучаемый нами период, т.е. во второй половине XVIII – начале XIX в. (практически до присоединения Дагестана к России по ирано-российскому Гюлистанскому мирному договору 1813 г.).

Задача данной главы заключается в раскрытии сути политических контактов феодальных владений и союзов сельских обществ Дагестана, с одной стороны, и России, Турции и Ирана, - с другой. Естественно, необходимо отметить, что Дагестан ни в целом (он не был единым политическим образованием – авт.), ни его отдельные государственно-политические образования, в частности феодальные владения, не представляли реальной угрозы указанным странам.

Внешнеполитическое положение Дагестана же в целом в изучаемый период определялось отношением правительств царской России, султанской Турции и шахского Ирана, а также даже вмешательства французских и британских эмиссаров и дипломатов во внутренние дела кавказских народов, в их числе и дагестанских. Это в широком понимании понятия «внешнеполитическое положение» Дагестана. Только такое комплексное освещение поднятой проблемы может дать действительно подлинную картину и объективную оценку складывавшейся во второй половине XVIII – начале XIX в. системе международных отношений на Северо-Восточном Кавказе, в первую очередь в Дагестане, хотя этот вопрос по сути дела обойден в первом томе академического издания «История Дагестана с древнейших времен до XX века» (М., Наука. Т. 1. 2004). В этом легко убедиться, обратив внимание на то, что третий раздел этой книги (Т. 1) завершается констатацией факта: «9 мая 1747 г.

Надира (речь идет об иранском шахе - завоевателе Надире, в 30-40-х гг. XVIII в. совершившем ряд вторжений в Дагестан с крупными контингентами войск с целью его покорения своей власти – авт.) в результате дворцового заговора убили, а «созданное им государство, представлявшее, конгломерат народностей и племен, распалось» (с. 449). Четвертый же ее раздел «Дагестан в составе России» практически начинается с описания событий 1797 г., в начале которого «между Ираном и Портой велись переговоры, целью которых было образование ирано-турецкого наступательного блока, направленного против России и народов Кавказа», который «не состоялся»¹.

Таким образом, из научного освещения выпала вторая половина истории народов Дагестана XVIII в., которая весьма слабо освещена и в «Истории Дагестана...» 1967-1968 гг. издания. Восполнить этот серьезный пробел отечественной историографии и должна данная работа, поскольку в постсоветский период, как и в конце XVIII – начале XIX вв., в борьбу за влияние над Дагестаном, ставшим самым южным форпостом Российской Федерации на Кавказе после распада СССР, втянулись не только Иран и Турция, но и даже США, объявившие Прикаспий зоной и своих жизненных интересов.

Перед нами поставлена сложная задача. Попробуем ее осветить как можно глубже и объективно. Отметим только, что в любой хронологический период истории на формирование определенной политической ситуации в Дагестане преобладающее влияние оказывала какая-либо из упомянутых выше стран, стремившихся к господству над Дагестаном.

И нравится это кому-либо или не нравится, нужно отметить, что стабилизации политической ситуации в Прикаспийском регионе Кавказа, в частности в Дагестане, более способствовала политика России в этом регионе. Поэтому наш анализ начнем с освещения основных политических событий, формировавших политический климат в прикаспийской зоне Кавказа, каковыми были, на наш взгляд, отношения народов Дагестана (имеются в виду все его феодальные владения и союзы сельских обществ того времени – авт.) с Россией.

¹ История Дагестана... М., Наука, 2004. Т. 1. С. 453.

* * *

Довольно печально для Надир-шаха кончилась его эпоха: он был убит своими приближенными. Он так и не достиг целей своей политики в Дагестане и в конечном итоге увел остатки своих войск из Дагестана в Азербайджан, собираясь заняться иранскими проблемами, начавшимися там выступлениями против него самого.

Смерть Надира привела к распаду созданного им на насилии разноплеменного государства, в результате распада которого на территории Азербайджана возник целый ряд самостоятельных феодальных государств – ханств, которые конфликтовали друг с другом за приграничные земли, а также за уделы.

На определенное время народы Дагестана были обезопасены от угрозы вторжения каких-либо вооруженных формирований с юга или вернее со стороны Ирана, через Азербайджан. И, как отмечено в «Истории Дагестана», «экономический упадок, вызванный войнами Надира и его грабительской политикой, стал постепенно изживаться и в связи с этим дальнейшее развитие получили торгово-экономические связи Дагестана с Азербайджаном»¹.

Из Азербайджана в Дагестан, в частности, в Дербент привозили самые различные товары. Из Шемахи поступали шелк и шелковые ткани, хлопчатобумажные изделия, рис и другие товары; из Баку привозили смолу, нефть, соль, шафран; из Кубы и Нухи, Ганджи и других центров везли продукты сельского хозяйства: пшеницу, ячмень, лесоматериалы, марену, сухофрукты.

В стороне от этих контактов не оставались и горцы Дагестана, которые со своими товарами (продукция сельского хозяйства, ремесленные изделия) добирались в города Баку, Нуха, Куба, Шеки, Кабала, Шуша. Кроме того, горцы Дагестана (особенно Южного) получили возможность свободно перегонять своих овец на зимние пастбища приморского Азербайджана, а также заниматься отходничеством в зимний период². Однако вскоре все начало меняться не в самую лучшую сторону, так как уже во второй половине XVIII в. начались междоусобные

¹ История Дагестана. М., Наука, 1967. Т. 1. С. 374.

² Там же. С. 374-375.

войны среди азербайджанских феодалов, в которые оказались втянутыми и дагестанские феодальные владетели, среди которых намечился раскол, начали формироваться противоборствовавшие блоки и коалиции¹.

Их участники, каждый в отдельности, в создавшихся условиях стали искать себе союзников среди великих держав, которыми в тот период считали Россию, Турцию и Иран. Особо привлекательна была тогда Россия, связь с которой и поддержка которой могли серьезно упрочить политические позиции любого из владетелей Дагестана, повысить его авторитет и т.д.

Казалось бы, что в создавшихся в сер. XVIII в. условиях Россия должна была спешить вернуться занять военно-стратегические рубежи в прикаспийском регионе, занятые ее войсками в результате похода Петра I в 1722-1723 гг.² и оставленные ими в 1734 г., не желая открытой конфронтации с войсками иранского Надир-шаха, вторгнувшимися тогда уже в Дагестан с целью поимки и наказания Сурхай-хана казикумухского за организованные им совместно с Хаджи Даудом мяшкюрским нападения на иранские гарнизоны, находившиеся в Ширване и т.д.

Это хорошо отражено в «Истории Дагестана», в которой сказано, что «согласно Багдадскому мирному договору 1733 г. Турция должна была уступить Ирану все ранее ей принадлежавшие территории. Границы между договаривающимися сторонами определялись в рамках ирано-турецкого договора 1639 г. Но властвовавший в Ширване Сурхай-хан не был намерен подчиниться власти Ирана. И когда Турция приказала передать Ширван Ирану, Сурхай-хан убил привезшего этот приказ слугу правителя Астары Мусы тальшинского и ответил, что «я завладел Ширваном при помощи мечей мусульман – лезгин, а не по пожалованию Турецкой державы»³.

Надир, давно вынашивавший планы покорения горцев, выступил в Ширван. Узнав о приближении Надира, Сурхай отступил в Кабалу. Не встречая сопротивления, войска шаха в ноябре 1734 г. заняли и сожгли до основания Шемаху и двину-

лись на лагерь Сурхай-хана. В битве при Кабале Сурхай потерпел поражение и вынужден был бежать в горы. Преследуя его, Надир двинулся в Дагестан, разрушая на своем пути аулы и расправляясь с мирным населением. При этом до основания были разрушены Курах, Чирах, Хосрех, Кули, Кая и другие села. Вблизи же Кумуха войска Надир-шаха были встречены отрядами горцев во главе с Сурхай-ханом.

Горцы схватку с войсками Надир-шаха проиграли и отступили. Иранцы заняли Кумух, разграбили и разорили его. Сурхай со своей семьей бежал в Аварию¹.

Это было не самое лучшее время для народов Дагестана, над которыми нависла угроза не только иноземного нашествия, но и порабощения. Однако подробный анализ хода антииранской борьбы народов Дагестана в 30-40-е гг. XVIII в. не входит в задачу данной работы. Основная цель ее заключается в показе отношения России, Ирана и Турции к политической ситуации в Прикаспии, где Дагестан играл главную роль.

После изгнания из Дагестана шахских войск практически в первые 20-30 лет ни одна из указанных стран не делала заметных политических и военных действий с целью усиления своего влияния на Дагестан. Объяснялось это не тем, что правительства и правящие верхи этих государств стали на путь мирного сосуществования и дружбы. Дело было в том, что Иран практически распадался, переживая период захлестнувших страну междоусобиц. Соседний Азербайджан был раздроблен на множество феодальных владений, которые были заняты своими внутренними проблемами.

Турция была в этот период довольно далека от дагестанских проблем. Ей надо было решать свои политические проблемы с Россией, которой проиграла войну 1768-1774 гг. и осталась обязанной выплатить 4,5 млн. рублей контрибуции², и Ираном.

Наиболее благоприятная ситуация создавалась в этот период для активизации политической деятельности в Дагестане и на Северном Кавказе в целом для России, которая в условиях иранской агрессии 1730-1740-х гг. вывела свои войска на левый

¹ История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 375.

² Там же. С. 345.

³ Там же. С. 355.

¹ История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 356.

² Там же. С. 392-393.

берег Терека, где была создана Кизлярская крепость, ставшая практически военно-стратегическим, административно-политическим и торгово-экономическим центром России на Северном Кавказе, что хорошо показано в трудах Е.И. Иноземцевой¹ и Н.Н.Гаруновой², да и в ряде трудов других отечественных исследователей³.

Русское правительство в создавшихся условиях особо не демонстрировало свои планы в отношении Дагестана. Оно даже не попыталось поднять вопрос о возврате ему позиций в прикаспийском Дагестане в 1735 г., когда Россия по договору с шахом Ирана вывела свои войска, в первую очередь, из Дербента, игравшего важную роль во всех вопросах жизни жителей своего региона, особенно жителей Южного Дагестана.

Более, можно сказать, активны были в вопросах налаживания экономических и политических контактов правители феодальных владений Дагестана. Еще в 1961 г. по этому поводу Х.-М.О.Хашаев писал, что «в 50-х годах XVIII в. шамхал Хасбулат, его преемник Муртаза-али, аварский Магомет-нуцал-хан, казикумухский Магомед-хан и Андийское общество вновь обращались к России с просьбой о принятии их в подданство»⁴. В этих условиях, по его словам, Россия старалась укрепить свои южные границы. Были заложены крепости Кизляр и Моздок. Турция, боявшаяся укрепления России на Северном Кавказе, готовилась к войне с Россией, всячески стараясь поднять народы Северного Кавказа против неё. Пропаганда Турции не нашла отклика среди населения Дагестана, «и, когда разразилась русско-турецкая война, дагестанцы сражались против турок»,

¹ Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2001. – 224 с. - С. 50-70, 77-90, 157-169.

² Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII– первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. – 276 с.

³ История Дагестана... М., 1967. Т. I. С. 356-358, 390-393; История народов Северного Кавказа... до конца XVIII в. М., Наука. 1998. С. 374-375, 393-403, 443; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана... Махачкала, 1999. Кн. I. С. 120-125.

⁴ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 33.

просили грузинского царя Ираклия пропустить их для набега на турецкие земли¹.

В 1957 г. в «Очерках истории Дагестана» справедливо отмечалось, что «Изгнание шахских войск из Дагестана, приобретение фактической независимости еще не означало, что миновала угроза иноземного нашествия», что, «пользуясь ослаблением Ирана, Оттоманская империя стремилась прибрать к своим рукам не только провинции Кавказа, которые Персия все еще считала своими, но и земли, принадлежащие России», в царствование султана Махмуда «было задумано даже было овладеть Дагестаном»². В этих же «Очерках...» были приведены сведения о том, что в 1762 г. государственный канцлер России М.И.Воронцов указывал на намерение турок «учинить приобретение над Персией, особливо близ Каспийского моря»³. Он указывал на то, что, если Турция захватит Северо-Восточный Кавказ, то туркам не трудно будет «не только заведенной на том море российский торг испровергнуть, но и очистить себе путь во внутренние пределы российские»⁴.

Естественно, царское правительство не могло не реагировать на такие предупреждения о будущей угрозе России и стало принимать превентивные меры по обезопасению своих южных – северокавказских границ. В этом плане были проведены работы по укреплению Кизляра, создана была новая Кизлярская линия из терских станиц. В 1763 году была заложена крепость Моздок, ставшая одним из опорных пунктов самодержавия на Северном Кавказе⁵. В 1769 г. между гребенскими казачьими городками по берегам Терека было поселено до 600 семейств волжских и 250 семейств донских казаков. Так была завершена Кавказская военная или кордонная линия от Моздока до Кизляра⁶.

Делалось царизмом многое тогда и для укрепления своих торгово-экономических и политических связей с горами Се-

¹ Там же; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 278.

² Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 171.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 172.

верного Кавказа, не исключая и Дагестана. В частности, можно указать на то, что в 1762 г. по указу императрицы Екатерины II от пошлин были освобождены товары горских народов. В тот же период – в 1765 г. кабардинцы и кумыки были освобождены от уплаты пошлин как при продаже их «собственных произведений и скота», так и при покупке товаров в Кизляре.

Царское правительство активизировало и миссионерскую деятельность по христианизации представителей северокавказских народов¹, хотя в этом деле и не имело особых успехов, так как со своей стороны и Турция вместе со своим вассалом – крымским ханом развернули антироссийскую пропаганду. Реально сложилась к 60-м годам XVIII в. на Северном Кавказе весьма острая и опасная в первую очередь народам Дагестана политическая ситуация². Как подчеркивали авторы «Очерков истории Дагестана», «в условиях захватнических поплзновенных больших государств экономически и политически раздробленный, раздираемый непрекращающимися феодальными распрями, многоязычный Дагестан не мог оставаться независимой страной»³.

Народы Дагестана «должны были либо подпасть под власть Турции и Персии», либо вступить в подданство России. В этой сложной обстановке по-разному вели себя и правители феодального Дагестана. Они, «исходя из своих корыстных интересов, ориентировались то на Россию, то на Турцию и Персию»⁴. Документы, сохранившиеся от тех времен, свидетельствуют о том, что «в середине XVIII в. большинство владетелей Дагестана искали покровительства России» и среди них – шамхал тарковский, хан казикумухский и хан аварский и т.д. По разумению авторов цитируемых «Очерков...» в создавшихся к середине XVIII в. политических «условиях покровительство такой сильной державы, какой была Россия, стало практической необходимостью»⁵. Я бы только добавил при этом, что и России нужна была ориентация на нее северокавказских и даге-

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1. С. 266-273.

² Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 172.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

станских в их числе феодальных правителей, не оставившихся без внимания главных политических ее оппонентов – Ирана и Турции – в северо-кавказском регионе и в Прикаспии.

Надо сказать, что приведенные выше сведения и мнения авторов «Очерков истории Дагестана» практически были проанализированы в исследовании В.Г.Гаджиева, посвященном показу роли России в судьбах народов Дагестана¹, от чего, думается, их научная значимость ничуть не убавится.

В.Г.Гаджиев подчеркивал, что сказанное не означает, что все без исключения жители Дагестана ориентировались на Россию. В то же время имелись отдельные круги общества, которые придерживались протурецкой ориентации. К их числу прежде всего относилось мусульманское духовенство и некоторые феодалы, связанные с Турцией работоторговлей; в частности такой протурецкой ориентации придерживался эндириевский владетель, «резиденция которого являлась центром работоторговли на Кавказе»².

По сведениям П.Г.Буткова «эндерийский владетель Албирю послал к крымскому хану и к турецкому султану, чтоб с турецкой стороны прислано было войско для взятия Дербента и Баку, обнадеживая вспоможением»³.

В то же время «костиковский воевода, владетель Алиш Хамзин не переставал хранить преданность к российскому скипетру». Поэтому, когда у него с братом его Темиром произошло недоразумение в 1757 г., царские власти пытались примирить обоих братьев. Однако это не привело к миру между ними. Тогда Алишу из Астрахани были даны в декабре 1757 г. «для охранения» три медные трехфунтовые пушки. Более того, в 1760 г. в Кизляре был построен ему дом «казенным коштом». Еще в 1787 г. «капитан Алиш Хамзин» был предан искренно интересам России⁴.

На русско-дагестанские отношения этого периода (середины XVIII в.) серьезно повлияла сложившаяся тогда междуна-

¹ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 138.

² Там же; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., Наука, 1988. (Далее – ИНСК. М. Наука, 1988). С. 436-437.

³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа... СПб., 1869. Ч. 1. С. 257.

⁴ Там же.

родная обстановка на Кавказе. Особенно сказалось на них то, что «в сентябре 1768 г. под давлением Франции Османская империя вступила в войну с Россией», которая вынуждена была начать военные действия в 1769 г. сразу на Балканах, Кавказе, в Подолии и Приазовье. Положение российской стороны на Кавказе осложнялось и тем, что на территорию Кавказа продолжал претендовать и шахский Иран, а турецкий султан призывал северокавказские народы, в их числе и дагестанские выступить против России, при этом подкрепляя свои призывы подарками и деньгами феодальным владетелям Дагестана и Северного Кавказа. Как отмечено авторами «Истории народов Северного Кавказа... до конца XVIII в.», однако, «несмотря на умелую антирусскую пропаганду, османам не удалось поднять горцев на борьбу с Россией»¹. Горцы не поддержали турок и крымцев.

Более того, в 1768 г. «все старшины и народ» чеченский, надеясь на высочайшую Е.И.В. милость, решили состоять в прежней своей верности и данную присягу навсегда... сохранять...»². Согласно имеющимся сведениям в 1768-1769 гг. с просьбой о принятии их в подданство России обращались шамхал тарковский, дербентский Фатали-хан, казанищенский, эндирейский, костековский и др. владетели³. Ингуши и чеченцы, ногайцы, кабардинцы и осетины оказывали помощь и содействие русским войскам в отражении нападений турецких войск⁴.

В результате победы русских войск был подписан 10 июля 1774г. в болгарском селе Кючук-Кайнарджи мирный договор, признавший полную независимость Крыма, отход к России участков Азовского побережья, крепостей Керчь, Ени-кале, территории между Днепром и Бугом, юридическое оформление присоединения Кабарды к России⁵. После этого вопрос о присоединении к России подняли ингуши и чеченцы. Вопрос этот был решен уже в январе 1781 г., когда старшины сел. Большой Чечень и Аджи-аул, «учиняя вверяемую присягу, обязались

письменно быть вечно подданными России...», просили сами о принятии их в вечное подданство России.

Можно сказать, что «длившийся многие десятилетия процесс добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России в 1781 г. завершился»¹, что в определенной мере должно было способствовать стабилизации политической ситуации на Северном Кавказе, в том составе и в Дагестане, феодальные владетели которого тоже начали еще до окончания русско-турецкой войны 1768-1774 гг. обращаться к царским властям на Северном Кавказе и непосредственно к царице Екатерине II с просьбой о принятии их в подданство России, обещая ей верно служить. После подписания Кючук-Кайнарджийского договора подобные обращения участились; с этого времени феодальные владетели и старшины союзов сельских обществ Дагестана стали наперебой обращаться к России, добиваясь ее покровительства; русское правительство охотно принимало послы, всячески поощряло сближение их с Россией, но объявить о присоединении Дагестана к России официально не решалось, не желая обострить международную обстановку в кавказском регионе².

А между тем на северо-восточном Кавказе разгорались феодальные междоусобицы, в ходе которых каждая из участвовавших сторон в письмах к русским властям на Кавказе обвиняла противника в измене России. Поддержка какой-либо из сторон Россией сразу же ставила в оппозицию к кавказскому командованию другую сторону. Разобраться в этой ситуации в то время было довольно сложно. Нередко от видимого спокойствия среди феодальных владетелей изучаемого нами региона буквально за один – два дня не оставалось и следа. Царским властям приходилось их мирить, что не всегда легко удавалось.

Как отмечается в исторической литературе, такое случилось в отношениях между феодалами Нагорного Дагестана с Фет-Али-ханом дербентским в середине 70-х гг. XVIII в. Известно, что Фет-Али-хан при поддержке шамхала тарковского, уцмия кайтагского, кадия табасаранского занял Дербент и перенес свою резиденцию из Кубы в Дербент. Некоторое время спустя, между Фет-Али-ханом и уцмием возникла размолвка.

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Ответ. ред. акад. Б.Б.Пиотровский. М., Наука, 1988. С. 439.

² Там же. С. 440.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 440-445.

⁵ Там же. С. 441.

¹ Там же. С. 445.

² Там же.

Дело в том было, что во второй половине XVIII в. Фаталихан (это имя так пишется в «Истории Дагестана...». М., 1967. Т. 1. С. 375 – авт.) кубинский решил подчинить своей власти важнейший стратегический пункт на западном побережье Каспийского моря, которым правил слабый и безвольный Магомед-Гусейн-хан, заботившийся лишь о собственном обогащении, чем вызвал ненависть всех жителей Дербента. С ними в стговор вошел Фатали-хан, заключив предварительно договор с шамхалом тарковским, уцмием Кайтага и кадием Табасарана. Фатали-хану удалось склонить на свою сторону дербентцев, осадить город и захватить его¹.

Далее Фатали-хан в знак благодарности за его поддержку отдал часть земель Дербентского ханства владельцам Дагестана. Шамхалу тарковскому он отдал селения Набурли, Карадаглы, Чиги, Азагли, Бебешли и Бебели в Кубинской провинции; уцмию Кайтага – Малакалиль в Дербентской провинции и разрешил сбор таможенных пошлин в Дербенте, а табасаранскому кадию – было выдано денежное вознаграждение. И самое главное при этом было то, что, стремясь сблизиться с уцмием Кайтага Амир-Гамзой, Фатали-хан женился на его сестре Тутубике². При этом ему удалось отбить попытки Магомед-хана казикумухского захватить Нуху³.

Далее события приняли не очень желательный ход, в чем важную роль сыграли два момента. Во-первых, после взятия им Дербента Фатали-хан отказался выдать свою сестру Хадиджебике за уцмия Амир-Гамзу, чем вызвал гнев последнего, поскольку договор об этом у них уже был заключен. Во-вторых, Фатали-хан изгнал из Дербента кайтагских (уцмийских – авт.) сборщиков податей и налогов. Кроме этого, он отобрал подаренные им уцмию деревни⁴.

Естественно, что уцмий Амир-Гамза был страшно озлоблен этим и, воспользовавшись отъездом Фатали-хана из Дербента, предпринял попытку захватить крепость Дербент. Но он успехов в этом деле особых не имел.

¹ Там же. С. 446.

² Гаджиев В.Г. Роль России... С. 140-141.

³ Там же. С. 141.

⁴ Там же.

В 1774 г. аварский Нуцал-хан вмешался в эти события, собрал большое войско, заключил союз с Агаси-ханом, напал на Шемаху и овладел ею. Однако на помощь Фатали-хану прибыло много даргинцев, которые вместе с отрядом бакинского хана напали на Фатали-хана у Старой Шемахи, но были разбиты. Более того, Фатали-хан заманил в свой лагерь Нуцал-хана якобы для переговоров и предательски убил его. Этим актом Фатали-хан вызвал недовольство феодальных правителей Дагестана. В результате была создана антикубинская коалиция, в которую вошли уцмий Кайтага Амир-Гамза, Магомед-хан казикумухский, Тишсиз-Магомед и др.

Между войсками Фатали-хана и отрядами коалиции в 1774 г. на Гавдушанском поле вблизи с. Худат произошла жестокая битва, в которой разбитый наголову Фатали-хан ушел в Сальяны, откуда с письмом – просьбой о помощи направил к Екатерине II своего посланца Мирза-бек-Баята. В письме Фатали-хан добивался принятия его в подданство России. Однако Россия не спешила с решением этого сложного политического вопроса. Но выжидать было долго нельзя, так как буквально на глазах стала перекраиваться политическая карта рассматриваемого региона¹.

Это выразилось в том, что Магомед-хан казикумухский занял Кубу и начал осуществлять ханскую власть. В Ширване была восстановлена власть Агаси-хана; уцмий Амир-Гамза попытался захватить Дербент, но Тутубике оказала ему решительное сопротивление и он вынужден был возвратиться в свой Кайтаг. Он сделал еще одну попытку овладеть Дербентом и даже Баку, но все было тщетно. Он вернулся вновь в свое владение, хотя кольцо осады вокруг Дербента сохранялось более 9 месяцев.

В этой ситуации Фатали-хан пытался заручиться поддержкой и помощью шамхала, но все было тщетно. В январе 1775 г. шамхал обратился к России с просьбой оказать помощь Фатали-хану, обещая и сам помочь ему в борьбе с уцмием. Царское правительство, учитывая, что поражение Фатали-хана – сторонника пророссийской ориентации отрицательно может повлиять на политическую ситуацию в регионе, потребовало от

¹ Там же. С. 142.

феодалных владетелей Дагестана, входивших в антикубинскую коалицию, прекратить вооруженные действия против Фатали-хана. Это значительно разрядило политическую ситуацию в Прикаспии, расколело блок феодалов, сильно ослабило противников Кубинского ханства¹.

Отметим, что этот сюжет достаточно подробно разобран исследователями и хорошо освещен.

В целом же рассмотренные события значительно осложнили политическое положение Дагестана, который из-за своей политической раздробленности на множество союзов сельских обществ и на более десятка небольших феодалных владений не мог играть особо заметной роли в политических интригах, происходивших в этом регионе Прикаспия во второй половине XVIII – нач. XIX в.

Российский фактор все же в этот период сыграл объективно положительную роль в стабилизации политического положения Дагестана в середине 70-х гг. XVIII в.

Но Дагестан был расположен, как и ныне он располагается, в зоне повышенной политической активности, где все время один какой-нибудь конфликт сменялся другим; если даже его сообщал и урегулировали, все равно возникал другой и т.д.

В данном конкретном случае при участии практически всех заинтересованных сторон были урегулированы отношения уцмий Кайтага и Фатали-хана дербентско-кубинского. Как совершенно справедливо отмечено в «Истории народов Северного Кавказа...», Россия при решении вопроса связей уцмий и дербентского Фатали-хана стала на сторону Фатали-хана и потребовала от осаждавших Дербент прекратить эту борьбу. Этим решением России горские владетели Дагестана не были довольны, «но не считаться с требованием России они не посмели. Особенно недовольным оказался уцмий Кайтага Амир-Гамза, который практически на пустом месте создал новый конфликт.

В 1774 г. он задержал у себя в Уцмийстве действительного члена Российской академии наук С.-Г. Гмелина, который совершал путешествие по Кавказу с целью изучения его природных ресурсов, истории, литературы и т.д. На требование киз-

¹ Там же; История Дагестана. М., Наука, 1967. Т. 1. С. 378.

лярского коменданта отпустить ни в чем не повинного академика домой уцмий Амир-Гамза потребовал вернуть 200 семейств его подданных, бежавших в Кизляр еще в период нашего шаха Надира, или уплатить 30 тыс. руб. в качестве выкупа за убытки, причиненные уцмью бегством его подданных.

По словам В.Г.Гаджиева, пока переговоры шли, академик Гмелин, содержащийся в Ахмед-кенте, 27 июля 1774 г. умер. Русские власти на Северном Кавказе, да и императрица Екатерина были возмущены поведением уцмий Амир-Гамзы. В силу сложившихся обстоятельств царское правительство 1 марта 1775 г. снарядило военную экспедицию в Кайтаг под командованием генерала де Медема. Царские войска и присоединенные к ним отряды шамхала тарковского в местечке Иран-Хараб (в 16 км от Дербента) разбили Амир-Гамзу. Сам Фатали-хан дербентский явился в лагерь российских войск, принес ключи от Дербента и отправил их императрице Екатерине II с просьбой принять его под покровительство России¹. Отряд майора Криднера и Фатали-хана направился в Кайтаг, урегулировав там свои дела, они двинулись в Табасаран. Но царские власти предупредили их «сколько возможно воздерживаться от обвинения целых обществ, а больше относить оные на частных людей»².

Согласно имеющимся данным, 10 марта 1775 г. отряд русских войск во главе с майором Криднером совместно с Фатали-ханом направился в Кайтаг и Табасаран, а остальные войска под предводительством генерала де Медема с отрядом шамхала пошли в другие районы южного Дагестана. Вблизи Башлы Амир-Гамза, «будучи уверен, что своей кавалерией без затруднения сломает ряды пехоты», напал на отряд Криднера, но действием артиллерии был опрокинут с величайшим уроном и обратился в бегство³.

Далее в Табасаране Криднер и Фатали-хан попали в ловушку, понесли большие потери. Тем не менее, уцмий Кайтага, кади Табасарана и Магомед-хан казикумухский оказались не в состоянии вести борьбу с царскими войсками и запросили мир. Но при этом они выдвинули условие, чтобы Фатали-хан не в

¹ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 143; ИНСК. С. 446-447.

² Там же.

³ Там же; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку. 1926. С. 133-134.

Дербенте содержался, а содержался в наследственно ему принадлежащей Кубе. Царские власти усмотрели в этом политическую интригу – желание врагов Фатали-хана отторгнуть Дербент от его владений. На это Россия не дала согласия, чем вызвала недовольство членов антикубинской коалиции, т.е. противников Фатали-хана. Но тем не менее они вынуждены были примириться с требованием царских властей, уступить им.

Необходимо отметить, что «вскоре после этого уцмий Кайтага Амир-Гамза и Рустем-кади» табасаранский «присягнули на верное подданство России и представили в Дербент аманатов»¹. Это значило, что восторжествовала политическая линия российских властей. Но русское правительство и в этих условиях, не желая осложнять отношений с Персией и Портой, «предлисалю генералу де Медему не считать подданство этих двух владельцев действительным и возвратить аманатов». А Фатали-хану были возвращены ключи от Дербента, в котором по просьбе этого хана был оставлен отряд в 500 человек с четырьмя орудиями. Основные силы (войска) России были выведены в Кизляр.

Однако этим Турция и Иран были недовольны. Они потребовали полного вывода русских войск из Дербента², что и было сделано весной 1776 г.

Но политическая ситуация в Дагестане была очень сложна, поскольку по подстрекательству Ирана и Турции среди горских феодалов снова разгорелись междоусобицы. В целях их прекращения царские власти в марте и апреле 1776 г. в селе Дарбах провели две встречи горских владетелей с целью их примирения и стабилизации политического положения Дагестана. В них принимал самое активное участие русский майор Фромгольдт. В ходе переговоров была достигнута договоренность о том, что уцмий Кайтага, хан Казикумуха и кадий Табасарана не будут посягать на владения дербентского хана и не будут чинить обид его подвластным. Фатали-хан, в свою очередь, клялся не нападать на соседние владения. Феодалы договорились наладить и транзитную торговлю, обеспечивая безопасность на караванных трассах. Были учтены и интересы русских торгов-

цев. Согласно архивному источнику, «русским подданным... как торговым, так и проезжающим для других дел через границы наши (российские – авт.), также никакого грабительства и захвата не делать и, кроме надлежащего прежним установлениям, не брать»¹.

И поэтому приходится полностью соглашаться с авторами «ИНСК» в том, что «это соглашение должно было обеспечить мир и спокойствие, способствовать развитию торгово-экономических связей на Восточном Кавказе, расширению русской торговли с Кавказом и странами Ближнего Востока»².

Расширению и укреплению торгово-экономических и политических контактов правителей дагестанских феодальных владений, от позиции которых во внешнеполитических вопросах зависело политическое положение Дагестана, способствовали и щедрые денежные и материального происхождения подарки, чины и звания, присваивавшиеся им царскими властями. Так, согласно сведениям С.Ш.Гаджиевой, за верноподданническую службу Баммат-шамхал, именованный в русских документах Магомет-шамхалом тарковским, владельцем буйнакским и дагестанским, грамотой Екатерины II был утвержден с потомством его в шамхальском достоинстве. Ему от имени царицы вручили бриллиантовое перо для ношения на шапке в знак шамхальского достоинства. Пожалован он был и чином тайного советника. Все эти привилегии считались переходящими по наследству. Ему же ежегодно выделялись 2000 руб. на содержание войска «во всегдашней готовности на службу России и оборону шамхальства»³.

Сын его Магомет-шамхал грамотой императора Павла I в 1797 г. был утвержден в чине тайного советника и в шамхальском достоинстве, имел право носить бриллиантовое перо на шапке и получал из царской казны 6000 руб. жалованья ежегодно.

Более того, Мехти-шамхалу был грамотой императора Александра I в 1806 г. присвоен чин генерал-лейтенанта. Ему было поручено управление изменившего России Фатали-хана

¹ ИНСК. М., 1988. С. 447.

² Там же.

¹ РГВИА. Ф. Персидские дела. 1776-1777гг. Оп. 1. Д. 478. Л. 58.

² ИНСК. М., Наука, 1988. С. 447.

³ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 59-60.

селениями Улусского магала¹. Все это служило веским аргументом тому, что Россия ничуть не скупилась на подарки нужным ей в политическом плане людям, особенно феодальным правителям, которые и определяли внешнеполитическую ориентацию своих подданных. Естественно, что шамхалы тарковские все теснее сближались с Россией, становились практически исполнителями воли царей. Это, естественно, вызывало недовольство других феодальных владетелей Дагестана. А кому-то из них это служило ориентиром при определении своей внешнеполитической ориентации.

В «Истории народов Северного Кавказа...» приведены интересные в плане нашего исследования данные о взаимоотношениях феодальных владетелей Дагестана и России. В ней сказано, что у русского правительства вызывало недовольство поведение феодалов Дагестана, соперничавших с дербентским владетелем. Однако русское командование не пресекало его, ибо полагало, что, опираясь на владетелей Засулакской Кумыкии, шамхала тарковского, майсума Табасарана и хана дербентского, Россия без особых затрат и вооруженного вмешательства, сумеет оказать политическое влияние и на других феодальных владетелей Дагестана. Тем самым появлялась возможность добиться мира на Северо-Восточном Кавказе, и, следовательно, «расширить торговлю в данном районе»².

Здесь не могу не отметить, что концовка этой цитаты из ситуации того времени особо не вытекала и кизлярский комендант не сводил политические расчеты лишь к тому, чтобы «расширить торговлю в данном районе». Он видел ситуацию гораздо глубже. И, продолжая далее тему, подчеркнем, что «именно поэтому, когда Магомед-хан казикумухский в 1776 г. стал сколачивать коалицию феодалов против Фет-Али-хана, кизлярский комендант предупредил его «не нападать на дербентского хана, который стоит под протекцией России»³. И этого оказалось достаточно, чтобы казикумухский хан вернулся к себе домой, оставив ссору с Фет-Али-ханом.

¹ Там же. С. 60.

² ИНСК до конца XVIII в. Т. 1. С. 448.

³ Там же.

Этот же источник сообщает нам о том, что русское правительство отклонило просьбу Фет-Али-хана (он же Фатали-хан – авт.) о военной помощи для расширения его владений за счет территориальных захватов соседних владений.

К концу XVIII в. Эндейское, Аксайское, Костековское владения и Тарковское шамхальство – вернее их правители – уже находились в подданстве России, утверждались ею во владельческих правах и самое главное – в знак «верности и доброжелательности» получали из России жалованье. При этом в их распоряжении имелись русские отряды, именовавшиеся в официальной переписке «караулами». Под протекцией России находились дербентский хан и майсум табасаранский. Россия оказывала сильное влияние и на уцмия Кайтага и кадия Табасарана¹. После подписания в 1783 г. в г. Георгиевске «Дружественного договора», оформившего протекторат России над Картли-Кахетинским царством (Восточная Грузия) и заявления России, что она обязуется защищать Грузию в случае войны, а при ведении мирных переговоров настаивать на возвращении Восточной Грузии владений, отторгнутых от нее Оттоманской Портой, шамхал тарковский писал об его готовности «со всеми свои сыновьями и братьями и подвластными людьми служить российской императрице»².

Вслед за ним хан аварский, обращаясь с просьбой принять его под протекцию России, писал «во всех сторонах войско мое и я сам, сколько сил моих станет, служить готов». С аналогичными просьбами к кавказскому командованию обращались и другие владетели Дагестана³. Это было успехом российской дипломатии, которая одерживала верх над ирано-турецкими кознями на Северном Кавказе, особенно турецкими, которых тогда было много, так как Турция, готовясь к войне, усилила идеологическую обработку местного кавказского населения, призывая к «священной войне» (газавату) против неверных. При этом горцам, поступившим к османам в армию, обещали выплачивать по 50 руб., которые в тогдашних условиях являлись большой суммой. При этом шла и тайная пропаганда ту-

¹ Там же.

² Там же. С. 449-450.

³ Там же. С. 450.

рецких эмиссаров, под видом мулл и проповедников ислама в большом количестве пробравшихся в Дагестан и в другие области Северного Кавказа и ведших антироссийскую пропаганду, поднимая северокавказских горцев на войну против России.

Приведенные выше данные о внешнеполитических позициях дагестанских владетелей позволяют утверждать, что больше надежд горские народы Кавказа, в том числе и Дагестана, возлагали на Россию, чем на Османскую империю. Если добавить к этому и сведения о том, что в 1786 г. в Тарках в присутствии народа и представителя кавказской администрации поручика Филатова тарковский шамхал Баммат «принял обязательство и дал присягу на верность и подданство России»¹, и все это завершилось тогда банкетом в Петербурге и принятием Тарковского шамхальства под протекторат России, чего в тот же период стали добиваться уцмий кайтагский Амир-Гамза и аварский хан Умма-хан, обещавший «усерднее» всех князей «оказывать услуги России»², станет еще более очевиднее.

* * *

Угроза внешнеполитической самостоятельности Дагестана возникла «в период антироссийского восстания во главе с шейхом Мансуром (или Ушурмой), начавшегося в 1785 г. и продолжавшегося до 1791 г.». В начале к этому восстанию примкнули засулакские кумыки (эндирейские и аксайские). Первые же попытки Мансура штурмом взять Кизляр потерпели провал. Проигравших обычно особо не поддерживают, и от Мансура начали отходить в первую очередь эндирейцы и аксаевцы, до начала восстания находившиеся в тесных связях с Кизляром, Россией. «Рассыпались по своим домам и другие горцы», понявшие, что это движение или восстание не улучшит их жизненных условий³.

Горцев не устраивала и сама программа этого восстания и методы вербовки в ряды шейха Мансура ополченцев. Дело в том, что «Ушурма прибег к новому методу мобилизации сил. Под угрозой наказания горские аулы с каждой мечети обязаны

были выставлять по 2 человека и отдавать девятую часть хлеба и урожая. А Аксаевская, Эндереевская, Костековская и Брагунская деревни обязаны были посылать по 10 человек с мечети и платить по 60 коп. со двора»¹.

По мнению исследователей, «Ушурма решился на такой шаг по подсказке Порты», хотя прямых данных по этому поводу нет. Но достоверно известно, что в начале 1786 г. к Ушурме приезжал агент султана, но о чем они договорились и какие советы он давал предводителю повстанцев, осталось неизвестным. Однако и эти «крайние меры» лишь на некоторое время стабилизировали положение Ушурмы, который вынужден был перебазироваться сначала в Кабарду, а потом в Анапу, куда он ездил еще в сентябре 1786 г. по приглашению турецкого коменданта².

Главное, что не удалось шейху Мансуру, деятельность которого привлекала и привлекает внимание множества исследователей, заключалось в неудаче попытки его вовлечь в антироссийскую по сути дела борьбу народы Кавказа. Поэтому трудно возразить утверждению авторов цитируемого здесь труда о том, что, «ведя подготовку к войне с Россией, османы надеялись привлечь на свою сторону народы Кавказа».

Большие надежды они возлагали на шейха Мансура. Ободренный обещаниями Порты шейх сделал попытку вновь поднять горцев на борьбу. Он уверял их, что в скором времени придут многочисленные войска султана, а также отряды шамхала тарковского, хана аварского и других владетелей Дагестана. Эти заверения он сопровождал религиозно-догматическим воззванием. Однако народные массы уже ему не верили. Попытки шейха поднять горцев Северо-Восточного Кавказа на антирусскую борьбу не имели успеха», и летом 1787 г. он вынужден был бежать из Чечни в Закубанье. Оказавшись среди западных адыгов, он призывал их подняться на борьбу против «неверных» русских – против России, что на руку было Турции, готовившейся тогда к войне 1787-1791 гг. с Россией³.

¹ ИНСК до конца XVIII в. С. 452.

² Там же. С. 453; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 176.

³ Там же. С. 455.

¹ ИНСК до конца XVIII в. С. 456.

² Там же.

³ Там же.

Дагестан, хотя отдельные представители каждого из его феодальных владений и приезжали к шейху Мансуру, в принципе избежал серьезных потрясений, связанных с этим движением. В частности, это было связано с позициями феодальных правителей Дагестана. Согласно имеющимся данным, Уммахан аварский в ответ на просьбу шейха Мансура о поддержке в борьбе с русскими заявил следующее: «Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, чтобы подобно населению подчиняющихся тебе чеченских районов и отсюда народы пошли... сражаться с русскими. Но, известно, что подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу быть тебе союзником». Аналогичные ответы дали Ушурме шамхал тарковский, хан казикумухский, кадий табасаранский и др.¹

Отметим также, что «в Дагестан, в частности, к аварскому хану было прислано от турецкого двора много денег с просьбой, чтобы он помог шейху»². И кажется, что аварский хан и в этом случае тоже не пошел на поводу у зарубежной державы.

Завершая этот сюжет о шейхе Мансуре, хочу подчеркнуть, что нельзя было в таком солидном академическом издании, как «История народов Северного Кавказа...» (см. С. 457), писать, что «На этом закончилась бесславная роль Ушурмы в военных операциях...», если даже он и потерпел поражение от царских войск, поскольку его деятельность по-разному оценивается разными исследователями.

* * *

Следующим событием, на котором необходимо остановиться здесь, был поход царских войск в 1796 г. в Прикаспий во главе с графом В.Зубовым, оказавший заметное влияние на политическое положение Дагестана того времени. Поход этот достаточно подробно освещен в исторической литературе³ и его полностью, со всеми подробностями освещать мы здесь не

¹ Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 113-114.

² Кабардино-русские отношения... М., 1957. Т. 2. С. 368-371.

³ Очерки истории Дагестана. 1957. Т. 1. С. 179-183; История Дагестана. М., 1968. Т. II. С. 9-14; РДО в XVIII – начале XIX в. Сб. документов. Сост. В.Г.Гаджиев. М., Наука, 1988. С. 227-240; Гаджиев В.Г. Роль России... С. 165-178; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. III. С. 262-302.

станем, ограничимся сугубо освещением непосредственно имеющихся к теме данного исследования аспектов.

Здесь отметим, что в начале 90-х гг. XVIII в. к власти в Иране пришел кровожадный деспот Ага-Магомет-хан Каджар, открыто объявивший о своих притязаниях на власть над всем Кавказом и потребовавший от владетелей Закавказья и Дагестана подчинения его власти.

Реакция закавказских и дагестанских феодальных правителей на эти амбициозные заявления шаха Ирана была неоднозначной. Царь Грузии Ираклий II, Мир-Мустафа-хан талышинский, Ибрагим-хан карабахский и др. заключили между собой союз и дали торжественный обет не подчиняться Ага-Магомет-хану. Не желали ему подчиняться и правители Дагестана. Только дербентский Шихали-хан поддерживал Ага-Магомет-хана¹, опасаясь его нападения на свои владения.

Авторы «Истории Дагестана» (1968 г.) отметили, что еще в начале этих событий «Россия дала знать Ага-Магомет-хану, что, если он откажется от притязаний на Грузию, шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, ханства Дербентское, Бакинское, Талышинское, Карабахское, то будет официально признан Петербургским двором шахом Ирана при условии взаимного соглашения относительно границы между Россией и Ираном»². Тем не менее, Ага-Магомет-хан, ободренный успехами в Иране и подстрекаемый французскими эмиссарами, проводившими антироссийскую пропаганду в Иране, собрав огромную армию, перешел р. Аракс и вступил во владения Ибрагим-хана карабахского.

Однако в Карабахе он встретил упорное сопротивление. Ему не удалось захватить резиденцию карабахского хана Шушу, представляющую собой неприступную крепость. Ага-Магомет-хан вынужден был, оставив эту крепость в тылу, приступить к исполнению своих захватнических замыслов в отношении Грузии. Он вторгся в Грузию и, разоряя, грабя и сжигая все на своем пути, двинулся к главной столице Грузии-Тифлису. По сведениям П.Г. Буткова, 10 сентября 1796 г. Ага-Магомет-хан приступил к Тифлису. При этом грузинские цари

¹ История Дагестана. М., Наука, 1968. Т. 2. С. 9.

² Там же.

Ираклий и Соломон, покинутые войсками, обратились в бегство. 12 сентября «беззащитный Тифлис был взят Ага-Магомет-ханом; каменный мост через р. Куру был разрушен; царский дворец ограблен и все предано было огню и мечу; жители были истреблены, взяты в неволю; многие грузины бежали в соседние страны. Из 61 тыс. семей в Тифлисе оставалось всего 35 тыс. Ага-Магомет-хан повел себя в Тифлисе как жестокий завоеватель. В силу сложившихся обстоятельств он провел в Тифлисе всего 8 дней. При этом он присвоил себе корону и скипетр, пожалованные грузинскому царю в 1783 г.¹

Во время его пребывания в Тифлисе группы его войск – «партии» проникли до Мцхеты, Баязета и Памбака, «совершая неистовства». Он хотел было двинуться далее на Кахетию и Сигнах, где персам оказывал упорное сопротивление царевич Георгий Ираклиевич, но, опасаясь прибытия русских, обратился к Ганже для вторичного нападения на Шушу².

Имеются сведения русского происхождения о том, что «Ага-Магомет-хан овладел Ганжею и скоро овладевает Эриваном», что в силу своей слабости эриванский хан вынужден был кланяться перед Ага-Магомет-ханом³.

Но для нас в данном случае важнее рассказать о том, что происходило в это время в Дагестане, как отразились указанные события на политическом положении Дагестана и как себя повели в сложившихся условиях феодальные правители Дагестана. И здесь нужно отметить, что «после взятия Тбилиси Ага-Мухаммед-хан потребовал от народов Дагестана покорности, но владетели Дагестана – шамхал тарковский, уцмий кайтагский, кадий табасаранский, Али-Султан дженгутаевский и другие собрались на общий совет и единодушно отклонили требования персидского завоевателя, решив принять все меры к оказанию сопротивления и обратиться за помощью к России».

Согласно мнению авторов «Истории Дагестана» (М. 1968), Россия взяла под покровительство шамхала тарковского, уцмий кайтагского и хана дербентского и отправила из Кизляра

в Дагестан русские войска под командованием генерал-майора Савельева; в то же время «владельцам Дагестана было предложено собрать ополчение и вместе с русскими войсками организовать оборону против персов; ген.-м. Савельеву было дано указание для необходимых расходов на содержание войск выдать уцмию Кайтага 2 тыс. руб., кадиям табасаранскому и акушинскому – по 500 руб.»¹.

Отметим, что только один Шихали-хан дербентский на обращение Савельева прислать своих посланников «для заключения условий к совокупному действию» с дагестанскими владетелями против Ага-Мухаммед-хана «отозвался письмом», что «будет противиться вступлению русских войск в его владения». В силу такого оборота дел «кавказское командование, усилив отряд Савельева двумя батальонами, приказало ему двинуться к Дербенту и занять город силой. Если Шихали-хан отклонит новые предложения России».

Савельев привел свои войска под Дербент, преодолев очень большие трудности. Тогда и выяснилось, что Савельев не сможет собственными силами занять дербентскую крепость. Тогда царские власти организовали военную экспедицию под началом ген.-поручика В.А. Зубова для взятия Дербента и опережения вступления Ага-Магомет-хана в Дербент. Зубову были подчинены и войска Савельева, а также войска России, находившиеся в Грузии, и русский флот на Каспийском море².

Очень хорошо эти события отражены в документальных материалах, опубликованных, в частности в сборнике «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.». Это протокол заседания Государственного Совета от 11 августа 1793 г. и протокол заседания этого же совета 20 февраля 1794 г. о порядке приема в подданство России Шихали-хана дербентского и об утверждении этого факта³. Особенно ярко о российской политике в отношении Дагестана в этот период можно судить по рескрипту Екатерины II от 10 февраля 1796 г. командующему экспедиционным корпусом генерал-поручику В.А. Зубову «с инструкцией по организации и расположению войск, о военных

¹ Бутков П.Г. Материалы... Ч. III. С. 260; Очерки истории Дагестана. Махачкала. 1957. Т. I. С. 170-180.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. III. С. 279-280.

³ Там же. С. 261

¹ История Дагестан. М. Наука. 1968. Т. II. С. 10.

² Там же

³ РДО в XVIII – нач. XIX в. С. 226-227. (Док. 314, 315).

действиях против Ага-Мухаммед-хана, защите и восстановлении на троне грузинского царя Ираклия II, о взаимоотношениях с владельцами и т.д.»¹. Последний документ содержит 30 пунктов-предписаний. Общее командование войсками было поручено ген.-поруч. гр. В.А. Зубову. Ему должны были подчиняться и помогать ген.-м. Сергей Булгаков, Иван Савельев, Александр Римский-Корсаков, Гаврила Рахманов, кн.Павел Цицианов, барон фон-Бенигсен, бригадир Федор Апраксин, ген.-м. Плитьев (командующий первым Чугуевским полком². Каждая воинская часть должна была иметь трехмесячный запас продовольствия, прикупая у местных жителей за деньги необходимые продукты питания³.

Предлагалось, обвести письмами как царя Ираклия, меликов карабагских, Ибрагим-хана шушинского, так и владельцев дагестанских (подчеркнуто нами – авт.) и ширванских о вступлении с войсками для освобождения их, в ожидании от благодарности их всех зависящих от них пособий, с ободрением их надеждою не подвергать жребия их в руки коварного мучителя. Также доставить при таковых обещаниях письма Муртазы Кули-хана в руки ханов дербентского, бакинского, талышинского и шушинского.

Российская императрица Екатерина II знала также о дагестанских владельцах того времени, проявляла интерес к их привлечению к совместным действиям с русскими войсками против общего неприятеля. Она предлагала «привлекать всеми способами и наиболее утверждать в верности шамхала тарковского, уцмия каракайдацкого, владельца казикумухского и хана аварского, отличая их по мере их усердия и приверженности и награждая их по усмотрению деньгами или подарками с наблюдением хозяйства. А для лучшего уверения в их преданности, верности, при оставлении земель их войсками, брать от них под видом служения при войсках ближних родственников и сыновей как самих владельцев, так и знатнейших из старейшин их, производя им жалованье, но не отягощая себя большим числом оных, употребляя их для открытия лучших путей и для

опытного показания единоплеменным им народам выс. покровительства и милостей ко всем единоверным их, приемлющим участие в успехах оружия российского»¹.

В отношении «ветренного и непостоянного молодого хана дербентского предписывалось» обратить его к последованию по стезе родителя его в рассуждении преданности к России и утвердить в верности и в единомыслии с благонамеренными владельцами, отдаля из окружающих его таковых, которые окажутся неблагонамеренными к пользам России, окружая его благонамеренными и верными»².

Заслуживает быть отмеченным и 16-е предписание В.А. Зубову, в котором было указано: «Наблюдая во время обращения в Дагестан войск российских осторожность от нападения лезгинцев и других хищных горных народов, воздерживать легкие свои войска от всякого с ними озлобления и совместничества. А для удержания оных народов от грабежей склонить к тому аварского хана, коего и верность по сей причине полезна быть может. Не заходя в горы и не касаясь жительство и собственности сих народов, сохранять их в спокойствии³, презирая неважные грабежи, против коих умножить собственные предосторожности, и не ополчать их против себя, что и при обращении войск в Грузии и в Ганже наблюдать должно»⁴.

Иначе говоря, царица призывала своих военачальников к мелким нарушениям горцев относиться снисходительно, не принимать к ним крутых мер. Можно сказать, что это было вполне оправдано в тогдашних условиях. Поэтому и не сохранилось каких-либо сведений о конфликтах проходивших через приморский Дагестан от Кизляра до Дербента царских войск с местными жителями Дагестана.

Это гарантировало от излишних в тогдашних условиях конфликтов и создавало картину, хотя бы и внешне, сотрудничества с обеих сторон, что особенно выгодно выделяло российскую сторону на фоне тех зверств, которые позволял себе Ага-

¹ РДО в XVIII –нач. XIX в. С. 229. (Пункт 14).

² Там же. (Пункт 15).

³ Там же. С. 230.

⁴ Там же; документ этот извлечен из ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 2799. Л. 1-10.

¹ Там же. С. 227-231.

² Там же. С. 227. (Пункты 1-2).

³ Там же. С. 228 (Пункт 9).

Магомет-хан по отношению к народам Кавказа, ставших жертвами его агрессии.

П.Г. Бутков много внимания уделил собиранию и публикации документальных материалов по этому вопросу. В частности, он писал, что «шамхал, каракайтагский усми, табасаранский кади или Али-Салтан-бек джангутавский имеют общий совет и решаются противиться Ага-Магомет-хану. Они призывают к России о помощи»¹.

По сообщению П.Г. Буткова, «Шейх-Али-хан дербентский присылал в Тарку за неделю до приезда Садыкова (российский посланец – авт.), нарочного с приглашением присоединить к посольству, отправляемому им к Ага-Магомет-хану, своих чиновников, но шамхал отказался»². Этот же Садыков в Тарках встретил Магомет-Бека, посланника от Омар-хана аварского к Шейх-Али-хану и к усмию, которому поручено было узнать о расположении последних относительно Ага-Магомет-хана. В бытность Садыкова в Дербенте туда приезжал и посланник Ага-Магомет-хана Сеит, который рассказывал разные подробности о разорении Грузии...»³. По сведениям П.Г. Буткова, ген.Гудович старался привлечь на сторону России Омар-хана аварского, но хан требовал выдачи жалованья в 10 тыс. руб. На другие условия он не соглашался⁴.

Царская Россия пыталась создать единый блок дагестанских владетелей против Ага-Магомет-хана.

Однако правители дагестанских феодальных владений, согласно имеющимся сведениям, не всегда бывали искренны в своих антишахских заявлениях. Об этом свидетельствует рапорт из Тарков майора Манеева от 9 ноября 1795 г. о том, что к шамхалу прибыл посланец от Шейх-Али-хана Ибрагим-бек, через которого якобы Шейх-Али-хан просил шамхала подать ему помощь в случае нашествия Ага-Магомет-хана; но Мехти уведомил частным образом Манеева, что Шейх-Али-хан делает все это только для виду, что он готовит богатые подарки Ага-Магомет-хану и хочет войти в его подданство, только бы Ага-

Магомет-хан не отнимал у него владения»¹, что тарковцы объяты страхом, ожидая нашествия Ага-Магомет-хана².

Большое значение для характеристики уровня состояния русско-дагестанских политических отношений конца XVIII в. имеет письмо ген. Гудовича от 16 ноября 1795 г. из Георгиевска к Мехти-шамхалу («Мугамет-Шамхала» по тексту – авт.) Гудович убеждал шамхала «остаться верным России и войти в союз с непокоряющимися Ага-Магомет-хану усмием, Омар-ханом аварским, Хамбутаем казыкумыцким и особенно с Ибрагим-ханом шушийским, для общей обороны». В то же время он без помощи России и еще осенью этого года Гудович пошлет к ним ген.-м. Савельева с 20 т. русского войска»³.

И, действительно, 19 декабря 1795 г. этот отряд выступил из Кизляра. Савельеву было предписано после вступления его в Буйнакск и достижения соглашения всех дагестанских владетелей «выдать усмию и Омар-хану по 1 т. р.»⁴.

Заслуживает быть отмеченным и сообщение гр. Гудовича от 31 марта 1796 г. ген.-м. Савельеву о том, что «в союзе с Шейх-Али-ханом находились, кроме того, табасаранские владельцы Магмут-бек-брат табасаранского кадия Рустема, и Маасум-Заграб»⁵.

Цитируемая работа П.Г. Буткова содержит сведения об отношении феодальных владетелей Дагестана, начиная от Тарков и до самого юга Дагестана, к российским войскам, проходившим через их владения. Но мы отметим только наиболее важные моменты. Так, 18 апреля 1796 г. русские войска выступили в поход; 22 апреля они переправились через Койсу; 25 апреля войска достигли Тарки. За 3 версты от города шамхал Магамет встретил гр. Зубова. Ему подарены часы; 26 апреля русское войско прошло линию Тарков, вытянувшись в одну колонну; 27 апреля «русские» проходили мимо Бойнака; Мехти, сын шамхала встретил гр. Зубова за 10 верст от этого места; 28 апреля войска достигают р. Гамри-Озенья во владении удмия; 29 апреля ген.-м. С.А. Булгаков отправляется из лагеря при Гамри-

¹ Бутков П.Г. Материалы... Ч. III. С. 261.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 264.

⁴ Там же. С. 265.

¹ Бутков П.Г. Материалы... Ч. III. С. 267.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Там же. С. 274.

Озене для занятия Дербента с Южной стороны; ему предстояло пройти трудные табасаранские дефилеи. В тот же день он достиг р. Б. Дарбах. Одновременно с Булгаковым и главный отряд российских войск двинулся к Дербенту с северной стороны. 30 апреля на помощь к Булгакову явился табасаранский кадий Рустем¹. Это помогло с наименьшими потерями отряду Булгакова добраться до южной стены Дербента, преодолев переход через гору Бент².

Каспийский корпус расположился в 1½ верстах от Дербента у родника Аван-Булак. Отряд Булгакова, добравшись до предместий Дербента, расположился в 300 сажнях от города в ханских садах³. 10 мая 1796 г. Шейх-Али-хан сдался и поднес гр. Зубову ключи Дербента; ген.-м. Савельев вступил в крепость с 4 батальонами пехоты.

14 мая Шейх-Али-хану вернули саблю, с которой на шее, он явился в российский лагерь⁴.

24 мая российские войска продвинулись к югу и расположились лагерем на р. Рубас. В Дербенте были арестованы всего 10 человек и морем отправлены в Астрахань. Власть в городе перешла в руки сестры Шейх-Али-хана Периджи-ханум и наиба Хидир-бека⁵.

19 июня 1796 г. находившийся в российском лагере практически без присмотра за ним Шейх-Али-хан убежал в Кубу. А в сентябре этого же года «Мехти-сын-шамхала Мугамета, вступил в брак с Периджи-ханумою, сестрою Шейх-Али-хана, правительницею Дербента»⁶.

Позже Шейх-Али-хан бежал в Ахты-пару, вошел в контакт с казикумухским Хамбутай-ханом, приведшим ему в помощь «акушинцев и прочих лезгин», совершил вместе с Хамутай-ханом нападение на село Олпан, где нанес русским войскам ощутимый удар, уничтожив до 250 человек офицеров и солдат, захватив пушки, ружья и т.д.⁷.

¹ Бутков П.Г. Материалы... Ч. III. С. 282.

² Там же. С. 283.

³ Там же. С. 284.

⁴ Там же. С. 285.

⁵ Там же. С. 286.

⁶ Там же. С. 291.

⁷ Там же. С. 292.

Далее положение царских войск начало улучшаться. Они стали разворачиваться в боевой порядок, но смерть Екатерины II 6 ноября 1796 г. все изменила. Оппозиционно настроенный к политике своей матери Екатерины II новый император Павел I направил к Гудовичу повеление прекратить военные действия и вернуть русские войска в Россию.

При этом Павел I направил Гудовичу «рескрипт», в котором требовал от него: 1) содержать в исправности линию по Тереку и Кубани; 2) «удерживать горские народы «в кротости»... 3) «стараться составить» из разных горских владельцев федеративное государство, зависящее от российского императора, яко верховного государя и покровителя», не требуя от них ничего, кроме верности; 4) содержать в зависимости шамхала, дербентского и бакинского ханов; 5) всячески содействовать русской торговле»¹.

Этот сюжет следует завершить ссылкой на цитируемую нами так часто работу П.Г. Буткова, вклад которого в отечественную историю трудно переоценить. По его сведениям 4 июня 1797 г. Ага-Магомет-хан «был убит на заре в Шуше своими служителями. Садык-хан шагакийский, управлявший заговором, забрав драгоценности, бывшие при шахе», удалился «со своим шагакийским войском к Тавризу. 4 часа спустя, Шуша была очищена от персиян»².

Покойный В.Г. Гаджиев подчеркивал, что «для народов Кавказа уход русских войск был весьма не желателен. Как и следовало ожидать, с выводом русских войск внешнеполитическое и внутреннее положение Дагестана резко обострилось. Ших-Али-хан вернул себе власть в Дербенте. Торжествовали и те феодалы, которые за неприязненные отношения к России, были отстранены от власти. Ага-Магомет-хан стал готовиться к новому вторжению на Кавказ. Почти во все владения Кавказа были разосланы фирманы, в которых уход русских войск он хвастливо объяснил «страхом перед персидским оружием»³. Он же писал, что «весной 1797 г. войска Ага-Мухаммед-хана Каджара вторглись в Карабах, заняли Шушу. Ибрагим-хан кара-

¹ Бутков П.Г. Материалы... Ч. III. С. 298.

² Там же. С. 302.

³ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 171.

бахский, «твердейший поборник своей независимости бежал в Дагестан. В Шуше начались грабежи, насилия, пытки и казни. Вновь над народами Кавказа нависла опасность физического истребления; участь несчастных шушинцев ожидала и жителей Дагестана, не склонившихся перед шахом Персии в 1795 г. и оказывавших всестороннюю помощь русским войскам»¹.

Можно согласиться с идеей оценки этих событий В.Г. Гаджиевым о том, что они не привели к желательной стабилизации политического положения Дагестана. В этих условиях народы Дагестана могли придти к выводу, что у них нет настоящего друга, бескорыстного покровителя, который бы их защищал от иноземных завоевателей. Но они должны были убедиться, что в первую очередь они должны сами объединиться, выступать сообща против всех своих врагов, давать им отпор общими усилиями. Их объединение, союз, единое политическое пространство и т.д. должны были иметь свое твердое место среди феодальных государств Восточного и Северного Кавказа.

* * *

Начало XIX в. для внешнеполитического положения Дагестана было довольно благополучным, стимулирующим сближение Дагестана с царской Россией, неустанно проводившей политику сближения с горскими народами Кавказа, особенно Дагестана и постепенного их вовлечения под свою власть, используя для этого возможные и порой невозможные способы и средства. Если систематизировать имеющиеся фактические данные по вопросу дагестано-российских отношений этого периода, то заметно выделяется процесс обращения практически всех феодальных владетелей и старшин союзов сельских обществ Дагестана к российским правителям с просьбами о принятии их в подданство России, обещая верой и правдой служить ей. В ряду таких документов первое место занимает «проект» грамоты Павла I табасаранскому Рустам-кади с благодарностью ему за верность России и помощь ей в период нашествия Ага Магомет-хана на Кавказ².

¹ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 171.

² РДО в XVIII-нач. XIX в. С. 239-240

Еще более интересна «грамота» Павла I от 2 мая 1797 г. о возведении в шамхальское достоинство Мехти-бека тарковского. В ней император писал, что, жалуя Мехти-бека грамотой, «мы сим жалуем и утверждаем, повелевая всем верноподанным нашим обитателям Дагестана, чиновачальникам, беям, старшинам и всему народу признавать его, Мегди-бея, под верховным нашим покровительством и державою своим законным тарковским, бойнацким и всего Дагестана владетелем и шамхалом, оказуя ему всякое во сем достоинстве благоугодное нам дело – подданническое послушание и покорность»¹.

Кстати, об этом говорило и письмо от 2 мая 1797 г. канцлера кн. А.А. Безбородко Мехти-беку тарковскому о пожаловании ему шамхальского титула, степени тайного советника и ежегодного жалованья в 6 тыс. руб.².

Отметим и то, что в этот же день бы решен канцлером А.А. Безбородко и вопрос о деревнях, принадлежавших уцмию Рустам-хану и его посланнику Султан-Магмут-бею, с которых они хотели собирать положенные им подати, но делать это не могли до указания царя³.

Июнем 1797 г. датируется и текст присяги тарковского шамхала Мехти на верность России, с обещанием «государю цесаревичу и великому князю Александру Павловичу...верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови...»⁴. Фактически эта присяга была принята Мехти-шамхалом 18 июня 1797 г. «в присутствии собранных на сей случай окружных тарковских владельцев, от него зависимых, также подвластных отличных людей...»⁵, выражавших большую радость по этому случаю.

В плане нашего исследования интерес представляет «записка управляющего Азиатским департаментом С.Л. Лашкарева о целесообразности удовлетворения просьбы племянника тарковского владетеля Адиль-Гирея об освобождении из-под ареста его посланника и «переселении в Кизляр его матери с семьей» от 1797 г. Все вопросы, связанные с этим Адиль-

¹ РДО в XVIII-нач. XIX в. С. 240.

² Там же. С. 241.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 242.

⁵ Там же. С. 243.

Гиреем, достойным содержанием его семьи и прислуги, а также дарением достойных подарков его матери (перстень, серьги или часы ценою от 500 до 600 руб.), были быстро решены высшими властями в Москве¹. Более того, ему было присвоено звание действительного тайного советника, поскольку он был сыном и наследником покойного тарковского владельца Муртазали-шамхала, коего владение, по причине малолетства, в каком остался сей князь по смерти отца своего, взял в управление родной дядя его Бамат, отклоняясь от покровительства двора российского и предавшись Порте»².

Особо много забот было проявлено царским правительством о Мехти-шамхале, который был удостоен чина генерал-лейтенанта царской армии, а также подарков дорогих (2 куска богатой парчи и 20 аршин темно-зеленого сукна и белого)³. Он тоже не оставался в долгу и делал все, чтобы усилить царское и свое влияние на местных жителей. 16 апреля 1800 г. он писал главнокомандующему на Кавказе К.Ф. Кноррингу, что «обитающие здесь народы, дагестанцы и кумыки, не имея между собою согласия и послушания одному правлению, находились в расстроеном положении почему и шамхалу выполнять, как повеленных от е.и.в., так и других дел, порядочно было невозможно. А теперь я, по благодати всевышнего бога и по милости монаршей, старанием моим употребляя иждивение свое собственное до 170 тыс. руб., привел их себе в послушание.

Бывшие же до сего времени шамхалы успеть в том не могли. Сверх всего и казанищевский владетель Казбулат с подвластными его не хотел быть мне послушным, но я, употребляя нужное на сие средство, привел его с подвластным его народом в мое послушание, почему, построив я себе в Казанищах дом, имею теперь в оном жительство с тем, чтоб довести их до лучшего состояния и содержать в обуздании. И все жительствоующие по р.Койсу, также и другие народы, в том числе и акушинцы, стали мне послушными»⁴.

Отметим, что действия Мехти-шамхала были одобрены Павлом I, желавшим, чтобы «все те народы оставались у него в послушании...»¹. И это служило общим интересам России и горцев. Аналогично были одобрены Александром I и действия дербентских владельцев Ших-Али-хана и его брата Гасан-Али-хана по полюбовному ими разделению власти и функций в Дербенте и в Кубинском ханстве в целом². Но Гасан-хан дербентский умер от оспы 21 июня 1802 г. На власть над дербентцами стал посягать Ших-Али-хан, но народ не принял его и требовал, чтобы в Дербенте правила сестра умершего Гасан-хана Фериж-ханум.

Царские власти одобряли стремление феодалов Дагестана к проявлению единства между собой и прекращению междоусобий.

Подтверждением этому может служить предписание главнокомандующего на Кавказе К.Ф. Кнорринга кизлярскому коменданту А.И. Ахвердову принудить эндириевского владельца Девлет-Гирея подчиниться его брату Шефи Темирову от 11 июля 1802 г.

13 июля 1802 г. правитель Грузии И.И. Ковалевский в донесении к главнокомандующему на Кавказе К.Ф. Кноррингу писал, что жители Анцухского, Капучинского и Карахского обществ выражали согласие соблюдать добрососедские отношения с русскими властями при условии предоставления им права торговли с Грузией, как это было у них раньше.

Предписание и инструкция Александра I главнокомандующему на Кавказе. П.Д. Цицианову от 3 октября 1802 г. о приведении к присяге на верность России Султан-Ахмед-хана аварского были важным событием в системе политических контактов России и Дагестана в начале уже XIX в. Мы встречаем в этом документе редкий случай из практики, когда центр делегирует какие-то определенные властные функции от Центра периферии. В этом случае интересно то, что царь Александр I заботился о том, чтобы хан аварский «подлинно имел всевозможную попечительность об ограждении безопасности как собственных областей его, так и прилегающих к оным преде-

¹ РДО в XVIII – нач. XIX в. С. 243-245, 246-247.

² Там же. С. 251.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же. С. 249.

¹ Там же. С. 250.

² Там же. С. 252-253.

лов Грузии от набегов неприятельских, и при том содержал в готовности войско свое на случай употребления его к службе империи, если обстоятельства того потребуют»¹.

В ряду факторов, положительно влиявших на политическое положение Дагестана в этот период, нужно указать и на договор, заключенный в крепости Георгиевск между дагестанскими владетелями 28 декабря 1802 г. Он был подписан Ших-Али-ханом, его чиновником Медет-беком, посланником тарковского шамхала Мегди, чиновником его Ирза-беком, двоюродным братом талышинского Мир-Мустафа-хана Мирза-беком; чиновником уцмий кайтагского Рустам-хана Ахмет-агой; правителя округа сей Рази-хана чиновником Узней-беком; чиновником табасаранского Рустам-кади Мамед-беком; чиновником табасаранским Нур-Мамед-ага Мустафаевым; чиновником брата владетеля Табасарана Ших-муллоу. Все они выражали согласие прекратить взаимные нападки, жить в мире и дружбе, не беспокоить Ших-Али-хана дербентского, навсегда «быть непоколебимыми верноподданнической обязанности» в отношении к России². Было подписано и их клятвенное обещание³.

Этот договор открывал как бы новую страницу во взаимоотношениях дагестанских владетелей, а также их взаимоотношений с Россией. Он указывал и остальным феодальным владетелям и старшинам союзов сельских обществ как им нужно было поступить в создавшихся тогда политических условиях в изучаемом нами регионе. Именно в этот период появились в свет клятвенное обещание джаро-белоканских аварцев и принятые ими условия при вступлении в подданство России⁴.

Именно в этот период выявилось желание и у уцмий кайтагского Алибека вступить в подданство России (см. письмо П.Д. Цицианова от 14 апреля 1804 г. уцмию Алибеку)⁵. В 1806 г. (10 июня) к России был присоединен Дербент, взятый войсками генерала Глазенапа⁶, в честь чего были представлены к

¹ РДО в XVIII – нач. XIX С. 256-257.

² Там же. С. 258-259.

³ Там же. С. 263.

⁴ Там же. С. 265-267.

⁵ Там же. С. 268-269.

⁶ Там же. С. 270. (док. №. 362).

награждению уцмий Кайтага Али-хан; табасаранские кадий, Махмуд, Мурза-бек, Абдулла-бек, Масум-бек, Мустафа-бек и дербентский градоначальник Али-Пенах-бек¹.

В сентябре 1806 г. с просьбой о принятии их в подданство России обратился целый ряд союзов сельских обществ западного Дагестана (иланхевские общества)², в частности джарцев³.

В 1807 г. в декабре речь шла уже об уточнении текста присяги на верность России Сурхай-хана II казикумухского⁴.

Практически все феодальные владетели Дагестана в 1807 г. получили награды от царских властей, а многие из них – и подарки, в чем легко убедиться, ознакомившись с опубликованными давно архивными данными. Если мы наложим на карту Дагестана названия сельских обществ и феодальных владений, правители которых удостоились царских наград, то получится, что практически все феодальные владетели и старшины союзов сельских обществ Дагестана были готовы к вступлению в подданство России.

Поэтому можно считать закономерным явлением то, что согласно условиям Гюлистанского мирного договора 12 октября 1813 г. между Россией и Ираном были признаны принадлежащими в собственность Российской империи ханства Карабагское и Ганжинское, обращенные тогда в провинцию под названием Елисаветпольской, также ханства Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, Талышинское с теми землями сего ханства, что тогда состояли во власти Российской империи; притом весь Дагестан, Грузия с Шурагельскою провинциею, Имеретия, Гурия, Мингрелия и Абхазия, равным образом все владения и земли, находившиеся между поставленною ныне границею и Кавказскою линиею, с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами⁵.

Казалось бы, что Гюлистанский мирный договор 1813 г. решил все проблемы на Кавказе и гарантировал безопасное и

¹ Там же. С. 271. (Док № 363).

² Там же. С. 272-273. (Док. № 365, 366).

³ Там же. С. 276-277. (Док. № 368).

⁴ Там же. С. 277 (Док. № 369).

⁵ Там же. С. 306-307. (Док. № 408).

свободное развитие всех кавказских, в том числе и дагестанских народов, что будет положен конец всяким феодальным раздорам. Но его положительные факторы оказывали влияние на геополитическую ситуацию в регионе, в Дагестане не очень долго. Существуют и разные оценки этого договора. Некоторые исследователи отрицают даже положительное его значение, так как он способствовал лишь упрочению политических позиций России на Кавказе. Можно все это по-разному трактовать. Но то, что этот договор был заключен узким кругом лиц, среди которых не было ни одного представителя народов Дагестана, и дало основание считать его навязанным Дагестану шахом и российским царем, делившими то, что им не принадлежало, т.е. земли и народы Кавказа, в их составе и Дагестана. Но мы не станем ни сгущать здесь краски, ни приукрашивать ситуацию. Отметим, что этот договор сыграл объективно положительную роль в сближении народов Дагестана и России, как это признает абсолютное большинство отечественных исследователей, в первую очередь В.Г. Гаджиев, ещё в 1965 г. выпустивший в свет фундаментальный труд, в котором осветил и ряд аспектов изучаемой нами проблемы.

Кажется, что и сегодня актуально звучит его утверждение о том, что «присоединение Дагестана к России – стране, по уровню своего развития ушедшей значительно дальше, чем Оттоманская Порты и шахский Иран (претендовавший в течение столетий на господство в Дагестане), к стране с развивающейся прогрессивной культурой, передовым общественно-политическим движением было исторически прогрессивным явлением»¹.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА 2. Внутриполитическое положение Дагестана во второй половине XVIII- начале XIX вв.

В данной главе необходимо охарактеризовать этнополитическую карту Дагестана и изменения, произошедшие на ней в изучаемый период, т.е. осветить основные союзы сельских обществ и феодальные владения, существовавшие и функционировавшие в Дагестане во второй половине XVIII века.

В первую очередь речь идет о феодальных владениях Северного Дагестана – Аксаевском, Эндирейском и Костекском княжествах, названия которых происходят от названий их главных сел, каковыми являлись Эндирей, Аксай и Костек, основное население которых составляли кумыки, среди которых во множестве проживали и ногайцы, чеченцы и другие выходцы из разных частей Кавказа – армяне, грузины, терекемейцы, а также русские – большинство военных и незначительное число гражданских лиц, число которых быстро росло за счет переселенцев из центральных губерний России.

Далее нами охарактеризованы феодальные владения Среднего Дагестана: Тарковское шамхальство, Аварское, Казикумухское и Мехтулинское ханства, а также Уцмийство Кайтагское. Завершается раздел историко-географической характеристикой феодальных владений (Дербентское и Кюринское ханства, Табасаранские майсумство и кадийство, Элисуйское султанство) и союзов сельских обществ нагорной части Южного Дагестана. Сделано это в весьма краткой форме, поскольку такие описания государственных образований, функционировавших в Дагестане в XVIII –нач. XIX в., можно найти в ряде исторических трудов, вышедших в свет как в советское¹, так и в постсоветское² времена.

¹ Очерки истории Дагестана. Махачкала. 1957. Т. 1. С. 171-180, 184-186, 193-201, 201-205; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 85-292; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М. Наука. 1961. С. 12-43, 126-220; Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М. Наука. 1961. С. 45-144; История Дагестана. М. Наука. 1967. Т. 1. С. 347-400; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. Наука. 1965. С. 11-64, 147-273.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVIII-нач. XIX в. Махачкала, 1999. Кн. I; Махачкала. 2001. Кн. II.: История Дагестана с древнейших времен до XX века. М. Наука. 2004. Т. 1. С. 453-483.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 210.

Предварительно отметим, что Дагестан в исторически обозримый период никогда не был политически единым. Поэтому можно говорить, что Дагестан – это понятие более географическое, чем государственно-политическое. «Страна гор» – так называли правомерно авторы прошлых эпох Дагестан. Так было и в изучаемый нами здесь период.

Первоначально в Засулакской Кумыкии, как называют территорию нынешнего Дагестана между рекой Терек и Койсу (Сулак) от гор на западе до Каспийского моря на востоке, образовалось независимое феодальное владение под названием Эндирейское княжество (резиденция Эндерей или Эндирей). Это случилось в конце XVI – начале XVII в. Основателем его явился сын шамхала казикумухского Чупана Султан-Мут или Султан – Махмуд, мать которого происходила из знатного кабардинского узденского рода Анзоровых, который не относился к самым высшим слоям кабардинского общества. Поэтому Султан-Мута считали чанкой, под которым в ту эпоху признавали детей ханов и беков, т.е. представителей высшего дагестанского феодального сословия от социально неравноправных браков.

Когда шамхал Чупан скончался и пришло время делить его наследство между подросшими его сыновьями, возник конфликт между Султан-Мутом и его братьями – родными ему лишь по отцу, но мать которых являлась дочерью социально равноправного шамхала уцмий кайтагского. Они и не хотели давать Султан-Муту удел из отцовского наследства. Но в конечном итоге Султан-Мут вынудил братьев своих уступить ему в удел земли между Тереком и Сулаком с нижней частью «Мичикича» и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета, составившие обособившееся еще в начале XVII в. от Казикумухского шамхальства Эндирейское владение Султан-Махмуда.

К концу XVII в. от него обособились Аксайское (или Аксаевское с центром в селе Аксай) и Костековское (или Костекское с центром в селе Костек) владения. Аксайское владение охватывало земли по нижнему течению Терека, а также рек Аксай и Яман-су до Каспийского моря. Оно состояло из нескольких деревень. Жители его вели многоотраслевое хозяйство; пи-

тались от «пашен и плода всякой скотины», т.е. занимались земледелием и животноводством. Этому способствовали имевшиеся у аксаевцев обширные зимние пастбища и пахотные земли. Речка Яман-су отделяла Аксаевское владение от Эндирейского княжества.

По данным XVIII в. с запада на восток это владение тянулось на 100 верст и более, в ширину имело до 600 верст (от Старого Терека до Астрахани). Аксай для того времени было довольно крупным селением, в котором было до 300 дворов. Этнический состав его жителей был пестр, но преобладало кумыкское население¹. Много проживало в нем чеченцев-аккинцев и ногайцев².

Костековское владение оформилось в самостоятельное княжество тоже в конце XVII в. Основателем его явился малоизвестный человек по имени Алим, которому удалось подчинить своей власти несколько кумыкских селений по реке Сулак, а также несколько ногайских тухумов, кочевавших вблизи этой реки. Костековское владение, как и другие владения Северного Дагестана, занимало очень важную стратегическую позицию, прикрывало подходы к устью Терека³.

Однако Костековское владение не играло, как Эндирейское владение, заметной роли в политической жизни Терско-Сулакского междуречья. Его правители во внешнеполитическом порядке действиях ориентировались на эндирейских владетелей, с которыми были тесно связаны родственными узами. Тем не менее и они контролировали просторные прикаспийские степи, служившие отличными зимними пастбищами и приносявшие значительные прибыли их владельцам⁴.

Управление рассматриваемыми здесь засулакскими феодальными владениями осуществлялось выборным советом князей, во главе которого обычно стоял старший по возрасту князь. Если в силу каких-либо обстоятельств решение какого-либо вопроса вызывало затруднения, старший князь созывал так называемое махкаме или собрание князей.

¹ История Дагестана... М. Наука. 2004. И. 1. С. 316.

² Там же.

³ Там же; Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С. 153-154.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 22-23.

Обычно все же решения и приказания старшего князя претворяли в жизнь находившиеся при нем в качестве десятников бегаулы и дружинники¹. Для наказания провинившегося простолюдина во дворе старшего князя бывала вырыта яма, куда преступников или нарушителей общественного порядка сажали на несколько дней. Ссылаясь на «Адаты кавказских горцев», изданные Ф.И. Леонтовичем еще в 1882 г., В.Г. Гаджиев писал, что «совет князей назначал судей, в число которых могли избираться не только князья, но и уздени», что разбирательство тяжёб производилось по адату или шариату, что по шариату разбирались в основном дела по завещаниям, опеке, разделу движимого имущества и т.д. Уголовные же дела решались по адату, но больше в пользу феодалов.

Именно о таком использовании норм обычного права при разрешении уголовных тяжёб по нормам обычного права кумыков свидетельствует адат, согласно которому «За воровство (если совершивший кражу был из простого народа) вор обязан был заплатить князю в 9 раз больше стоимости, в случае же неуплаты по несостоятельности, он превращался в раба князя. Если же воровство у «простолюдина» совершалось лицом, принадлежавшим к господствующему классу, то последний платил по стоимости или обязан был вернуть уворованное»².

Иногда «князья составляли между собой, в присутствии старшего князя, совещание и положенное там решение приводилось в исполнение, каждым в своем ауле».

Наиболее же важные вопросы или дела выносились на джамаат (сход), который собирался в определенном месте, обычно у главной мечети. Только рабов не пускали на сход, решения которого обычно «принимались согласно высказываниям и предложениям князей, сала-узденей и духовенства»³.

¹ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса. 1882. Вып. 2. С. 187-188.

² Там же; Гаджиев В.Г. Роль России... С. 23.

³ Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 7-11, 29-30, 38, 130-134; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII-нач. XIX вв. Махачкала. 1999. Кн. I. С. 169-181; Умаханов М.-С.К. Экономическое, политическое и культурное развитие Дагестана в XVI-XVII веках // История Дагестана... М. Наука. 2004. Т. I. С. 314, 316.

Основательно все эти вопросы, связанные с засулакскими кумыкскими феодальными владениями эпохи развитого феодализма, т.е. XVIII-нач. XIX вв., освещены и в ряде других работ. Мы же остановимся на одной существенной, на наш взгляд, цитате из «Очерков истории Дагестана», в которой говорится, что «Засулакская Кумыкия (владения кумыкских князей) была разделена на 3 административных участка: Эндиреевский, Аксаевский и Костекровский; каждый участок имел частного пристава и старшего князя. Во главе всех приставов стоял главный кумыкский пристав. Уголовные дела рассматривались в военных судах, гражданские и маловажные уголовные дела – князьями и кадиями. Жалобы на решения последних передавались на рассмотрение Андреевского (правильнее было бы «Эндиреевского» – авт.) городского суда, который состоял из председателя – коменданта крепости Внезапной; одного члена из числа русских чиновников, 6 членов из числа богатых узденей и Андреевского (Эндиреевского – авт.) кадия»¹. Кроме того, в суде обязательно должны были присутствовать представители Аксаия и Костека. Суд этот в целом руководствовался адатом и шариатом.

***

Наиболее крупные феодальные владения Дагестана – Тарковское шамхальство, явившееся прямым наследником существовавшего до сер. XVII в. Казикумухского шамхальства², Аварское, Мехтулинское и Казикумухское ханства, а также Кайтагское уцмийство располагались в Среднем Дагестане. Их взаимоотношения между собой и состояние уровня их политических контактов с заинтересованными в дагестанском вопросе (составной части северокавказского вопроса – авт.) странами того времени – с Ираном, Турцией и Россией, определяло в целом политическую ситуацию в прикаспийской части северо-восточного Кавказа.

Среди них главным являлось Тарковское шамхальство. Его географические параметры, границы, этнический состав населения и многие другие вопросы историко-географического плана уже описаны в нашей совместной с Б.Г. Алиевым работе

¹ Очерки истории Дагестана. 1957. Т. I. С. 201-202.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 207

«Историческая география Дагестана XVII-нач. XIX в.»¹. По этому приведем лишь самые важные данные источников XVIII – нач. XIX в. по изучаемому вопросу.

О границах Тарковского шамхальства автор первой трети XVIII в. И. Гербер писал в 1728 г.: «Ситуация. Расстоянием к северу от реки Сулака, к осту до моря, к зюйду до гор Бойнак, хайдаков и карахайдаков, к весту протянется до акушинцев и таулинцев.

Уезд великой, состоит при городе и столицы шамхальской Тарху во многих добрых и великих деревнях, которые часть на нижней земле недалеко от моря, часть на горах и между горами лежат»². В резиденции шамхала Тарки по данным от 1718 г. насчитывалось 1500 домов³.

Автор конца XVIII в. Д.И. Тихонов – участник персидского похода царских войск в Прикаспий в 1796 г. во главе с графом В. Зубовым – писал, что границы владения шамхала тарковского определялись «рекою Кара-Койсу по устью реки Сулака; от востока берегом Каспийского моря; от юга начинается сухою границею с уцмиевым и Али Султановым владениями, от урочища Урусай-Булака, от которого поднимается хребтом, а потом наклоняется к северу от хребтов гор, лежащих между рек Большого и Малого Манаса, до границы уцмиевой, коей паки повернется хребтом же на запад, между вершинами рек Манаса и Торкали-Озени и дойдет до западных гор, за которыми граничит с народами акушинцами и салатавцами»⁴.

Что южной границей Тарковского шамхальства, отделявшей его от Кайтагского уцмийства, и была речка Гамри-Озень, свидетельствует и П.Г. Бутков, писавший в 1796 г., что царские войска из Шамхальства «прибыли к речке Гамри-Озень, во владения уцмия кайтагского»⁵.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 207-221.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана. Арх. мат. М. 1958. (Далее - ИГЭД). С. 71.

³ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 44.

⁴ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 125.

⁵ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб. 1869. Ч. II. С. 375.

Согласно источнику конца XVIII в. в Тарковское шамхальство, помимо Тарков, где было 1500 домов и жили «только одни кумыки..., да ... немного жидов (евреев – авт.)», входили деревни «Янги-юрт при урочище Алагасе, Хум, Торкали при речке Торкали-Озень», «Албюру Кент», «Кяхолай Торкали», Худаш, Масюлем-аул, Агач-аул, Капчугай, Ерпели, Ишкарты, Каранай, Кичи-Казанищ, Улу Казанищ, Шура, Какашура, «Кя-фаркент», Буглени, Халил-аул, Амархай-кент, «Атлабоин», Карабудак, Губден, Кадар, Гелли, Шура¹. Обратим внимание на то, что все названия сел приведены без всяких исправлений, т.е. как в источнике они даны.

Укажем также, что по сведениям от 1823 г. С. Броневского Тарковское «владение» заключалось «между Койсу и речкой Орусай-Булак, простираясь вдоль по берегу морскому на 110 верст, а в ширину от 50 до 10 и до 5 верст. В сем последнем разстоянии находится город Тарку, главное местопребывание шамхала»².

Согласно сведениям от 1796 г. шамхал в общей сложности имел до 100 тыс. душ подвластных и получал до 30 тыс. руб. серебром дохода в год³. По другим данным шамхал имел 80.000 руб. дохода⁴.

Согласно источникам «Тарковское шамхальство занимало стратегически важную позицию в Дагестане, играло активную роль в происходивших в Дагестане политических событиях, войнах, восстаниях, а также в торгово-экономических связях с другими феодальными владениями Дагестана, с Россией и другими государствами»⁵.

Пришедший к власти в Шамхальстве в сер. 60-х гг. XVIII в. шамхал Муртазали проводил политику сотрудничества с Россией, вступил в ее подданство уже в 1776 г.

Эту линию внешней политики продолжил и его преемник (брат) Магомед-шамхал. Указом от 19 апр. 1793 г. импе-

¹ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 213-214.

² Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823. Ч. II. С. 294.

³ Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 201.

⁴ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 135.

⁵ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 219.

ратрицы российской Екатерины II Магомед-шамхал был утвержден в шамхальском достоинстве с правом наследственной передачи его. Ему были присланы и щедрые царские подарки: «брильянтовое перо для ношения на шапке в знак шамхальского достоинства, и степень тайного советника, с тем чтобы перо и сан тайного советника переходили к преемникам его»¹. На содержание войска ему отпускали из казны 2 тыс. руб².

Сын Магомед-шамхала Мехти (Мегди) продолжал внешнюю политику по примеру своего отца, наследовал его титулы и был признан во всех правах царской грамотой от 2 мая 1797 г. Более того, ему платили из царской казны уже 6 тыс. руб. Царское правительство за услуги, оказанные ему Мехти-шамхалом в нач. XIX в., перевело его из тайных советников в генерал-лейтенанта, ему было присвоено «достоинство Дербентского хана» с правом сбора налогов в свою пользу, за исключением собственно Дербента³.

Согласно имеющимся данным нач. XIX в. эта политическая линия не изменилась даже тогда, когда все другие дагестанские феодальные владетели вышли сражаться против Ермолова за Сулак. Мехти-шамхал остался верен России до конца своей жизни, пользуясь ее защитой и покровительством.

Подводя итог характеристике политической деятельности тарковских шамхалов во второй половине XVIII-нач. XIX в., необходимо подчеркнуть, что она была направлена на упрочение их экономических и политических позиций в Шамхальстве, носила продуманный, прагматический характер; в ней не было заметно переоценки собственных реальных возможностей в международном плане, как уже отмечено в исторической литературе⁴, хотя шамхалы в случае необходимости могли выставить ополчение в 20 тыс. вооруженных людей⁵. В особо важных случаях шамхалы обращались за военной помощью к союзникам – в первую очередь – к акушинцам, находившимся под их протекцией⁶.

¹ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис. 1868. Вып. I. С. 62.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география ... Кн. I. С. 221.

⁵ Гаджиев В.Г. Роль России ... С. 24.

⁶ Там же.

* * *

Внутриполитическое положение в Шамхальстве тарковском не всегда бывало одинаково устойчивым. Углубление в нем феодальных отношений в изучаемый период приводило к антифеодальным выступлениям. Как писал В.Г. Гаджиев в 1965 г., «наступление феодалов на общинные права, постоянно растущие подати и повинности, насилие феодалов, вымогательства духовенства тяжелым бременем ложились на плечи трудового народа. Феодальные подневольные крестьяне вели упорную классовую борьбу, которая выражалась в поджогах домов, хозяйственных построек, ломке и порче орудий производства феодала, в отказе платить подати и отбывать повинности, в побеггах рабов и крестьян от «своих» феодалов».

Известно, например, что в 1786 г. от шамхала тарковского в Терский городок бежали холопы из христиан и «прирожденные мусульмане»¹. В 1795 г. восстали крестьяне селения Губден, против которых сын шамхала – Мехти по повелению отца и совету акушинского кадия решил применить военную силу²; в начале XIX в. жители села Карабудахкент отказались нести подати и выполнять барщину шамхалу тарковскому, который обратился за помощью в этом деле к царским властям на Кавказе, с помощью которых ему удалось подавить восстание карабудахкентцев и восстановить прежнее свое положение. Руководители же восстания были публично повешены или сосланы³.

Согласно имеющимся сведениям при преемнике шамхала Мехти Абу-Муслиме карабудахкентцы вновь отказались платить подати и повинности. Шамхал при поддержке царских войск сумел арестовать главарей карабудахкентцев и посадить «правителем» своего племянника Зали-бека, который начал «бесчинствовать и насильничать». Тогда жители Карабудахкента поднялись на вооруженную борьбу. Зали-бек и его окружение укрепились в крепости. Но восставшие сожгли их дома, разграбили их имущество. Все, кто способен был носить оружие, собрались в местности Гелеметагин и осаждали Зали-бека до тех пор, пока царское командование не спасло его⁴.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России ... С. 20-21.

² Там же. С. 21.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 21-22.

Но в целом авторитет тарковских шамхалов среди феодальных владетелей Дагестана был велик. С ними считались, старались породниться, советовались. Это обстоятельство способствовало, естественно, упрочению политического положения Тарковского шамхальства в Дагестане. Именно поэтому шамхалов тарковских называли «валиями», т.е. главами Дагестана¹.

* * *

Непосредственным соседом Тарковского шамхальства было тесно связанное с ними торгово-экономическими и политическими отношениями Мехтулинское ханство, состоявшее по одним сведениям из 13 селений (Большой Дженгутай – резиденция ханов, Малый Дженгутай, Дуранги, Апши, Ахкент, Оглы, Кулецма, Аймаки, Чоглы, Дургели, Кака-Шура, Параул и Урма)², а по другим сведениям – к нему относились и даргинские селения Наскент, Леваша³. Кроме этого, село Чоглы имело три подразделения – Малые, Средние и Большие Чоглы.

Еще Х.-М.О. Хашаев отмечал, что мехтулинские ханы имели свое правление, творили суд и расправу вплоть до смертной казни, не подчинялись тарковским правителям и податей им не платили⁴.

До 1818 г. Мехтулинское ханство насчитывало 3450 дворов и 15932 человек жителей. Из 3450 дворов 2792 отбывали подати и повинности ханской фамилии, 3- фамилиям беков и 33-чанкам. Среди податного населения только около десяти хозяйств считались чагарскими, а остальные являлись узденями⁵.

В Мехтулинском ханстве хорошо была разработана система сельского управления, состоявшая из 10 бегаулов (старшин), 33 картов (сельских судей) и 52 чаушей (исполнителей). Важную роль играло в ханстве духовенство: 11 кадиев, 33 муллы, 11 будунов. В ханстве имелась 51 мечеть, где обучалось 80 муталимов⁶.

А.П. Щербачев в нач. XIX в. насчитывал в Мехтулинском ханстве до 5000 душ мужского пола, а всех дворов было 1000. Он же считал, что хан Мехтулы при необходимости мог выставить ополчение до 1000 вооруженных человек¹. По сведениям же другого источника начала XIX в. мехтулинский хан мог выставить до 3000 вооруженных лиц².

Мехтулинские ханы имели тесные династические связи с аварским и казикумухским ханскими домами, что гарантировало им политическую стабильность, экономические контакты. То, что Мехтулинское ханство контролировало торговую трассу, соединявшую или связывающую лакцев, аварцев и даргинцев с жителями равнинного Дагестана, гарантировало его правителям регулярное поступление в их казну значительных пошлинных денег с торговых людей, а также денег за перегон овец через их владения на зимние и летние пастбища союзов сельских обществ Среднего Дагестана.

Мехтулинские ханы принимали активное участие во всех политических событиях, происходивших в Дагестане как в I-й, так и во второй половинах XVIII в. Известно, в частности, что Али-Салтан-бек дженгутаевский был согласен с уцмием Кайтага, кадием Табасарана, шамхалом тарковским объединить общие усилия для отражения войск иранского деспота Ага-Магомет-хана, собиравшегося вторгнуться в Дагестан с огромным войском, чтобы покорить его народы своей властью³.

В начале XIX в. отношения Мехтулинского ханства с Россией обострились, так как мехтулинцы выступили против А.П. Ермолова в 1807 г.⁴. В целом можно отметить, что, начиная с конца XVIII в., политическая ситуация в Мехтулинском ханстве во многом стала определяться вмешательством внедагестанских политических сил, в частности оккупационных царских властей, наместника Кавказа кн. А.П. Ермолова, бесцеремонно вмешивавшегося в дела этого ханства, выделив из него

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 60.

² Гаджиев В.Г. Роль России ... С. 25.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 217.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

¹ Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 297.

² Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 308.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 342.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 243-245.

целый ряд населенных пунктов в пользу преданного царю Мекси-шамхала тарковского¹, а также ликвидировавшего это ханство в 1818 г. за измену царю Хасан-хана².

* * *

Довольно активную внешнюю политику во второй половине XVIII – начале XIX в. проводили и правители Казикумухского ханства, вопросам истории которого в последнее время уделяется историками большое внимание³.

В 1957 г. Р.М. Магомедов писал, что «вся территория, населенная лаками, разбивалась на шесть магалов: Мачайми, Вицки, Гумучиял, Кулал, Ури-Мукарки и Барткьял. Магал Гумучиял состоял из 23 джамаатов, Мачайми – из 20, Вицки – из 18 джамаатов. В некоторых из покоренных земель сидели беки из Кумуха, а некоторые продолжали находиться при прежнем внутреннем устройстве. Само владение Казикумухское, именуемое в первой четверти XVIII века ханством, а до того землями халклавчи, входило в состав «гумучияльского» магала ... До середины XVIII века Лакия оставалась политически раздробленной на отдельные территории, которые только временами объединялись под предводительством халклавчи (а позже хана) для внешних предприятий и борьбы с внешней опасностью и распадались так быстро, как только заканчивалось предприятие. Что касается самого ханства, то его тоже нельзя назвать строго централизованным, хотя бы потому, что все покоренные земли, включенные в ханство, продолжали оставаться при их устройстве, хан довольствовался получением дани, а в самом Кумухе наблюдалось смешение феодальных политических органов с общинными и тухумными»⁴.

Но более важным в плане данного исследования является вывод Р.М. Магомедова о том, что «государственное устрой-

ство казикумухского владения, под именем которого объединялись лаки, характеризовалось тем, что это было объединение ряда союзов сельских общин во главе с выборным халклавчи. С начала XVIII в. оно превращается в раннефеодальное государство уже во главе с наследственным ханом»¹.

Для освещения проблемы внутривластного устройства и бытования различных систем управления в Дагестане в изучаемый нами период очень интересны наблюдения Р.М. Магомедова, который пытался опровергнуть господствовавшие в первой половине XX в. в исторической литературе мнения о том, что к началу Кавказской войны «во главе лаков стоял их хан, которому все на местах подчинялись как феодальному монарху»². Р.М. Магомедов подчеркивал, что «такое утверждение не соответствует действительному положению вещей и прежде всего противоречит изложенным выше общественно-экономическим отношениям у лаков, в экономике которых прослеживались одновременно два типа общественного производства (подчеркнуто мной – авт.) и вытекающая из них классовая структура», что анализ характера власти хана и его прав при данных отношениях вскрывает и те своеобразные стороны устройства политических органов управления у лаков, которые также говорят далеко не в пользу неограниченной и деспотической власти хана»³.

По мнению Р.М. Магомедова, общественно-политическая обстановка в Лакии к изучаемому времени сводилась, во-первых, к образованию повсюду у лаков сельских общин с их союзом в лице магала, и, во-вторых, к существованию в одном из этих магалов феодального владения во главе с ханом, власть которого распространялась и на покоренные земли. По сравнению с тем, что их окружало, ханские земли были незначительны по своим размерам, и тем не менее они являлись носителями новых отношений, и хан в них являлся первым феодалом, вокруг которого группировались беки и кумухская знать.

¹ Там же.

² Там же. С. 283.

³ Там же.

¹ Там же. С. 245.

² Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 38.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... С. 222-234; Хашаев Х.М.О. Указ. соч. С. 158-167; Гаджиев В.Г. Роль ... С. 35-37; История Дагестана с древнейших времен до начала XX века. М. Наука. 2004. Т. 1. С. 319-320.

⁴ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана ... С. 282.

На местах же, т.е. в тех землях, которые не входили в ханство, продолжала сидеть общинная администрация, изредка только прибегавшая к советам и помощи хана¹.

И самое интересное в этом было то, что в этот период «хан управлял главным образом казикумухской землей», оставаясь при этом «по отношению к узденским джамаатам их военным предводителем», тем самым объединяя вокруг себя все лакские джамааты, выступая как бы в качестве верховного лица единой государственной организации в период возникновения и существования «внешней опасности»².

Вполне логично Р.М. Магомедов отметил в свое время и то, что «положение хана, как халклавчи, должно было в известной степени направляться деятельностью какого-то специально призванного для этого органа», что «таким специальным органом, который направлял деятельность хана, как военачальника, и регулировал взаимоотношения между ним и джамаатами, был кумухский кьат – народное собрание, в котором участвовали депутаты от всех свободных узденских джамаатов»³.

При этом сначала заседал совет старейшин («совет машара»), решавший в принципе существо вопроса, который потом председатель совета доводил его до конца на собрании. На этом же собрании «старейшинами и выборными от каждого селения» избирался халклавчи («глава народа»), главнейшей обязанностью которого считался сбор «ополчения и начальствование над ним как при защите от нападения соседей, так и для внешних предприятий». Духовно-религиозными вопросами в Кумухе ведал главный кадий («илданал кьади»), который не вмешивался в светские дела, обычно решавшиеся выборными старшинами каждого села.

Халклавчи избирался из кумухской знати («симирдал»). Это была первая военная должность в Лакии. Но власть его «ограничивалась не только существованием кадия и старшин», но и нормами обычного права, согласно которым он не имел права налагать подати без разрешения кадия и старейшин: за халклавчи были закреплены доходы с некоторых гор и пашен; ему выделя-

лись две части добычи от каждого набега¹. В первой половине XVIII в. Сурхай-хан в Лакии считался халклавчи (он умер в 1748 г.). После него его сын Магомед был провозглашен ханом.

Во внешнеполитических делах Магомед-хан следовал политической линии своего отца; вел много войн с персами, не раз восстанавливал свое правление в Шемахе, где с некоторыми перерывами правил до 1762 г. В 1774 г. Магомед-хан овладел Кубой и Кюрой и подчинил их своей власти². Но под конец XVIII в. из Казикумухского ханства выделились кюринские села, положив начало Кюринскому ханству. К концу жизни Магомед-хана кумухский кьат стал собираться уже перед ханским дворцом³.

Возвышение и упрочнение ханской власти над властью халклавчи в Казикумухе проявлялись в том, что хан уже имел опору в лице дружины из вооруженных узденей (нукеров); появился у него и чиновничий аппарат из визирей, назира, дворецкого, кадия, казначеев. Он назначал свою администрацию и в покоренных им землях, откуда в его казну поступали подати, повинности, увеличивая богатства ханской казны.

По мнению Р.М. Магомедова в состав Казикумухского ханства входило семь народностей Дагестана и с начала XIX в. этом ханстве внедрялись отношения, связанные с феодальными способом производства⁴.

Авторитет казикумухских ханов среди правителей феодальных владений Дагестана был велик. Он определялся большим числом их подвластных, которых по сведениям Ф.Ф. Симоновича от 1796 г. было 30000 человек мужского пола, проживавших в 150 подвластных хану деревнях⁵, а по сведениям П.Г. Буткова – 150000 человек в 30 деревнях⁶. В.Г. Гаджиев насчитывал в ханстве этом более 200 сел и до 108 тыс. жителей⁷.

Необходимо отметить также, что казикумухские ханы играли активную роль в политической жизни Дагестана и Се-

¹ Там же. С. 284.

² Там же. С. 290.

³ Там же. С. 291.

⁴ Там же. С. 292.

⁵ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 152.

⁶ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁷ Гаджиев В.Г. Роль России ... С. 35.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 283-284.

верного Азербайджана, где Сурхай-хан I был в свое время провозглашен ханом. Сын его Магомед-хан претендовал после Сурхая I на власть в Шемахе. Но Фатали-хан кубинский сумел с помощью других феодалов Дагестана вытеснить его из Кубы и Ширвана вообще¹. Магомед-хан умер в 1789 г. и ханом казикумухским был избран его сын Сурхай, известный как Сурхай-хан II или Кун-Буттай («большой отец»), который в том же году овладел Кюрой и присоединил ее к своим владениям.

Сурхай-хан II долго и упорно отстаивал свою независимость от царской России, которая поддерживала его политического противника Аслан-бека (он же был племянником Сурхая), претендовавшего на власть в Кюринском ханстве. Сурхай II неоднократно пытался выбить царские войска и Аслан-бека из Кюринской крепости. Но не имел успеха в своей политике, хотя и пытался получить помощь от Ирана и Турции, используя происходившие в 1804-1813 гг. русско-иранскую и в 1806-1812 гг. русско-турецкую войны².

Эти антироссийские настроения и действия Сурхай-хана II не способствовали успеху ни внутренней, ни внешней его политики. Не способствовали они и стабилизации политического положения в Дагестане.

Отметим, что в июне 1820 г. Казикумухское и Кюринское ханства были объединены под властью пророссийски настроенного Аслан-хана; после смерти его в 1835 г. объединенным ханством управляли его сыновья Нуцал-ага (ум. в 1836 г.) и Магомед-Мирза (ум. в 1838 г.)³.

* * *

Заметно важную и активную роль в политической жизни особенно Среднего Дагестана в рассматриваемый период играло Аварское ханство с центром в с. Хунзах. Основное ядро ханства составляли селения, расположенные на Хунзахском плато⁴ и основное население которых составляли аварцы – самая мно-

гочисленная народность современного Дагестана. По сведениям В.Г. Гаджиева аварцы заселяли территорию длиной в 170 и шириной до 70 км¹. Особенно успешно росло вширь Аварское ханство при Умма-хане I (1774-1801 гг.). Он силой принудил Джаро-белоканские общества подчиниться своей власти, а также заставил платить ему дань грузинского царя Ираклия II, ханов дербентского, кубинского, бакинского, ширванского, шекинского, пашу ахалцыхского².

Согласно сведениям П.Г. Буткова от 1798 г. аварский хан со своими союзниками вместе при необходимости мог выставить до 18000 конных воинов: это была для того времени огромная сила. Дело в том, что под властью хана в нач. XIX в. числилось до 100 деревень и более с общим количеством дворов 14843 и жителей до 80000 человек³.

По сведениям же Хрисанфа от 1828 г. в Аварское ханство входило 46 узденских сел с общим количеством дворов 3850 и податных 166 сел⁴. В работе Б.Г. Алиева и М.-С.-К. Умаханова приведено множество интересных в плане данного исследования фактов и цифр⁵, но здесь их повторять нет надобности. Но кое-что придется все-таки отметить; в частности, важным видится вопрос о границах Аварского ханства. Здесь можно сослаться на Х.-М. Хашаева, писавшего, что Аварское ханство в начале XIX в. «имело следующие границы – с востока Мехтулинское ханство, с юго-востока – Казикумухское ханство, юго-запада – территория джарцев, с севера – земли койсубулинцев»⁶.

Основными путями, связывающими Аварское ханство с внешним миром торгово-экономическими отношениями, являлись дороги из Хунзаха; 1) в Тифлис через снеговые горы и белоканских лезгин (5 дней езды); 2) в крепость Грозную через Анды и Чечню; 3) в Эндери через Чиркей; 4) в Казикумух, Акуша и Дженгутай, Гергебиль, Аймаки и до Каспийского моря⁷.

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 32.

² Там же.

³ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210; МИДЧ. Махачкала. 1940. Т. 3. Ч. I. С. 193-195.

⁴ Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 267.

⁵ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география...Кн. I. С. 245-255.

⁶ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 144.

⁷ Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века). Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Дагиз. Махачкала. 1940. Т. III. Ч. I. С. 1801-1839. С. 191-192. См. МИДЧ. Т. III. Ч. I. С. 192.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география...Кн. I. С. 232.

² Там же. С. 232-234; Гаджиев В.Г. Роль России...С. 36-37; История Дагестана...М. Наука. 2004. Т. 1. 458-466; История Дагестана. М. Наука. 1968. Т. 2. С. 24-26.

³ История Дагестана. М. Наука. 1968. Т. 2. С. 69.

⁴ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М. 1963. С. 42.

О внешней политике Аварского ханства в конце – начале XIX вв. можно судить в целом по лаконичной ее характеристике, данной во втором томе «Истории Дагестана» (1968 г.). В первую очередь речь идет об отношении этого ханства к России. В ней сказано, что в начале XIX в. к Александру I с просьбой о подданстве обратился хан Аварии. Однако его просьба тогда не была удовлетворена. Причиной этому послужили не только внешняя политика России тех лет, но и скоропостижная смерть владетеля Аварии Умма-хана.

Его преемник Султан-Ахмед-хан еще более настойчиво стал добиваться русского подданства, на что Александр I дал свое согласие и в начале 1803 г. Султан-Ахмед-хан в Хунзахе в торжественной обстановке в присутствии русского капитана Мещерякова присягнул на верность России, дав при этом клятвенные обещания: поддерживать союз с соседними ханами и горскими владетелями, подданными России и не участвовать ни в каких вооруженных столкновениях; в случае нападения шахской Персии на подвластных России или союзных с ней владетелей оказывать помощь войсками, охранять границы Аварии и ограждать границы Грузии; предоставлять русским купцам, приезжающим для торговли в Аварии, равные права с аварцами, «как людям одного государя и строго карать виновных в ограблении купцов»¹. Интересно обратить внимание на то, что «обязательства, которые брал на себя и своих подданных Султан-Ахмед-хан, были во многом сходны с условиями Георгиевского договора»².

Принятие Аварского ханства в подданство России еще более усилило ориентацию на нее феодалов Дагестана³. Это выразилось в том, что ряд союзов сельских обществ Дагестана выразил готовность вступить в подданство России и присягнуть ей.

Но все это не дало должного эффекта, так как вскоре начались русско-иранская 1804-1813 гг. и русско-турецкая 1806-1812 гг. войны, изменившие круто политическую ситуацию в прикаспийской части Кавказа.

¹ История Дагестана. М. Наука. 1968. Т. II. С. 16-17.

² Там же; РДО в XVIII- нач. XIX в. М. Наука. 1988. С. 256, 258-265.

³ РДО в XVIII- нач. XIX в. С. 265-267.

В рассматриваемый нами период истории политическое положение Дагестана, во всяком случае Среднего и Южного, в значительной мере зависело от политической активности Кайтагского уцмийства, считавшегося наряду с Шамхальством тарковским одним из крупных феодальных владений Дагестана XVIII в. По народному понятию Кайтаг делился и делится на две части: ЧабакI Кайтаг и УбахI Кайтаг («Верхний» и «Нижний»). По другим признакам Кайтаг делился на горную часть или Кара-Кайтаг, что означает «черный» Кайтаг, и плоскостной или Нижний Кайтаг¹. Более дифференцированные названия носили кайтагские магалы или союзы сельских обществ. В Кара-Кайтаге было 8 магалов, каждый из которых состоял из нескольких сельских обществ. Магал Гапш состоял из 5 джамаатов или сел, Шуркент (Шуркент) – из 10, Ката-ган – из 5, Кара-Кайтаг- из 22 сел². Пахотные и покосные земли делились между жителями на равные части.

Р.М. Магомедов еще в 1957 г. дал достаточно подробное описание поверхности, хозяйства, экономики и общественного строя Кайтага. Эти же вопросы нашли освещение и отражение в целом ряде монографических работ³. Все эти подробности приводить нет возможности и необходимости. Здесь будет акцентировано внимание на вопросах общественно-политического устройства и политической деятельности кайтагских правителей или уцмиев.

Согласно сведениям Х.-М.О. Хашаева в Верхнем Кайтаге, населенном исключительно даргинцами, в нач. XIX в. было 32 деревни, 2502 двора и 11063 человека; в Нижнем Кайтаге – 25 сел., 3530 дворов и 18421 человек; всего в Уцмийстве насчитывалось до 30 тыс. человек⁴. Раятов в Кайтаге было 2 тыс. дворов. Межсословные отношения в Кайтаге в изучаемое нами время регулировались «Адатами об отношении терекемейских раятов к бекам»⁵.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 206.

² Там же. С. 205-206.

³ Там же. С. 206-222; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 174-178; Хашаев Х.-М. О. Указ. соч. С. 172-183; История Дагестана. Т. 2. М. 1968. С. 66-67; Гаджиев В.Г. Роль России ... С. 26-29; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география ... Кн. I. С. 255-276.

⁴ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 172.

⁵ Там же. С. 177-181.

Приведя в цитируемой нами работе большое количество цифровых данных о социальном развитии кайтагских даргинцев, об их земельно-правовых отношениях в изучаемый нами период, формах и видах земельной собственности и особенностях ее распределения, Х.-М. Хашаев пришел к убедительному выводу о том, что «у даргинцев в XIX господствовали феодальные отношения», которые «в горной части были менее развиты и переплетались с пережитками патриархально-родовых отношений, а в равнинной части, особенно в терекемейской господствовало неприкрытое крепостное право, связанное с худшей формой господства и подчинения – восточным деспотизмом»¹.

Интересные цифры по разным параметрам развития Кайтагского уцмийства опубликовал и В.Г. Гаджиев. По его данным во второй пол. XVIII в. Уцмийство кайтагское занимало территорию от реки Оросай-Булак на юг, вдоль Каспия на 60 верст до реки Дарбах и от Каспийского моря на запад верст на 100, а в окружности 350 верст.

Равнинную часть Кайтага населяли даргинцы, кумыки, терекемейцы, таты и горские евреи. В конце XVIII в. численность жителей Уцмийства достигала 75 тыс. чел². Само Уцмийство делилось на 13 магалов: Терекемейский, Гамринский, Харбукский, Хайдакский, Каракайтагский, Урджамильский, Девекский, Каттаганский, Ширкуламский, Сюргинский, Муйринский, Кабадаргинский и Кубачинский.

Политическое устройство Кайтагского уцмийства мало чем отличалось от системы управления других выше описанных феодальных владений. Над обеими частями (Нижний и Верхний Кайтаг) возвышалась власть уцмий, которая «была наследственной и переходила к старшему в роде, но при этом утверждалась торжественным народным собранием, происшедшим в сел. Башлы».

Выбранный уцмий обычно одаривал собравшихся беков кого оружием, деньгами, а кого и скотом. Одновременно с уцмием утверждался и его наследник – гаттым³.

В целом же справедливо мнение Р. Магомедова о том, что «весь XVIII и начало XIX века для Кайтага характерны тем,

что на этой базе (речь идет о развитии феодальных форм собственности на землю – авт.) происходит дальнейшее развитие феодальных отношений, сопровождающееся ростом политического и экономического престижа уцмиев»¹.

Следует отметить, что «вопросы войны и мира, внешнеполитической ориентации решал уцмий. При этом он советовался с беками, наиболее влиятельными узденями Верхнего Кайтага и представителями высшего мусульманского духовенства. В мирное время при уцмийе постоянно находилась дружина из 300 всадников» - узденей, выполнявших своего рода полицейские функции².

В осуществлении внутренней политики важную роль играли беки, которые разбирали тяжёлые дела по своему усмотрению, налагали штрафы, имели право даже казнить смертью – это в терекемейской части Кайтага. В узденской части Кайтага беки не имели таких прав, так как в ней «управление и разбор» как уголовных, так и гражданских дел осуществлялись «картами», фактически выдвигавшимися из среды узденей – «богатеев»³.

Количество «картов» в каждом селе зависело от численности их населения. В селе Башлы «избирали» 6 картов, несколько судей и одного кадия для разбора дел по шариату. Их решения считались окончательными и апелляции не подлежали.

Полицейские функции выполняли тургаки. В Башлах их было «постоянных наследственных» 60 человек. Им на помощь ежемесячно каждый магал назначал еще 30 тургаков. В каждом селе избирался и мангуш, обязанностью которого считался созыв сельского схода. Он имел и право арестовывать скот на полях за потраву⁴.

Как отмечено было В.Г. Гаджиевым, «профессиональной армии в Уцмийстве не было. Основной воинской силой, как и в Шамхальстве, было ополчение. В военное время по призыву уцмий беки, как и вассалы, со своими подвластными должны были являться конными или пешими. При этом приказание уцмий, касающиеся «до исполнения воинской повинности», беки обязаны были исполнять беспрекословно...». По призыву уцмий в полном

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй ... С. 217.

² Гаджиев В.Г. Роль России ... С. 27.

³ Там же. С. 27-28.

⁴ Там же. С. 28.

¹ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 183.

² Гаджиев В.Г. Роль России ... С. 26.

³ Там же. С. 26-27.

снаряжении являлись и уздени Кайтага. Всего же Кайтаг мог выставить во время войны 12.500 человек ополчения¹.

С. Броневский перечислял, как значительные села Уцмийства, Утемыш, Мюрего, Башлы, Уллу-Гамри, Берекей, Великент, Али-хан-кала, Баршамай, Кубачи («город, состоявший... под покровительством Усмея»; Башлы он выделял как «город и место пребывания усмея» (т.е. резиденция уцмия – авт.), в котором было около 500 домов)².

Вопрос о численности населения Уцмийства привлекал внимание многих исследователей. По нему бытуют много разнотчений и мнений. Они приведены в одной из наших с Б.Г. Алиевым общих работ³. Повторять их здесь нет смысла. Отметим только, что по сведениям участника «персидского» похода царских войск в 1796 г. во главе с графом В. Зубовым в Прикаспий (Дагестан, Дербент) П.Г. Буткова «владение Каракайт-агское» имело более 25.000 дворов с 75000 душами мужского и женского пола⁴.

Кайтагское уцмийство принимало активное участие в отражении нашествий войск Надир-шаха в 30-40-х гг. XVIII в. Правил в это время уцмий Ахмед-хан, после которого уцмием стал его внук Амир-Гамза, сын Хан-Магомед, храбрый и предприимчивый человек⁵.

В 1765 г. Амир-Гамза помог Фатали-хану кубинскому присоединить Дербент к Кубинскому ханству; надеялся он при этом, что ему удастся жениться на его сестре Хадидже-бике; Фатали-хан же женился на сестре Амир-Гамзы Туту-бике. Но Фатали-хан не выполнил обещания и между ним и Амир-Гамзой разгорелась сильная вражда. В 1774 г. произошла битва между Фатали-ханом и враждебной ему коалицией дагестанских феодалов, среди которых важную роль играл Амир-Гамза.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России ... С. 29

² Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823. Ч. II. С. 311-312.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география ... Кн. I. С. 265-266.

⁴ Бутков П.Г. Сведения о Дербентском и Кубинском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210

⁵ Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. С. 156; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география ... Кн. I. С. 274.

Фатали-хан был разгромлен, бежал в Сальян¹. Его поддерживал в это время шамхал тарковский Мехти.

В этом же году Амир-Гамза вступил в конфликт с прибывшим в Дагестан отрядом царских войск во главе с ген. де Медемом, разбившим отряды Амир-Гамзы в 16 км. от Дербента, после чего Амир-Гамза присягнул на верность России². В конечном итоге он помирился с Фатали-ханом³. К тому же он был в тесных связях с кадием Табасарана.

В 1784 и в 1786 гг. Амир-Гамза обращался к России с просьбой о принятии его в подданство. Но особого отклика не имел. Умер Амир-Гамза в 1787 г. Уцмием стал его брат Устар-хан, поддерживавший дружеские связи с Фатали-ханом.

Это способствовало в определенной мере стабилизации политической ситуации в Дагестане, особенно в его Южной части. После смерти Устар-хана уцмием стал Али-бек, умерший в 1795 г., оставив престол уцмия внуку Ахмед-хану Рустам-хану.

В конце XVIII- нач. XIX в. уцмий не раз обращался к России с просьбой о подданстве. На этот раз к этим просьбам Россия отнеслась более благосклонно, отзывчиво. Об этом свидетельствовало то, что во время похода ген. В. Зубова в 1796 г. в Дербент генералу Савельеву было дано указание выделить уцмию 2 тыс. руб. на покрытие его расходов на содержание его войск. Летом 1799 г. уцмий был принят в подданство России, возведен в чин 4-го класса с жалованьем в 2 тыс. руб. в год. Он (Рустем) умер в 1805 г. и уцмием стал Али-хан (сын Устар-хана). После него уцмием стал Адиль-хан – последний уцмий, находившийся, по словам Н. Березина, под покровительством России.

Приведем еще одну цитату, характеризующую политическую ситуацию в Кайтаге. Она гласит: «С утверждением царской власти в Дагестане после ирано-русского Гюлистанского мирного договора 1813 г. уцмии стали отходить от своей пророссийской политики. Вступив в сговор с бывшим дербентско-кубинским ханом, уцмий Адиль-хан отказался подчиняться дербентскому коменданту, не являлся по его вызову в Дербент».

В октябре 1819 г. в Уцмийство были направлены царские войска под командованием генерала Мадатова. Они разбили

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география ... Кн. I. С. 274.

² Там же; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 22.

³ Там же; Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 163.

ополчение уцмий и разорили многие кайтагские села. 26 янв. 1820 г. по приказу генерала А.П. Ермолова уцмий был вообще отстранен от власти. Он бежал с семьей к аварскому Султан-Ахмед-хану. Звание уцмий было ликвидировано. Кайтаг был оставлен под управлением беков, находившихся под наблюдением царского пристава, пребывавшего в Великенте¹. Отсюда следует вывод, что не всегда политическое положение кайтагцев было устойчивым однозначно. То, что кайтагский уцмий Адиль-хан бежал в трудную минуту в Аварское ханство, было свидетельством существования аваро-кайтагских тесных связей.

* * *

Политическую ситуацию в Южном Дагестане определяли взаимоотношения правителей феодальных владений этой зоны: Табасаранского майсумства и Табасаранского кадийства, Дербентского и Кюринского ханств, Елисуйского султанства, а также их политические контакты с Ираном, Турцией и Россией.

Наиболее важной во всех отношениях была позиция Дербентского ханства, освещению которой довольно много места отведено в нашей с Б.Г. Алиевым совместной книге², а также в трудах Н.А. Магомедова³. Но основа всех исследований по Дербенту XVIII-начала XIX в. должна базироваться на данных из трудов авторов, побывавших в Дербенте и Дагестане, писавших о том, что сами видели на местах. Такие ценные сведения оставили (А.И. Лопухин, И.-Г. Гербер, Ф.Ф. Симонович, П.Г. Бутков, А.И. Ахвердов, А.А. Кремский, М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг, С. Броневский, А.Г. Серебров, Ф.Н. Ртищев, А.-К. Бакиханов, С.-Г. Гмелин)⁴.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 276.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Махачкала. 2001. Кн. 2. С. 96-130.

³ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII –первой половине XIX в. (политическое положение и экономическое развитие). Махачкала. 1998. – 248 с.

⁴ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, 1722 по 1803 год. СПб. 1869. В 3-х частях; Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД; Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД; Броневский С. Указ. соч. Ч. II. М. 1823; Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД; Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД; Ртищев Ф.Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку. 1926; Гмелин С.-Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб. 1785. Ч. III. 1-я половина.

Уже говорилось о том, что в 1765 г. Фатали-хан кубинский присоединил Дербент к своим владениям, чем вызвал недовольство целого ряда правителей Дагестана и Закавказья, объединившихся против Фатали-хана, опасаясь за судьбу своих владений.

На территории Дербента и одноименного ханства проживали лезгинь, азербайджанцы, таты и горские евреи. Дербент играл роль своего рода пропускного пункта с юга на север и наоборот. По П.Г. Буткову в 1796 г. к Дербенту принадлежало 15 деревень. В них и в Дербенте проживало 10000 душ мужского пола. В 1806 г. по указу царя Александра I 11 дербентских деревень были переданы во владение шамхала тарковского Мехтия с правом сбора в них налогов. Это вызвало недовольство жителей города, но в нем уже поселились царские войска, которые контролировали ситуацию в городе, защищая интересы царских властей.

Отметим, что в конце XX в. довольно четко проявились тенденции у азербайджанских историков причислять Дербент и Дербентское ханство в целом к азербайджанским феодальным владениям еще с раннего средневековья. Это особо заметно в сборнике статей «Историческая география Азербайджана» / Глав. ред. акад. АН Аз. ССР З.М. Бунятов. Баку. Элм. 1987. В нем опубликованы карты-схемы азербайджанских ханств, среди которых отведено место и Дербентскому ханству и Элисуйскому султанству. С распадом СССР эта проблема обострилась. Но здесь не станем все это ворошить. Интересующимся этой проблемой более подробно посоветуем обратиться к совместному труду Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова¹. Но здесь укажем, что на стр. 137 «Исторической географии Азербайджана» помещена карта с названием «Азербайджанские ханства во второй половине XVIII века». На ней четко видно, что Дербент и Дербентское ханство отнесены в состав Азербайджана без всяких оговорок или объяснений². С. Броневский в первой четверти XIX в. поступил несколько иначе. Он в своих «Новейших географических и исторических известиях о Кавказе» без всякой оговорки отнес ханство Дербентское к Дагестану, подчер-

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVIII-начало XIX в. (Кн. II. Историческая география Южного Дагестана). Махачкала. 2001. С. 110-122.

² Там же. С. 121.

квивал тоже, что Кубинское ханство управлялось своими владельцами «от колена каракайтацких уцмиев»¹. А.А. Каспари писал, что «Дербент, который всеми признавался столицей и сильнейшею крепостью Дагестана, состоял из трех превосходно укрепленных частей...»².

В целом политическая ситуация в Дербенте и в Дагестане вообще в изучаемый нами период бывала сложной, переменчивой. Тем не менее, Дербент продолжал в XVIII в. успешно выполнять функции южного форпоста России, а с 1806 г. он эти функции выполняет и поныне. Дербентское ханство, изучению торгово-экономической истории которого много внимания уделил Н.А. Магомедов, занимало ведущие позиции в Южном Дагестане в рождении и развитии товарно-денежных отношений³, имело тесные экономические связи с народами Закавказья, Дагестана и России, систему сухопутных и морских путей, игравших важную роль в жизни всех контактировавших сторон и стран⁴. Для народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана он являлся военно-административным, торгово-экономическим и культурным центром, играл в их жизни важную роль.

Как отмечал Х.-М.О. Хашаев, Дербентское и Кубинское ханства, игравшие важную роль в междоусобных войнах в Дагестане, признали власть царской России. Узнав о приближении отряда русских войск, Шейх-Али-хан 22 июня 1806 г. бежал из города и до своей смерти (1821 г.) скрывался в разных местах Дагестана. 24 июня 1806 г. жители Дербента принесли присягу на подданство России. В городе было сохранено управление наиба, который управлял под контролем его коменданта⁵.

Был учрежден и городской суд (диван) под председательством коменданта крепости, которому должны были помогать члены суда – два бека и два жителя Дербента, из которых один был армянин, а другой мулла – магометанин. Их избирали на один год, но могли переизбрать и на другой год.

¹ Там же. С. 123

² Каспари А.А. Покоренный Кавказ. СПб.: «Родина». 1904. С. 232.

³ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв.: Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала. 1998.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII-начала XIX в. Махачкала. 2001. Кн. II. С. 130.

⁵ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 39.

По сведениям Х.-М.О. Хашаева состав суда утверждался через окружного начальника главнокомандующим; суду были присвоены не только судебные, но и гражданские функции: «попечение о сиротах, выбор опекунов, контроль над беками, чтобы они не притесняли народ недозволенными поборами, контроль за городскими и земскими повинностями. В обязанность суда входило также обеспечение города продовольствием из городских средств, руководство торговлей и т.д. Суд разбирает гражданские и маловажные уголовные дела, руководствуясь обычаями, а при их отсутствии – российскими законами»¹.

Этот многофункциональный суд в виде наказания имел право употребить в работу «виновного и взыскать с него штраф. Важные преступления: измена, нарушение присяги, убийство, разбой, похищение казны, вывоз российских денег за границу, фальшивомонетничество и другие правонарушения – расследовывались полицией, а затем отсылались на рассмотрение в военный суд, который состоял из военных чинов»². Однако комендант крепости в этом суде председательствовать не мог. Военный суд руководствовался военным уставом и специальными узаконениями. Комендант крепости мог направить любое дело со своим заключением через окружного начальника к главнокомандующему. Эти идеи вкратце изложены и в «Истории Дагестана»³.

В конечном итоге от всего этого ожидалась благая отдача – наступление порядка и спокойствия в Дербенте и в ханстве Дербентском. Это должно было способствовать стабилизации политического положения в Дагестане в целом и в Дербентском ханстве, в частности. Но реально в те годы эти меры не дали особых результатов, так как международная обстановка на Кавказе, в частности в изучаемом нами регионе, обострилась из-за военных действий между Россией и Ираном, а также между Россией и Турцией, продолжавшихся до 1812-1813 гг. Этому способствовали и военная помощь Англии Ирану, засылка агентов Турции в Дагестан⁴.

¹ Там же. С. 39-40.

² Там же. С. 40.

³ История Дагестана. М. Наука. 1968. Т. 2. С. 65

⁴ Очерки истории Дагестана. Махачкала. 1957. Т. 1. С. 188-189.

В Южном Дагестане после Дербентского ханства несомненно важную роль в политической жизни региона играло Табасаранское майсумство.

По сведениям автора конца XVIII в. Ф.Ф. Симоновича Табасаран простирался «от горы Кохма – даг между реками Большой Дарбах и Гургели по четырем верхним полосам» (речь идет о климатических, географических полосах – авт.). К северу он граничил «с уцмийскими народами, терекемей, кайдаками и каракайдаками, к востоку с Дербентским владением, к полдню (к югу – авт.) с провинцией Кура, а к западу – с казыкумыками»¹. Он же писал, что «Табасаран разделяется на три главные владения, как-то на масума (т.е. Майсумство – авт.), на Кадиева (Кадийство – авт.), на Девек-Елеми»². По его сведениям в Майсумство входило 70 деревень с общим числом душ мужского пола в 21 тыс. человек; в Кадийство табасаранское входили деревни Ерсид (резиденция кадиев – авт.), Хюмейди, Пенчи, Маграга, а всего 20 деревень³.

Под Девек-Елеми понимался Ф.Ф. Симоновичем горный Табасаран, простирившийся «от кадия (кадийства – авт.) к Дрич Табасарану, казыкумыкам и каракайтакам» и управлявшийся «народом под разными узденями или наследственными начальниками, служащими большей частью кадию табасаранскому...». В него входило до 15 деревень, из которых наиболее крупными были Ягдик, Пилек и Хурук. Мужское население в Девек Елеми насчитывало до 5000 душ⁴.

Работа Ф.Ф. Симоновича содержит и собственно географическое «Описание Табасарана», в котором подчеркивается, что «земля табасаранского народа лежит в Дагестанской области и, простираясь по хребту, вышедшему из Кавказских восточных гор у вершин Койсу и Самура, ... занимает в длину от востока к западу около семидесяти, а в ширину от юга к северу около пятидесяти верст. К востоку Табасаран граничил с Дербентским владением, к югу и западу – с владением Хамутая Сурхай-хана казыкумыцкого и с народом, кура называемым, к

северу же с владением уцмий каракайдацкого, где примыкают народы терекемей и каракайды»¹.

По сведениям М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга от 1831 г. округ Табасаранский граничил «к востоку с Дербентским округом, к западу с Вольною Табасаранью, к северу с Каракайдакским округом и к западу с Кюринским ханством... Главные деревни табасаранские суть: Джерах, Дарвах, Дювек, Карчах, Хулюх, Ерсид, Гёхнах, Майрага, Хюмейди и др. Число дворов полагается до 3000, из коих 1500 человек может выделить вооруженных»². В Нижней Табасарани было до 5379 семейств, в независимых магалах – 2323 семейства, в магалах, подвластных Аслан-хану казыкумыцкому и кюринскому, насчитывалось 555 семейств³.

Отметим, что изучению истории Табасарана, особенно и XVIII-XIX вв., много внимания уделил проф. М.Р. Гасанов⁴, писавший еще в 1994 г., что «Табасаран в XVIII – нач. XIX в. подразделялся на множество и мелких политических единиц, за которыми утвердились названия, отдельные из которых сохранились до наших дней». Это имеются в виду союзы сельских обществ⁵.

Во второй половине XVIII в. Табасаран оказался втянутым в политические события, связанные с деятельностью Фатали-хана кубинского, присоединившего в 1765 г. к своим владениям Дербент и Дербентское ханство в целом с помощью шамхала тарковского и уцмий кайтагского⁶. Это обстоятельство восстановило против Фатали-хана казыкумухского и аварского ханов, табасаранских майсума и кадия, которые в 1774 г. в местности Гавдушан недалеко от Кубы разбили Фатали-хана, бежавшего в Сальяны, бросив Кубу, которой овладел Магомедхан казыкумухский⁷.

¹ Там же. С. 197.

² Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 311.

³ Там же. С. 312.

⁴ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII-нач. XIX вв. Махачкала. 1978; Он же. Очерки истории Табасарана ... С. 204-205.

⁵ Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана ... С. 204-205.

⁶ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала. 1964. С. 184.

⁷ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII-начало XIX в. Махачкала. 2001. Кн. II. С. 161.

¹ Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С. 152.

² Там же.

³ Там же. С. 153.

⁴ Там же. С. 154.

Фатали-хан обратился за помощью к Екатерине II, отправившей в 1775 г. ему в помощь отряд своих войск во главе с ген.-м. де Медемом, использовав для этого антироссийские действия уцмий Кайтага Амир-Хамзы, пленившего российского академика С. Гмелина в 1774 г. и требовавшего за его отпуск из плена 30 тыс. руб. в компенсацию за ущерб, причиненный уцмией бегством из его владений еще в период вторжения в Кайтаг войск Надир-шаха в 30-40-х гг. XVIII в. Действия и требования уцмий вызвали возмущение царского двора¹.

Успешно разбив с помощью войск де Медема войска Магомед-хана казикумухского в Кюре, Фатали-хан двинулся в сторону Табасарана. Фатали-хан уговорил де Медема совершить карательную экспедицию в Табасаран, хотя он не имел указа об этом от императрицы Екатерины II. Де Медем поручил майору Криднеру наказать кадия табасаранского за поддержку им казикумухского и кайтагского правителей. Табасаранцы были разбиты в местности Калух и рассеяны. Фатали-хан с награбленной в Табасаране добычей вернулся в Дербент; но вскоре он помирился со своими противниками (уцмий, хан Казикумуха, табасаранские владетели). Российские войска ушли в Кизляр в конце 1775 г.².

В конце XVIII в. наметилось сближение табасаранских правителей с российскими властями на Северном Кавказе. Они помогли царским войскам в 1796 г. разбить войска Сурхай-хана II на берегу Самура. В результате в 1797 г. из Петербурга вернулся с покровительственной грамотой Павла I посланец табасаранского Рустам-кадия. Более того, в 1801 г. посланцы из Табасарана принимали участие в коронации Александра I³.

В 1802 г. табасаранские правители отправили своих представителей в кр. Георгиевск на совещание процарски настроенных феодалов Северного Кавказа⁴. За такую верность России в конце XVIII в. Рустам-кади был возведен царским указом в чин 4-го класса с определением ему жалованья в 1500 руб. в год. Махмуд-бек и Сограб-бек табасаранские получили в подарок из царской казны 20 аршин парчи, 10 аршин сукна, 5 аршин атласа. Магомед-кади был возведен в чин полковника

царских войск, а Махмуд-беку и Мустафа-беку было определено денежное вознаграждение¹.

По имеющимся сведениям Магомед-кади табасаранский выражал в самом начале XIX в. свою готовность служить царю на тех же условиях, что и шамхал Мехти тарковский. Это он сделал в письме к Мехти-шамхалу, посредничавшему в приведении табасаранских владетелей в российское подданство. Табасаранский владетель Абдулла-бек также выражал готовность служить царю в 1802 г., что видно из письма П. Цицианова гр. Воронцову от 28 дек. 1802 г.² Это же видно и из письма Воронцова к П. Цицианову от 23 мая 1803 г. с сообщением о том, что он говорил с царем Александром I о кади табасаранском и царь поддержал идею признания кадием Табасарана Абдулла-бека и назначения ему жалованья³.

Однако нам известны документальные свидетельства об изменении политических взглядов Абдуллы-бека от ориентации на Россию до ориентации на ее недоброжелателей. Более того, известно, что шамхал Мехти в 1815 г. писал ген. Хатунцеву, что табасаранский «кадий есть явный изменник из числа родственников Ших-Али-хана»⁴. Кончилось все это тем, что, как сообщал 15 авг. 1819 г. ген.-м. кн. Мадатов ген.-л. Вельяминову из лагеря при деревне Хучни: «Совершил поход с 500 человек пехоты и 3-мя орудиями и 150 казаками, конницей Аслан-хана Кюринского к дер. Хучни, в которой находился изменник Абдулла-бек ерсинский», который в ходе сражения «был ранен тяжело, лошадь под ним была убита, а сам с семейством был прогнан в Акуша...»⁵.

Оставшиеся без одного из своих главных лидеров табасаранцы 6 магалов были приведены в покорность царским властям. Управление ими было поручено зятю шамхала тарковского Абдур-Реззак-беку, назначенному, к тому же, кадием табасаранским⁶. При этом царский генерал-майор кн. Мадатов сообщал ген.-л. Вельяминову, что он взял клятвенное обещание у старшин, кетхудов, улемов и вообще всех жителей Табасарана,

¹ Там же.

² АКАК. Тифлис. 1866. Т. I. С. 777-778.

³ Там же. С. 779.

⁴ Там же. Т. V. С. 629.

⁵ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 72.

⁶ Там же. С. 73.

¹ Там же. С. 161-162.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 163.

⁴ Там же. С. 163; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки... С. 186-187.

подвластного майсуму, а также у части Табасарана, подвластной кадию-магалов Харали-ар, Чокдул, Кухрук, Хараг, Чуркул и Кераг – служить царю и быть верными ему¹.

Для раскрытия темы данного исследования представляются весьма интересными и сведения о Табасаране и его магалах, находившихся под управлением разных правителей.

Так, П.Ф. Колоколов в 1831 г. писал, что «в прежние времена Табасарань находилась (так в тексте – авт.) под управлением майсумов, но около 1780 года, когда по смерти Муртазали майсума, за малолетностью сына его Ниврус-бека, она подпала под управление матери его Карахан-кизы-ханум, Муртазали кадий, живший в то время и имеющий влияние на народ, увидя слабость в правлении, воспользовался случаем и завладел магалом Ярей. Впоследствии же времени сын его Рустем кадий завладел магалами Хучни и Тат (?), жители же магалов Гуркул и Хираг признали себя независимыми. С сего времени, наследники майсумов управляли только магалами Хараг-Шилли, Агмергу, Агул-дере и Эtex. Управление их сими магалами продолжалось до 1814 года, но около сего времени магалы Агмергу и Агул-дере подпали под управление Сурхай-хана казыкумыцкого и кюринского», а с 1820 г. и «магал Кашан-дере подпал под управление владетеля казыкумыцкого и кюринского»². Далее имели место и другие изменения в системе управления целого ряда магалов³. Но это все выходит за пределы рамок данного исследования и нет нужды их затрагивать.

В целом все это свидетельствовало о важной роли Табасарана в жизни народов Южного Дагестана. И можно сказать, что приведенные данные в то же время при объективном их анализе и оценке говорят об отсутствии единой политической линии у табасаранских владетелей (майсума и кадия – авт.) в отношении России, об их колебаниях и существовании у них разногласий по этим вопросам.

Все эти моменты отражены достаточно подробно в совместной работе автора данных строк и Б.Г. Алиева⁴, а также

более ранее в монографии В.Г. Гаджиева¹. Последний подчеркивал, что по свидетельству современников «табасаранцы никогда не собираются партиями для хищничества и не делают нападения на соседние народы, но храбро защищаются противу неприятелей и в сем отношении почитаются храбрейшими...»².

В случае же войны майсум и кадий собирали свои ополчения; иначе говоря, по их зову «беки обязаны были являться со своими нукерами и подвластными им райятами. Ополчаться обязаны были и уздени... Из магалов узденей собиралось до 3000 человек, из коих не более 300 человек могли быть конными. Всего ... майсум мог выставить 3500 вооруженных ополченцев, а кадий – 5363 человек»³. Поэтому и был более авторитетен в изучаемый период кадий, а не майсум Табасарана.

* * *

Одним из известных феодальных владений в Южном Дагестане в XVIII-нач. XIX в. было Елисуйское (или Элисуйское) султанство с центром в с. Элису (Елису, Илису – авт.), являвшийся преемником бывшего в XVI-XVII вв. Цахурского султанства, история образования и роль которого в изучаемом регионе были хорошо прослежены еще в 30-х гг. XX в. И.П. Петрушевским⁴. Это же самое в несколько ином аспекте было сделано еще в 1873 г. И. Линевицем⁵, а в 60-х гг. XX в. – Х.Х. Рамазановым и А.Р. Шихсаидовым в их совместной работе⁶. Более же подробно все это сделано в труде Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова, вышедшем в свет в 2001 г.⁷.

До нас дошло «Описание владения илисуйского султана» от 1831 г., составленное Т.Н. Яишниковым. Так, по его сведениям «Элисуйское султанство» с севера граничило с цепью гор, от раслью гор Кавказского хребта, к востоку «с Шекинскую провинцию, от которой отделяется р. Каны-Коби, к югу-Кახетию,

¹ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 29-32.

² Там же. С. 31.

³ Там же.

⁴ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала. 1994 г.

⁵ Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис. 1873.

⁶ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала. 1964 г. С. 99-102.

⁷ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география ... Кн. II. С. 165-184.

¹ Там же. С. 74.

² Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 315

³ Там же.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII-начала XIX в. Махачкала. 2001. Кн. II. С. 161-164.

от нее отделяется р. Алазань, к западу Джарской областью, от которой отделяется р. Капи-чаем»¹. От севера к югу оно тянулось 80 верст, от запада к востоку 18 верст, занимая в целом 1440 кв. верст. В нем насчитывалось 38 деревень, в которых насчитывалось 1355 дворов или 2128 семейств². Наиболее крупными были села Элису (300 дворов), Савагел (100 дворов), Кум (50 дв.), Алибеглю (50 дв.), Кипчак (50 дв.), Зарпа (40 дв.)³.

Однако особо заметной роли в формировании политической ситуации в Дагестане, в частности в его южной части Элисуйское султанство в изучаемый период не играло. Можно полагать, что это было результатом его отдаленности от других феодальных владений Дагестана и слабости торгово-экономических и политических контактов между ними.

* * *

В конце XVIII в. в Южном Дагестане возникло небольшое ханство, известное как Кюринское. По имеющимся данным его образованию способствовал Фатали-хан кубинско-дербентский, который после насильственного им присоединения в 1765 г. г. Дербента с прилегавшим к нему ханством к своим владениям стал встречать среди владельцев Дагестана сильное недовольство, в частности Сурхай-хана II казикумухского.

Дело было в том, что у Магомед-хана казикумухского внука Чулак-Сурхая от его сына Муртазали был сын от первой жены Шахмардан, ненавидевший сына от второй жены – Сурхая. Этим воспользовался Фатали-хан, предложив Шахмардану покровительство и в управление смежные с Казикумухским ханством земли Кюри. Шахмардан принял это предложение. Более того, к ним он в 1788 г. прибавил и Курахский магал, положив основу Кюринского ханства⁴.

Но в 1789 г. скончался Магомед-хан казикумухский. Ханом в Казикумухе был избран Сурхай-хан II по прозвищу Кун-Буттай, что означает «большой отец». Он стал проводить ак-

тивную внешнюю политику, подчинил своей власти селения Яраг, Кака, Луткун, относившиеся до этого к Рутульскому союзу сельских обществ. Подчинил себе несколько сел в Ихрехском ущелье, агульское селение Буркихан, которые он отдал в управление своему брату Саид-беку¹.

В «Описании Кюринской провинции», составленном 25 янв. 1812 г., сказано, «что эта провинция лежит в южном Дагестане, граничит с владениями Дербентским, Табасаранским, Казикумыкским, Рутульским и Кубинским, от коего разделяется р. Самуром; содержит до 2000 кв. верст..., изобилует довольно большим количеством разного леса, ... хлебопашества... по низким горам и отлогостям и долинам производится с великим успехом: на полях сеют пшеницу, ячмень и в малом количестве сарачинское пшено – первые два по причине плодородной земли, урожаясь в великом изобилии, составляют главное упражнение и прибыток жителей»². При этом часть урожая шла на продажу в Казикумух и в другие соседние владения.

Далее в «Описании...» сказано, что жители гористых мест занимались скотоводством, что число жителей неизвестно, а считается «более 5000 дворов...»³.

Отметим также, что Кюринское ханство было густо заселено, считалось, что в нем более 130 сел⁴, что до ханов кюринские села управлялись старшинами (по лезгински кёвха), обязанности которых заключались в наблюдении за порядком и в разборе споров и жалоб в своем селении «вместе с аксакалами»⁵.

Политическое положение Кюринского ханства не было устойчивым. Оно практически не было независимым. В январе 1812 г. оно было официально провозглашено и буквально тут же присоединено к России, а управление им было поручено Аслан-беку, провозглашенному ханом и произведенному в генерал-майоры царскими властями. При этом Аслан-хан обязался располагать на постой русские войска в своем владении и

¹ Яишников Т.Н. Описание владения илисуйского султана. 1831 г. // ИГЭД. С. 304-305.

² Там же. С. 305.

³ Там же. С. 304-305.

⁴ Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала. 1994. С. 235; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 185.

¹ Там же; Магомедов Р.М. История Дагестана. 1968. С. 201-202.

² АКАК. Тифлис. 1873. Т. V. С. 135.

³ Там же.

⁴ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М. 1961. С. 39-40, 191-193.

⁵ Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. М. 1965. С. 42-43.

вносить на их содержание ежегодно в казну по 3 тыс. червонцев и 3 тыс. четвертей зерна¹.

Однако царские власти не очень доверяли Аслан-хану, о чем свидетельствовало предписание А.П. Ермолова ген.-м. Вреде от 11 февраля 1819 г. поддерживать вражду между Сурхай-ханом казикумухским и Аслан-ханом кюринским «скрытым образом»². И только поэтому Аслан-хан кюринский был провозглашен царскими властями ханом казикумухским лишь после бегства Сурхай-хана II казикумухского в начале августа месяца 1820 г. в Персию, куда к нему в апреле 1821 г. последовал и его внук Магомед-хан³.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что территория Кюринского ханства (по дагестанским меркам – авт.) была довольно значительной. В него, по сведениям автора XIX в. А. Цветкова, входили большие селения Курах, Гельхан, Ашар. Цнал, Хутарг, Архит, Захит, Цмур, Кабир, Бутхент, Картас, Испик, Касумкент, Магарамкент, Средний Стал, Верхний Стал, Нижний Стал, Гильяр⁴.

* * *

Своеобразие социальной структуры Кюринского ханства заключалось в том, что правящая ханско-бекская фамилия в нем была иноэтнической, а конкретно – лакской. Подвластные в ханстве в основной массе составляли лезгины (кюринцы – по понятиям XIX в.), но ханы успешно управляли сельскими общинами посредством назначаемых ими назырей, а впоследствии – набов, становившихся исполнителями их воли⁵.

Других особенностей исследователи не отметили, а подчеркнули, что и «жители подвластных кюринским ханам сел отбывали повинности бекам»⁶.

¹ История Дагестана. М. Наука. 1968. Т. II. С. 25; Феодалные отношения в Дагестане в XIX-нач. XX в. Арх. мат. Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашасва. М. Наука. 1969. С. 163-164; АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 41, 45; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. II. С. 186-187.

² АКАК. Тифлис. 1875. Т. VI. Ч. II. С. 8; Казикумухские и кюринские ханы. // ССКГ. Вып. 2. Отд. IV. С. 24.

³ Там же. С. 8.

⁴ Кюринский округ // Памятники обычного права Дагестана. XVII-XIX вв. М. 1965. С. 41-42.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Феодалные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX в. С. 168.

Отметим также, что «кюринцы были тесно связаны экономическими интересами с Дербентом, соседними табасаранцами. Политически они больше тяготели к Казикумухскому ханству, с которым имели тесные торгово-экономические контакты¹, которые были взаимовыгодными». Отметим, что ряд аспектов истории Кюринского ханства от образования до его ликвидации освещен и в монографии З.З. Манатиловой².

* * *

В целом же внутривластная и внешнеполитическая обстановка в Дагестане во второй половине XVIII- начале XIX вв. зависела от скоординированности взаимоотношений перечисленных и охарактеризованных нами феодальных владений, начиная от терского правобережья на севере до южных границ расселения лезгин и других дагестаноязычных народов вдоль р. Самур и его притоков. На западе эти границы расселения дагестаноязычных народов доходили до северных и восточных отрогов Главного Кавказского хребта.

Отметить необходимо и то, что практически половину территории Дагестана в изучаемый период, как и до этого, занимали так называемые союзы сельских обществ, представлявшие собой тоже государственно-политические структуры с несколько иными социально-политическими отношениями. Их в Дагестане насчитывалось более шестидесяти. Их взаимоотношения между собой, а также с окружавшими их феодальными владениями, их политическая и внешнеполитическая ориентированность тоже во многом определяли политическую обстановку в Дагестане, а также его стратегические позиции в Прикаспийском регионе Северо-Восточного Кавказа, что достаточно полно показано в трудах дагестанских исследователей.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. II. С. 191.

² Манатилова З.З. Кюринское ханство и его вхождение в состав России. Махачкала. 2006. 150 с.

Интересующимся этим вопросом глубже можно порекомендовать в первую очередь труды Р.М. Магомедова, Х.-М. Хашаева, В.Г.Гаджиева, М.Р.Гасанова Б.Г.Алиев, М.-С.К. Умаханова и др.¹

Мы же здесь подчеркнем, что во второй пол. XVIII –нач. XIX вв. политическая обстановка в изучаемом нами регионе была очень сложной, так как на нее сильно отрицательно влияли ирано-российская и русско-турецкая войны начала XIX в. Хотя в целом в Дагестане не было жестоких истребительных войн между феодалами, но все же и они имели группировки и определенного плана конфликты, стычки. И тем не менее, важно подчеркнуть, что дагестанские феодальные владельцы с соседями старались жить без конфликтов, мирно, проявляя готовность поддержать друг друга в трудных случаях. Дагестанскому обществу были характерны все же феодальные отношения, и, кажется, что оно к концу XVIII в. уже созрело для начала перехода к новым – более развитым общественным отношениям – раннекапиталистическим.

Поэтому тут не приходится говорить о догосударственном, дофеодальном уровне развития общественных отношений у народов Дагестана, как и у других народов Северного Кавказа, о чем достаточно много сказано в вводной части данного исследования.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 31-84, 115-142; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М. Наука, 1961. С. 126-198; Х.Х. Рамазанов, А.Р. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 137-189; Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. 339 с.; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII- нач.XIX в. Махачкала, 1999. Кн. I. С. 276-300; Махачкала. 2001. Кн. II. С. 193-256; История Дагестана. Москва. Наука. 1968. Т. I. С. 328-333; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. Наука. 1965. С. 37-44; Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М. Наука. 1988. – 237 с.

ЧАСТЬ II

Проблемы социально-экономического развития и административно-политического устройства Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX вв.

В первой части данной работы освещены на основе использования всех доступных источников и опыта отечественной историографии в деле изучения социально-экономических отношений народов не только Дагестана, но и соседних народов Кавказа вопросы международного и внутривосточного положения народов Дагестана во второй пол. XVIII – нач. XIX вв. Они остались неисследованными и практически не освещенными в изданных еще в 60-х гг. XX в. первом и втором томах (Т. I. – М., 1967; Т. II. М., 1968) четырехтомной «Истории Дагестана»: по сути дела они выпали из поля зрения авторов указанных томов. И получилось, что вопросы истории Дагестана, касающиеся социально-экономического развития и общественно-политического положения, а также государственного устройства его народов во второй – весьма богатой разными судьбоносными политическими событиями – половине XVIII – нач. XIX вв. не нашли освещения на страницах в целом добротной и содержательной «Истории Дагестана» 1967 – 1968 гг. издания.

Эта же ситуация сохранилась и после выхода в свет двухтомного академического издания «История Дагестана с древнейших времен до наших дней» (М.: Наука, 2004. Т. 1). Такое положение нельзя было считать нормальным. Этим и было вызвано мое обращение к поднятой в данной работе проблеме, надеясь, что мне удастся должным образом осветить ее основные аспекты.

Во введении к данной работе выше были обоснованы научная актуальность исследуемой темы, ее хронологические рамки, сказано о состоянии изученности проблемы и т.д. Поэтому здесь упор делается на более четкое определение цели данной работы, раскрытие ее основной задачи, т.е. акцентируется внимание на дискутируемом в научном плане вопросе – именно на вопросе политического устройства Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX вв. При этом упор делается на фактическую основу сведений о наиболее крупных и политически значившихся в изучаемый период феодальных владениях (Гарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство, Аварское, Казикумухское и Дербентское ханства) Дагестана, кото-

рые уже тогда привлекали большое внимание наших исследователей. Одним из первых, среди них был ныне покойный профессор Р.М. Магомедов, еще в 1957 г. опубликовавший большую фундаментальную работу «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков» (Махачкала, 1957. – 408 с.).

Справедливости ради отметим, что рассматриваемые нами вопросы изучаемой проблемы нашли все же свою разработку и отражение в монографических и другого характера исследованиях наших отечественных историков. В первую очередь отметим интересные работы Х.-М. Хашаева «Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке» (Материалы к сессии). Махачкала, 1954. – 97 с.) и «Общественный строй Дагестана в XIX веке» (М.: Наука. 1961. – 362 с.), в которых автор достаточно полно и ярко осветил вопросы оценки уровня развития общественного строя Дагестана к началу XIX в., события которого интересуют и нас. Он верно заметил разноречивыми во мнениях отечественных исследователей в оценке уровня экономического и социального развития горной и плоскостной частей Дагестана.

Х.-М. Хашаев еще в 1954 г. писал о мнении И.Р. Нахшунова, утверждавшего, что «в Дагестане в связи с его присоединением к России в пореформенный период происходил переход к капиталистическому укладу, минуя периоды развитого и позднего феодализма, а в высокогорной части области, где преобладали родоплеменные отношения, минуя феодальную формацию вообще»¹.

По мнению Х.-М. Хашаева «дореволюционная историография считала, что горная часть Дагестана не ушла дальше первобытно-общинного строя, что в Дагестане господствовал родовой строй», а М.М. Ковалевский пришел к неправильному выводу, что в XIX в. в Дагестане господствовал родовой строй под названием «тухумного»².

¹ Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.

² Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1980. Т. II. С. 140.

Х.-М.О. Хашаев сразу же заметил, что «дореволюционная историография рассматривала «вольные общества Дагестана как родовые организации, а не как территориальные объединения, объявляла их независимыми демократическими республиками, где торжествует равноправие и свобода личности в своем естественном состоянии»¹.

Это значило, что таким образом снимался вопрос о каком-либо угнетении и эксплуатации трудящихся в этих «вольных» обществах, как со стороны феодализовавшейся верхушки узденства и отдельных дагестанских феодальных владельцев, так и со стороны шахского Ирана и султанской Турции. По мнению Х.-М.О. Хашаева большинство исследователей дореволюционного времени архаизировало общественный строй народов Северного Кавказа, в том составе и Дагестана, пережитки родового строя выдавали за действительно родовой строй.

Среди советских исследователей тоже не было единодушия в этом вопросе. Одни считали, что в XIX в. в горной части Дагестана господствовал первобытнообщинный строй, а другие утверждали, что там вполне созрели феодальные отношения, и «горные районы Дагестана, в частности Авария, были беременны буржуазной революцией»².

А.И. Иванов в 1940 г. утверждал, что в «вольных» обществах Анди, Чарбилал, Технуцал, Каралал, Чамалал, Багулал, Ункратль, Тинди, Дидо, Цунта, Томс, Ахвах, Анцух, Капуча, Джурмут, Анцросо, Ухнада, Глейсерух господствовали в XIX в. не раннефеодальные, а первобытно-общинные начала»³. Это значило, что история Дагестана к тому времени была слабо разработана.

При определении позиции известного дагестанского историка, профессора Р.М. Магомедова, много сделавшего для изучения исторического прошлого Дагестана, интерес представляет утверждение Х.-М. Хашаева, писавшего, что по словам Р.М. Магомедова «узденский Кайтаг, не будучи классовым

¹ Хашаев Х.-М.О. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1954. – 97 с. С. 6–7.

² Там же.

³ Иванов А.И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Историч. журнал. 1940. № 2. С. 70.

в своей основе, состоял из свободных общинников, еще крепко связанных с тухумами внутри джамаата»¹. В то же время Р.М. Магомедов писал, что «по своей структуре феодальные владения в Дагестане вообще разнились, носили более неоднородный характер, чем тот, какой мы привыкли видеть на западе и в России»².

Особое внимание привлекает утверждение Р.М. Магомедова о том, что «при разборе особенностей экономического развития Кайтага нам удалось проследить три главных вида земельной собственности. Это, во-первых, общинная земля, во-вторых, крестьянские мюльки, и, в-третьих – мюльки и ятаги кайтагских феодалов. Первые два вида находились в пользовании крестьян. Общинная земля ежегодно перераспределялась между всеми членами общины, а мюльки находились в полной собственности крестьян»³. По мнению Р.М. Магомедова «во всем Дагестане в самом тяжелом положении находились раяты Кайтага и Табасарана». И в них «широкое развитие получила отработочная система эксплуатации крестьян»⁴. Это значило, что в этих частях Дагестана практически сложились отношения социальной, можно сказать, феодальной приоритетности и подчиненности. Господствовавшие беки в Кайтаге пользовались всеми феодальными привилегиями и отработочной рентой, и податями, которые они собирали в терекемейских селах. Р.М. Магомедов считал не без основания, что феодальные повинности в Кайтаге по характеру зависимости населения разделялись на две категории. Терекемейцы-раяты обслуживали хозяйство кайтагских феодалов личным трудом. Кроме того, ежегодно они давали уцмию с посева разного рода хлеба десятую долю. Если раяты копали марену, то с каждой лопатки, сколько бы их не было в деревне, на лето по одному батману полагалось выделить беку или уцмию»⁵.

¹ Труды второй научной сессии Дагестанской базы Академии наук СССР. Махачкала, 1949. С. 83.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 213.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 215.

Вдобавок ко всему этому уцмию давали по четыре фунта масла. У кого имелась пасека, те уцмию выделяли столько же меда.

Терекемейские райаты отбывали бекам и натуральные повинности. Особенно тяжела бывала аробная повинность. Суть ее заключалась в следующем – по требованию бека райаты выставляли лошадей для посылки их по его надобностям – для доставки, к примеру, дров из леса во двор бека, травы, сена, хлеба, для перевозки и других грузов, для перевозки его семьи и его самого, если он куда-либо ехал.¹ Особенно отражалось тяжело на хозяйстве терекемейцев бытовавшее в этой части Кайтага право бека «взять от каждого богатого райата буйволиц и коров» от 5 до 6 штук к себе в дом и доить их в продолжение 9 месяцев².

Р.М. Магомедов относил эти повинности к первому разряду. Но терекемейцы платили подати и второго разряда, к которым относились подати, взимаемые с кайтагцев Нижнего Кайтага. На барщину к уцмию они не ходили. Но с каждого двора они давали «масла и меда» по состоянию земледельца.

В целом же жители узденской части Кайтага считались свободными и независимыми от уцмия. Исключение составляли магал Ицари и два небольших селения из магала Шуркент и Турага (магал Каттаган). Они прямо зависели от уцмия, платили ему подати. От магала Ицари уцмий получал ежегодно 60 баранов и барашков, 40 козлов и козлят, 2-х телят годовалых; от общества Чагри – 21 батман (1 батман равнялся 6 фунтам); от общества Шагри – 40 баранов и барашков, 20 козлов и козлят, 2-х телят годовалых; от общества Сома-Кара получали 9 веревок для увязки на вьюки масла, которое давали чагринцы. одну сабу ячменя для лошади нукера уцмия, один шерстяной чувал для нукера.

Общество Абдашка платило маслом, а жители общества Тургач платили маслом и сигязи (грубый холст). Необходимо отметить, что правом на взимание этих податей обладали соб-

ственно уцмий¹. Беки кайтагские были лишены этих прав и возможностей богатеть за счет податей с крестьян-общинников.

И здесь нельзя не отметить справедливость слов Р.М. Магомедова о том, что «преобладающим видом повинности поселян Нижнего Кайтага были мелкие работы при дворе уцмия и беков. Непосредственная же работа на пашне кайтагских феодалов была еще незначительной»².

Кстати, такое было положение и в других феодальных владениях Дагестана, так как дагестанские феодалы не вели собственное хозяйство.

В Дагестане особо не была распространена «барская» или бекская (более правильно – авт.) запашка с вытекающими из этого последствиями, в первую очередь необходимостью вспахать, пробороновать и засеять значительный участок земли, потом прополоть всходы, завершить уборку, провести обмолот зерна, чистку и сушку его и т.д. Натуральная плата кайтагским феодалам, видимо, более нравилась, чем длинная череда сельхозработ, которые нужно было выполнить. Поэтому «натуральные приношения, – как отмечал Р.М. Магомедов, – феодалам со стороны поселян занимали заметное место и были расписаны с большей точностью для всех видов продуктов»³.

Поэтому Р.М. Магомедов имел все основания писать о том, что «при всем этом мы не можем утверждать, что в Кайтаге в описываемое время существовала законченная крепостная система хозяйства», поскольку процесс феодализации здесь далеко еще не закончился, хотя в экономике Кайтага все большее значение начинает приобретать обработка райатами бекских земель и пастьба скота», что в целом для всего Кайтага характерным признаком надо считать использование в производстве, с одной стороны труда райата, т.е. крепостного и, с другой стороны, труда свободного общинника»⁴.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 216–217.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 217.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 213.

² Там же.. С. 216.

**ГЛАВА 1. Социально-экономическое развитие
и политическое положение феодальных владений
и союзов сельских обществ Дагестана
во второй половине XVIII – начале XIX вв.**

Не могу не отметить, что довольно сложно освещать экономическое развитие любой территории, на которой размещалось 15 феодальных владений и более 60 других государственно-политических образований (в нашем случае – союзов сельских обществ). Тем более рассчитывать при этом на какой-то успех. И все же, если хорошо постараться, порыться в источниках и обратиться к опыту предшественников в этом плане, можно воссоздать какую-то цельную картину жизни народов Дагестана, их политических взаимоотношений, экономического сотрудничества, общественного строя, который они переживали, в частности к началу XIX в.

Мне кажется, что в данной работе мы сумели охватить исследовательским вниманием так или иначе большинство, особенно главного и среднего масштаба, феодальных владений и союзов сельских обществ Дагестана и дать ответ на поставленный в нашей работе вопрос об уровне развития производительных сил и производственных отношений в Дагестане на рубеже XVIII–XIX вв. При этом акцентировалось больше внимания на главные феодальные владения Дагестана, игравшие наиболее заметную роль во всех сферах жизни, экономики и политики Дагестана изучаемой эпохи.

Начали мы это делать с Кайтагского уцмийства, которое могло служить живым примером при описании других феодальных владений Дагестана. Потом уделялось много внимания Тарковскому шамхальству, Аварскому, Казикумухскому и Дербентскому ханствам. Не остались без внимания и другие феодальные владения и союзы сельских обществ Дагестана. При этом мы широко использовали содержащиеся в разных источниках и трудах отечественных исследователей фактические данные, выводы и наблюдения, ссылались на них.

***

Переходя непосредственно к освещению основных вопросов экономической деятельности жителей политических образований Дагестана на рубеже XVIII–XIX вв., начнем это делать с Кайтагского уцмийства, которое было одним из крупных феодальных владений Дагестана, занимало низменность, предгорье и горную часть. На юге оно доходило «до Персидского Демир-Капу очень близко». Южные границы Кайтага были неизменны и в XVIII и в нач. XIX в. Этот вывод нами был сделан еще в 1999 г.¹ на основе анализа сведений из трудов Э. Челеби, И.-Г. Гербера, А.И. Ахвердова, А.И. Лопухина, С.-Г. Гмелина, П.Г. Буткова².

В целом Кайтагское уцмийство занимало пространство в окружности около 3000 верст – обширную по масштабам Дагестана территорию. Кайтаг обычно делят на две части: Нижний Кайтаг и Верхний Кайтаг. В Уцмийство кайтагское входила и территория, заселенная даргинцами, которая была известна под общим названием Муйра, куда входили собственно Муйра, Гапш (Хябш) и Ганк. Вообще в состав Кайтага входило до 8 частей. По сведениям Е.И. Козубского это были Муйра, Шибак Хайдак (Верхний Хайдак, Кайтах, Кайтаг), состоявший из Шурганта (Шуркант), Кадагни (Каттаган), Уртчимула (Ирчамул); Убах Хайдак (Нижний Хайдак или Кара-Кайтаг, т.е. Черный Кайтаг); Хуцари (Уцари); Мажалис (Маджалис – Катта) и Терекеме³.

Кайтагское уцмийство было густонаселенной частью Среднего Дагестана. Оно состояло из множества «хороших и великих» деревень⁴. Его население состояло из разных этнических групп. Это было полиэтничное феодальное государство, в

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX вв. Махачкала, 1999. Кн. I. С. 255–257.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов... // ИГЭД. С. 85; Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 217; Лопухин А.И. Журнал путешествия... // ИГЭД. С. 30; Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. 2. С. 83; Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. С. 209–213.

³ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура. 1895. С. 53–54.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83–84.

которое входили кайтаги, кумыки, терекемейцы, даргинцы, кубачинцы и еврей¹.

Территория Кайтагского уцмийства характеризовалась географически выгодным положением, способствовавшим развитию земледелия, скотоводства и садоводства², мареноводства и т.д.

В целом в XVIII – нач. XIX вв. в Кайтаге происходили серьезные изменения в судьбе его узденского и раятского населения и в усилении феодальной эксплуатации и процесса закрепощения узденей, сопровождавшиеся «ростом политического и экономического престижа уцмиев»³. При этом в плоскостной части Кайтага прочно внедрился феодальный способ производства, а в Нагорном Кайтаге уздени распоряжались мюльками, т.е. пахотными участками на правах частной собственности, т.е. свободно отчуждаемой земельной собственностью. Пока же уздень владел мюльком, он оставался практически свободным. При потере этой собственности он становился феодально-зависимым крестьянином.

По мнению Р.М. Магомедова, являвшегося по сути первоисследователем проблем феодализации Кайтага, «сам факт вхождения в состав уцмийства, наличие более развитых отношений по соседству и некоторые обязательства по отношению к уцмию подтачивали основы прежней общинной организации и все больше приобщали эту часть территории уцмийства к остальному Кайтагу»⁴, где феодальные отношения практически установились и уже углублялись. Об этом свидетельствовали «Постановления» уцмий Рустам-хана, отразившие четко социальную дифференциацию кайтагского общества и требовавшие их соблюдения как от уцмий и беков, так и от всего кайтагского общества⁵. И действительно, кодексом Рустам-хана, как законодательным актом, руководствовались во всем Кайтаге. И самое интересное заключалось в том, что наряду с этими общекайтагскими адатами в каждом магале имелись свои адаты, и на них основывалась повседневная деятельность узденей. В част-

ности, такие сборники своих местных адатов имели магалы Верхнего Кайтага: Ганк, Гапш и Мюйра. Но главным образом в их кодексах адатно-правовых норм разбирались больше вопросы внутриджамаатского масштаба и плана, в частности междухумные и внутритухумные проблемы.

Дело было в том, что тухумы очень прочно укрепились в быту и в общественной жизни кайтагцев. Тухумы ревностно оберегали свою честь и достоинство, нередко освобождаясь от обесчестивших свой тухум дурным поступком членов тухума.

Одна из статей «Постановлений...» Рустам-хана гласила: «Если кто-либо заметит своего родственника в дурных поступках, то родственники должны убить его; в противном же случае они обязаны отвечать за все противозаконные его поступки»¹.

* * *

Все это свидетельствовало о том, что в Кайтаге, являвшемся одним из ведущих этнических гособразований Дагестана в изучаемый период, социальные отношения достигли феодального уровня развития. Эти отношения опирались на соответствующую систему управления во главе с уцмийми, беками, кадиями, сельскими старшинами, главами тухумов и т.д. Социального равенства не было ни на уровне сельских обществ, ни на уровне тухумов, ни на уровне даже семей, составлявших эти тухумы, игравшие важную роль в повседневной жизни сельских обществ.

С каждым годом это становилось все более заметно, потому что «процесс дифференциации крестьян на богатых и бедных в даргинских сельских обществах происходил не в меньшей степени, чем в Аварии или даже в Лакии. В них наблюдалось так же неравенство тухумов, наличие рабов, накопление крупного и мелкого скота, а также земель в руках общинной знати. Одной из отличительных черт или признаков этих обществ было господство в них духовных лиц, начиная от главного кадия и кончая аульным кадием или муллоу»².

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 259–265.

² Там же. С. 268.

³ Магомедов Р.М. Указ соч. С. 217.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Там же.

¹ Магомедов Р.М. Указ соч. С. 220.

² Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. (Материалы к сессии). Махачкала, 1954. С. 45.

О том, что процесс феодализации коснулся и «даргинских обществ» свидетельствовало то, что в качестве главного судьи и феодала в них выступало духовное лицо – кадий.

Привилегированное положение духовенства в Урахинском обществе выражалось в том, что в нем за убийство кадия полагалось выходить в кровники 7 лицам¹.

Д.И. Тихонов в 1796 г. отмечал, что «акушинцы и цудахарцы находятся под протекторатом шамхала, податей не платят; но войска шамхалу дают, хотя иногда и за плату. Экономически они зависят от шамхала, нуждаясь в зимних пастбищах»².

М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг писали в 1832 г., что Акуша находилась под покровительством шамхала³. Согласно имеющимся данным акушинские кадии имели зимние пастбища на территории Гамринского магала.

С необходимостью платить подати были знакомы хорошо и каба-даргинцы 11 сел, которые, отколовшись от уцмиев кайтагских, присоединились к Акуша-Дарго, игравшему приоритетную роль среди союзов с.о. Дагестана.

* * *

Несомненно важную роль в изучаемый нами период в Дагестане играло и Уцмийство кайтагское, обычно делившееся на Нижний и Верхний Кайтаг. Достаточно полный для своего времени анализ социально-политического развития Кайтагского уцмийства был сделан Х.-М. Хашаевым в опубликованной им еще в 1954 г. работе «Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке»⁴ (Махачкала, 1954. – 97 с.).

В ней Х.-М.О Хашаев подчеркивал, что «некоторые жители узденской части Кайтага платили уцмию подати», в частности жители 11 селений магала Каба-Дарго, который «после 7-летней войны в начале XIX в. откололся от уцмийства и присоединился к Акушинскому союзу»⁵. Там же он привел данные о вносимых ими в казну уцмия податях – баранами, козами,

¹ Там же. С. 46. (ССКГ. 1868. Вып. I).

² Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 131.

³ Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 308.

⁴ Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. (Материалы к сессии). Махачкала, 1954. С. 47.

⁵ Там же.

маслом и грубым холстом (сигязи), а также хлебом. Он же подчеркнул, что «Право взимать подати принадлежало только уцмию». Наследник уцмия «гаттым» объезжал все узденские селения и производил суд над узденями вместе с сельскими судьями»¹.

Естественно, «гаттым» не оставался без подарков за решение накопившихся в том или другом селе разных социальных проблем.

Приведем здесь и выдержку из надежного источника («Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге»), утверждающего, что «уцмий, кроме дохода с наследственных имений, получал и другие доходы, принадлежащие тому, кто носил это звание. Доходы эти заключались: 1) в пошлине с торговых караванов, проходивших через Кайтаг; 2) доход с пяти ятагов и пастбищной горы Андара-чи; 3) доход с нефтяных колодцев на Неут-кутане; 4) с отдельных уцмиевских соленых озер; 5) пшеницу и ячмень с жителей магала Каба-Дарго; 6) жители магала Ицари и Шари давали баранов, мед, масло и сигязи (грубый холст); 7) доход с мельницы в сел. Башлы и с ореховых деревьев около этого селения; 8) часть штрафов за преступления с жителей сел. Башлы»².

В цитируемой здесь книге Х.-М. Хашаева констатируется, что «после присоединения Кайтага к России процесс расслоения узденства, феодальный гнет усилился», поскольку по данным переписи 1886 г., в Уркарахском наибстве было 3935 хозяйств, из коих 26,6% не имели рогатого скота, лошадей не имели 72,9% хозяйств, совершенно не имели овец и коз 83,2% хозяйств. Не имеющих пахотных земель было 22,5% хозяйств, не имеющих сенокосов и других угодий – 28,7% хозяйств³. Все это было свидетельством классового расслоения горного Кайтага.

В результате более тщательно проведенного анализа и обобщения богатого фактического материала о социально-экономическом и государственно-политическом развитии Кай-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. матер. С. 47–48.

² Феодальные отношения в Дагестане XIX – нач. XX в. ... С. 183.

³ Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1961. С. 48.

тага исследуемого периода Р.М. Магомедов пришел к весьма интересному выводу о том, что он далек «от идеализации кайтагского джамаата и тухума», потому что «они давно потеряли свой престиж и облик и внутри их произошли такие повороты и изменения, что мы иногда даже затрудняемся квалифицировать джамаат для XVIII века, как свободную общину. Например, джамаат был свободен от власти помещика, но не был свободен внутренне, не было равенства между тухумами с одной стороны, и, с другой – между всеми людьми, которые входили в состав джамаата. Да и тухум внутренне не был единым»¹. По мнению Р.М. Магомедова, «во многих случаях он дробился на несколько хозяйств, семейств. В джамаате со времени Рустемхана в привилегированном положении были кадии, чоуши, почетные старики»².

Это же значило, что «в Кайтаге в смысле общественного устройства, с одной стороны развивался процесс феодализации в одной его части и, с другой стороны, сохранялся джамаатный строй, основанный на тухумах, но не свободный внутренне и как бы находящийся в переходной стадии к классовым отношениям»³.

И здесь вполне уместны слова Р.М. Магомедова о том, что «История Дагестана XVIII века цельного и монолитного Кайтага не знает. Социально единого Кайтага не было, и это вполне соответствовало той экономической раздробленности и тем следам дофеодалных пережитков... Кайтаг делился на узденский и на Кайтаг раятский», население испытывало на себе власть феодалов – уцмиев, беков и т.д.

Аналогично поднятым выше вопросам об уровне социально-экономического развития Кайтага, аспекты этой проблемы нашли отражение в трудах дагестанских исследователей, писавших о шамхальстве, феодальных владениях Северного, Среднего и Южного Дагестана и т.д. Затрагиваются в трудах ряда исследователей (Р.М. Магомедов, Х.-М. Хашаев, С.Ш. Гаджиева, Х.Х. Рамазанов, А.Р. Шихсаидов и т.д.) и проблемы

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 221.

² Там же. С. 221–222.

³ Там же. С. 222.

уровня общественно-политического устройства Кайтагского уцмийства и других государственных образований, известных в исторической литературе как союзы сельских обществ (с.с.о.) или «вольные» общества. Для их изучения особенно много сил и времени потратили также Б.Г. Алиев, Д.М. Магомедов, автор данных строк, М.А. Агларов, на труды которых даны соответствующие сноски.

Здесь нахожу необходимым отметить, что в нашей совместной с Б.Г. Алиевым книге отведено довольно много страниц характеристике социально-экономического и общественно-политического развития Кайтагского уцмийства, занимавшего часть Прикаспийской низменности, предгорье и горную часть¹. В ней нами приведены выдержки из работ многих отечественных и зарубежных авторов, затрагивавших интересующие нас аспекты истории и географии Кайтагского уцмийства, а также сведения о его границах, ландшафте, этническом составе и формах государственного устройства, уровне социально-экономического развития его отдельных частей, системе их управления, внешней и внутренней политике кайтагских уцмиев на рубежах XVIII – XIX вв., в частности, в отношении жителей терекемейских сел. Широко использованы нами и труды А.И. Ахвердова, Э. Челеби, А.И. Лопухина, С.Г. Гмелина, И.-Г. Гербера, Д.И. Тихонова из сборника «История, география и этнография Дагестана...» (М., 1958 г.), С. Броневского, М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга, П. Зубова, И.Н. Березина, Н. Дубровина, Е. Вейденбаума, Е.И. Козубского, Ю. Клапрота, И.А. Гильденштедта, А. Комарова, П.Г. Буткова, Е.М. Шиллинга и т.д.

Практически невозможно остановиться на раскрытии важности вклада каждого из этих авторов в освещение того или иного аспекта изучаемой нами проблемы.

Но нужно сказать о «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», в которой очень подробно освещен социальный строй кайтагских сел, охарактеризованы социальные категории от уцмий до последнего раята и караваша, их происхождение, обязанности в отношении друг к другу, их правовое и

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 1999. Кн. I. С. 255–276.

имущественное положение в обществе. Ценность этой «записки», как источника, заключается в том, что она составлена человеком, хорошо изучившим всю общественно-политическую обстановку в Кайтаге, имевшим определенную планировку по сбору сведений, их систематизации и обобщению. В этом легко убедиться при знакомстве непосредственно с самой «запиской»¹.

Наша задача здесь заключается в том, чтобы с помощью фактических данных и теоретических наблюдений и выводов, взятых нами из анализируемых трудов разных авторов, дать общую картину социально-политического развития Дагестана, его феодальных владений и союзов сельских обществ, условно сгруппировав эти государственно-политические образования в три группы, среди которых особо выделялась группа Среднего Дагестана, в которую входили Аварское, Казикумухское, Мехтулинское ханства, а также Тарковское шамхальство и Кайтагское уцмийство.

Группировка Северного Дагестана состояла из Эндирейского, Аксайского и Костековского феодальных владений. В Южном Дагестане располагались Дербентское ханство, Табасаранские майсумство и Кадийство, Кюринское ханство и Элисуйское султанство.

* * *

Для лучшего изучения, освещения и восприятия приводимых в работе данных осветим уровень социально-политического развития других феодальных владений Среднего Дагестана, не повторяясь при этом об Уцмийстве кайтагском, о котором уже достаточно выше сказано.

* * *

Первым из исследователей советского периода 50-х гг. XX в. затронул проблему социально-экономического развития и административно-политического устройства Тарковского шамхальства во второй половине XVIII – нач. XIX в. Х.-М. Хашаев. Он писал еще в 1954 г., что «Территория от Сулака до

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 175; Феодальные отношения в Дагестане XIX – начало XX в. Арх. материалы. Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1969. С. 181–189.

границ села Каякент принадлежала шамхалу тарковскому, бекам, чанкам, отдельным сельским общинам и отдельным семьям»¹. На этой территории располагались в нач. XIX в. 24 селения, подвластные крупнейшему феодалу Дагестана – тарковскому шамхалу, которым в 1806 г. был Мехти, имевший чин генерал-лейтенанта царской армии, являлся кавалером ордена святой Анны I класса².

Кроме оседлых кумыков, на территории Шамхальства кочевало 346 ногайских кибиток. Собственно в Шамхальстве в нач. XIX в. насчитывалось 12 тыс. дворов, а в самих Тарках было 10 тыс. жителей³. По словам С.Ш. Гаджиевой в XVIII в. тарковские шамхалы возвысились среди других феодальных владетелей, наблюдался процесс территориального укрупнения Шамхальства, которое в XVIII в. оставалось раздробленной на части феодальной страной.

Лишь после подписания Гюлистанского русско-иранского договора в октябре 1813 г., по условиям которого вся территория Дагестана закреплялась за Россией, были ликвидированы феодальная раздробленность и политическая разобщенность его отдельных частей, прекращены разорительные для народа феодальные междоусобицы.

С.Ш. Гаджиева подчеркивала, что до присоединения Дагестана к России и в первые годы после этого тарковский шамхал, так же, как и мехтулинский хан и князь на Кумыкской плоскости, «пользовался в своем владении неограниченной властью. В его руках сосредотачивалась вся светская, судебная (Высший суд) и военная власть. Он управлял своими подданными деспотически, имел право на жизнь и смерть каждого подвластного. У главных ворот шамхальского дворца находилась глубокая яма, в которую на веревке спускали слушников. Нередко применялась смертная казнь, ослепление и пр. ... Полицейские дела в шамхальстве вершили беки и старшины, а дела «большой важности» решал сам шамхал»⁴.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. Махачкала, 1954. г. С. 17; Он же. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 207.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 60.

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же. С. 132–133.

Далее в интересующем нас плане привлекает утверждение С.Ш. Гаджиевой о том, что «Тарковское шамхальство, как и другие феодальные владения Дагестана, не имело сложной системы административных учреждений. Здесь не было ни постоянного совета из влиятельных феодалов, ни другого совещательного органа. Но шамхал периодически собирал на маджлис (совет) своих советников, крупных и влиятельных вассалов и принимал решения с их участием», что не мешало ему делать «все, что ему заблагорассудится и осуществлять свою неограниченную власть»¹.

Шамхал не содержал, как и другие владельцы дагестанских феодальных государственных образований, регулярной армии. Но он содержал достаточно большое число вооруженных слуг-нукеров, выполнявших полицейские функции и державших в покорности зависимое от шамхала крестьянство.

Без дела не оставались у него и крупные феодалы беки и бии, управлявшие своими уделами, а в случае необходимости обязанные являться к шамхалу со своими отрядами вооруженных нукеров. Кроме того, у шамхала за порядком в подвластном ему Шамхальстве следили своего рода административные лица – кала-бек (городничий), юзбаши (сотник), чауши (городовые). Они все вместе гарантировали личную безопасность шамхала, личность которого, как и бия, князя, считалась неприкосновенной.

О тяжелом социальном положении крестьянства в феодальных владениях кумыков, в частности, в Тарковском шамхальстве и об отсутствии в нем даже мыслей о равноправии сословий перед богом, хотя бы, свидетельствовало то, что селениями управляли беки, которые опирались на верхушку общества. Большое место в управлении сельским обществом занимали старшины, кроме них и так называемые аксакалы, карты, кадии, бегавулы или чауши (исполнители распоряжений сельского начальства), тургаки (сельская стража) и др. Некоторые из картов исполняли обязанности старшин, а большинство выступало в качестве судей»².

Разработанность административно-судебной системы, многоступенчатость феодально-иерархической лестницы свидетельствовали о глубоко зашедших процессах феодализации общества в Тарковском шамхальстве и в кумыкских владениях в целом.

Это наглядно вытекает из краткой выдержки из богатой по содержанию и не потерявшей и ныне своей научной ценности работы С.Ш. Гаджиевой, писавшей, что «Управление и суд были основаны на двух источниках права: на адатах (обычном праве) и шариате – системе мусульманского права, основанной на главнейших положениях ислама. Как свидетельствуют источники, главное место в судебной практике занимал адат. По шариату обычно разбирались дела о завещаниях, опеке, покупке и продаже рабов, о разделе имущества, семейно-брачные вопросы. Остальные дела, а именно об убийстве, ранении, избивании, воровстве, поджоге, прелюбодеянии, бесчестии, похищении женщины, ложной присяге, исковые дела, иногда раздел имущества, решались по адату. Князья и сала-уздени и по делам о разделе между ними имущества придерживались существовавшего обычая»¹.

При этом нужно помнить, что адаты задолго до исследуемого времени потеряли свой демократический характер и служили господствующим слоям феодального общества. Адаты обычно хранились в памяти стариков, которые передавали их изустно из рода в род, из поколения в поколение. Они не оставались совершенно неизменными. С развитием общественно-экономической жизни адаты изменялись, дополнялись, вводились новые правила, отбрасывались устаревшие. В частности, это коснулось адатов по кровной мести, которая постепенно начала заменяться материальным вознаграждением или денежной компенсацией в пользу пострадавшей семьи.

Существовал и третейский суд (суд по маслаату), решение которого обычно считалось окончательным. Судьи выслушивали истца, ответчика, свидетелей и большинством голосов выносили решение, как правило, словесное.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 134.

² Там же. С. 139.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 139; Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тбилиси. Вып. IV. 1871. С. 4.

В особо важных случаях дела рассматривались под председательством бека или старшего князя с участием влиятельных картов и кадия на специальном заседании суда, называемого «махкаме».

В системе наказаний штрафы занимали большое место. Их взымали натурой или деньгами, роль которых постепенно возрастала.

По особо важным делам князя, старшины или карты собирали общий сход, на котором присутствовало все мужское взрослое население, кроме женщин и рабов. На сходе решались вопросы о наложении штрафов, о землепользовании и водопользовании, вопросы взаимоотношений между обществами. И все же, как подчеркивала С.Ш. Гаджиева, обычно дела решались на всех судах по воле феодальной верхушки и влиятельных узденей. Но в сельском управлении важную роль играли также «чауши» (бегавулы) и тургаки. Чаушей назначали князя – по одному на каждый квартал. Они оповещали и приглашали народ к выполнению общественных работ по устройству дорог, мостов, очистке оросительных каналов, выполнению поручений судей-картов, кадия. Они получали за свою такую службу определенное вознаграждение¹.

Очень развита была система судопроизводства в селе Башлы, где число тургаков доходило до 60 человек².

В большинстве своем все эти многочисленные посредники, свидетели, судьи защищали интересы господствующих слоев кумыкского общества – биев, беков, князей, владельцев. Иначе говоря, в укреплении экономической власти феодалов-крепостников большое значение имело внеэкономическое принуждение³. Кумыкское общество делилось на два основных класса феодального строя. Как отмечала С.Ш. Гаджиева, «шамхал, ханы, беки (в Тарковском и Мехтулинском владениях), князь (на территории Кумыкской плоскости за Сулаком), чанки, т.е. дети от неравных браков феодалов составляли господствующий класс, известный у кумыков под общим названием «бийлер», к которому относились и сала-уздени (средний слой

дворянства) и представители духовенства, хотя ни те, ни другие не имели бийского происхождения. Распался на несколько социальных групп и эксплуатируемый класс. Иначе говоря, многоступенчатость феодального класса и класса крестьян была характерна для всех феодальных владений кумыков в изучаемый период.

Все это позволяет нам со всей ответственностью говорить, что во всех кумыкских владениях (Тарковском, Эндиревском, Аксайском, Костекском, Бойнакском, Карабудахкентском, Утамышском, частично в Мехтулинском) во второй половине XVIII – нач. XIX в. господство феодального характера производственных отношений не подлежит сомнению. Так что говорить или писать о господстве у них до присоединения к России, т.е. до 1813 г. первобытно-общинных или кровнородственных или «догосударственных» отношений не приходится, хотя и находятся среди отечественных ученых лица, архизирующие уровень развития северокавказских, в их числе и дагестанских народов накануне их присоединения к России в XIX в. Не менее четко звучит и утверждение Х.-М. Хашаева: «На территории засулакских кумыков в XIX в. мы находим классический феодализм. Все земли принадлежали 10 фамилиям кумыкских князей и сала-узденям»¹.

По сведениям Х.-М. Хашаева, шамхалы до ликвидации в Дагестане ханского правления имели политическую власть и военную силу в виде дружин нукеров и право суда. Они могли силой заставить зависимых крестьян работать на себя и отбывать натуральные и денежные повинности». При этом основным видом наказания в шамхальстве была смертная казнь или ослепление: о полной власти шамхалов над подвластными им крестьянами говорило то, что «шамхалы до начала XIX в. пользовались правом первой ночи и беспощадно расправлялись со всеми, кто оказывал им раболепного повиновения». Юридически беки имели лишь административную власть, фактически же они не делали разницы между административной и судебной властью и жестоко расправлялись со своими раятами и зависимыми узденями за неповиновение².

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 141–142.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 112.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. М., 1961. С. 216.

² Там же. С. 209.

Ближайшим соседом Тарковского шамхальства в исследуемый нами период было Мехтулинское ханство, центром которого считалось селение Нижний Дженгутай. В него входили еще селения Малый Дженгутай, Дуранги, Апши, Ахкент, Оглы, Кулецма, Аймаки, Чоглы, Дургели, Кака-Шура, Параул, Урма¹. По сведениям Х.-М. Хашаева в состав сел Мехтулинского ханства входили также даргинские селения Наскент, Леваш².

Согласно новейшей публикации Т.М. Айтберова «частью Мехтулы было также Левашинское плато, по крайней мере те земли последнего, которые лежат в бассейне реки Герга и известны среди аварцев в прошлые времена как Юрт». Там якобы «стояло традиционное летнее местопребывание мехтулинских князей – сел. Охли (УхИлиб), которое местные знатоки преданий называли термином Тах-росо, что означает в переводе с аварского «Село, имеющее Трон: Престольное». Вполне можно думать при этом, что основателями села Охли были лакцы, пришедшие из окрестностей Кумуха, к северу от которого имеется урочище с очень похожим названием»³.

По мнению Т.М. Айтберова подвластная мехтулинским ханам «территория делилась на два основных этнических региона». Из них один составляли селения Верхний Дженгутай, Дуранги, Апши, Ахкент, Кулецма, Чогли и Урма: причем расположены они в близости от даргиноязычных селений. Вторым регионом был кумыкский (Нижний Дженгутай, Дургели, Кака-Шура и Параул), который выделялся... своей многолюдностью, проистекавшей из наличия там большого количества хорошей земли»⁴.

Раз затронули этническую сторону вопроса, отметим здесь же, что этот вопрос решить не очень просто. Дело в том, что исследователи считают, что в Мехтуле (так называли и ханство это) основное население составляли аварцы и кумыки. а также даргинцы (Наскента и Леваш⁵ – авт.). По утверждению

¹ Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 3; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 235.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 217.

³ Айтберов Т.М. Мусульманская элита кумухского корня. Махачкала, 2008. С. 80.

⁴ Там же.

же А.П. Щербачева в этом ханстве проживали «частью кумыки и лезгины». Видимо, здесь получилось, что А.П. Щербачев аварцев назвал лезгинами, как это часто делали и другие авторы.

Ясно, что Мехтула не граничила вообще с лезгинской территорией, и в нее не входили лезгинские селения.

Отметим, что этот вопрос я разбирал еще в 90-х годах XX в. и здесь его снова ворошить не стоит. Однако «История Дагестана» утверждает, что «Мехтулинское ханство занимало незначительную территорию – всего 18 аулов, в которых жили кумыки и аварцы»².

Управленческий аппарат ханства был менее сложным, чем в шамхальстве». Мехтулинский хан передавал власть по наследству, имел «свое правление». Он имел полную власть над своими подданными, мог даже казнить преступников. По сведениям А.П. Щербачева мехтулинский хан мог выставить до 1000 человек мужского пола при военной необходимости³. По другим сведениям Мехтула могла выставить до 3000 вооруженных людей⁴.

В XVIII–XIX вв. наблюдалось резкое укрепление связей между Мехтулой и Аварским ханством⁵.

Но нас более интересует вопрос об уровне социально-политического развития мехтулинцев, характер социальных отношений, распределение земель и т.д. Мехтулинский хан, как и все остальные феодальные владельцы Дагестана, собирал натуральные подати или «ясак с жителей баранами, хлебом и фруктами». Согласно сведениям А.П. Щербачева «хан получал с каждого двора по 1 сабе весом 1 п. 200 фунтов пшеницы или по 2 барана. Кроме того, каждое хозяйство выделяло на день одного работника для уборки хлеба. Крестьянство отбывало множество довольно тяжелых для его хозяйств повинностей: Кент-ясак, сабу пшеницы с каждого дома, арба-агач, куук, са-

¹ Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 297.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 236.

³ Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства // ИГЭД. С. 297.

⁴ Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 308.

⁵ Там же. С. 295.

бан-булка (распашка ханской пашни), бичен-булка, урак-булка. поставка ароб для ханских надобностей, выделение рабочих для строительства и обработки сада; поставка конных чапаров или вестовых¹.

Все это говорило о том, что Мехтулинское ханство по уровню своего социально-политического и экономического развития, по сложившейся в нем системе управления было феодального типа государственным образованием, особо не отличалось в этом плане от Аварского ханства, с которым поддерживало теснейшие экономические и политические связи.

Мехтулинские ханы имели тесные связи и с домом казикумухских шамхалов. Основатель ханства Мехти считается, согласно преданию, выходцем из ханского дома Казикумуха². Поэтому можно говорить о феодальной однотипности государственного строя во всех этих трех феодальных владениях, а также о приблизительно одинаковом уровне их социально-политического развития³.

* * *

В Среднем Дагестане в изучаемый период одно из ведущих мест занимало и Аварское ханство, основное ядро которого составляли селения на Хунзахском плато, где находилась и резиденция ханов – Хунзах.

В начале XVIII в., по словам Р.М. Магомедова, при Умма-нуцале (известен как Умма – хан Справедливый) Аварское ханство достигло высокого уровня развития и самостоятельности⁴, но процесс феодализации в нем не был завершен⁵.

В конце XVII в. наблюдалась тенденция наступления аварских ханов на права и земли соседних с их владениями союзов сельских обществ. Это и привело к обострению антифеодальной борьбы в Аварии. Среди борцов за независимость от аварских ханов особо отличился гидатлинский предводитель Хочбар. По мнению Р.М. Магомедова, Хочбар – это прежде

всего предводитель, военный вождь свободного Гидатлинского вольного общества, представитель общинного строя.

Отметим, что для укрепления в ханстве в XVIII в. феодальных производственных и социальных отношений много сделали хунзахские ханы, которые правили разновременно в ханстве: Мухаммед-нуцал (1713 г.), Анкалав (1730 г.), Умма-хан (1735 г.), Нуцал-хан (1774 г.), Умма-хан (1776–1801 гг.)¹.

По наблюдениям В.Г. Гаджиева в XVIII в. ханы Аварии проводили объединительную политику за счет присоединения к своему владению территории окружающих его союзов сельских обществ. Особенно в этом плане отличился Умма-хан (1774–1801 гг.). Он сумел подчинить как ряд аварских «вольных общества, так и пограничные с его владениями чеченские» общества, Джаробелоканское общество. Он вынудил грузинского царя Ираклия II, дербентского, кубинского, бакинского, ширванского и шекинского ханов, а также ахалцыхского пашу² платить ему большие денежные подати.

По сведениям П.Г. Буткова от 1798 г. «аварский хан с союзными частными владениями, ему приверженными, но управляемыми народом, до 18000» конных воинов мог выставить³. Сделать это ему позволяло то, что под его властью находилось свыше 100 деревень с общим количеством жителей до 80000 чел.⁴ По данным А.И. Ахвердова от 1804 г. эта цифра тоже подтверждается⁵.

Особой социальной дробностью общество не отличалось. По тем данным, которыми наука сегодня располагает, можно констатировать только то, что центральная феодальная власть в Аварском ханстве была довольно прочно организована, сильна, способна выполнить свои функции по расширению и углублению феодальных производственных отношений, добиваться

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 86–87; История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 326.

² Гаджиев В.Г. Роль России ... С. 32.

³ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁴ Там же.

⁵ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 225. Анализ этих и других данных по Аварскому ханству см.: Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана ... Кн. I. С. 245–255.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 240–241.

² Там же. С. 216; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 237–238.

³ Подробно историю Мехтулинского ханства см.: Мехтулинские ханы. ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 86.

⁵ Там же.

своевременной уплаты податей жителями зависимых от хана сел. Можно сказать, что аварские ханы больше проводили активную внешнюю политику по покорению и подчинению своей власти множества обществ в Грузии, Азербайджане и Дагестане. Эта политика, на наш взгляд, отвлекала ханов Аварии от внутренних проблем¹, в частности от создания единой сложной бюрократической системы административного управления ханством. Тем не менее, в ханстве имели место военные округа, бекства и в соответствии с этим создавалось местное управление.

Все важные вопросы внутреннего и внешнеполитического плана решали ханы. Они же решали все дела, подлежащие рассмотрению по адату, чинили суд и расправу по своему усмотрению. Тяжбы же по духовным делам, завещаниям и т.д. разбирались по шариату хунзахским кадием, который, как шейх-уль-ислам и как другие духовные лица, играл при ханском дворе заметную роль.

Полиции, как таковой, не было, но ее функции выполняли дружинники хана, составлявшие в мирное время вооруженные отряды. В военное время по призыву хана созывались ополчения, в которых важную роль играли беки, чанки и уздени всего владения².

Как отмечено в академическом издании «Истории Дагестана», публичную власть в Аварском ханстве на местах осуществляли мангуши, чауши, чухбы, старшины, адил-заби, а также духовные лица (кадий, дибирь или муллы). В аварских селах обычно говорили о мулле, что он дибир. И в самом деле наиболее распространенным духовным лицом в ханстве был дибир. Его помощником бывал будун, следивший за ведением мечетского хозяйства.

В принципе же «процесс, связанный с расширением феодального хозяйства за счет захвата общинных и крестьянских земель, и рост эксплуатации зависимых крестьян вызвал обострение классовой борьбы в Аварии. Бедственно сказывались на

положении народных масс непрерывающиеся феодальные войны и усобицы»¹.

Приведенные сведения из источников и мнения дагестанских ученых о них позволяют в целом признать достаточно высокую зрелость в Аварском ханстве в изучаемый период феодальных отношений со всеми вытекающими из этого обстоятельствами.

* * *

Когда речь заходит о Казикумухском ханстве второй половины XVIII – начала XIX в., возникают разные научные ассоциации, вспоминаются далекие от нашего времени коллизии принятия горцами Дагестана, в их числе и лакцами Кумуха, ислама, сооружения казикумухской джума-мечети, назначения в ней арабами своего кадия, т.е. человека из Сирии (Шам) из местности Хал, об образовании шамхальского рода, его перемещении на плоскостную часть Дагестана, провозглашения лакцами своей независимости от шамхала Сурхая в 1641 г., который, как обычно бывало, приехал на летний период в Казикумух из Тарков, где он проводил зиму.

Это путь, пройденный лакцами до провозглашения казикумухским ханом Сурхая или Чулак Сурхая после одержания им победы в поединке с 7 двоюродными братьями, не желавшими признать его приоритет². В 1712 г. ему удалось взять Шемаху, вытеснив из нее сефевидов – персов и т.д. После этого он был провозглашен ханом Шемахи, а позднее и ханом казикумухским. При этом надо отметить, что он особо не церемонился в выборе средств распространения своей власти над лакскими, кюринскими, рутульскими, даргинскими и табасаранскими союзами сельских обществ³.

В целом же «под владением Казикумухским подразумевались земли, населенные лаками и другими народностями, представлявшие по своему уровню развития самую разнообразную картину. Убедиться в этом нетрудно, если обратиться

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX веков. Махачкала, 1957. С. 87.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 223.

³ Там же. С. 224–225; История Дагестана. М., 1968. Т. II. С. 68.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 254–255.

² История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. С. 327.

хотя бы только к самим лакам. Здесь в одной части владения – в Кумухе и ближайших к нему аулах, т.е. в центрах ремесла и торговли – мы наблюдаем более развитые отношения, и в то же время другая часть страны с центром в ауле Кули во многом оставалась внутренне замкнутой и изолированной», в силу чего в первой части страны процесс феодализации уже заложил глубокие корни, и в то же самое время «вторая часть оставалась еще при неизжитых полупатриархальных общинных отношениях». При этом не следует забывать, как советовал Р.М. Магомедов, «что у покоренных народностей эти отношения бывали еще пестрыми и большинство из них не пошло дальше сельской общины»².

До середины XVIII в. Лакия оставалась политически раздробленной на отдельные территории, которые только временами объединялись под предводительством халклавчи (а позже хана) для внешних предприятий и борьбы с внешней опасностью и распадались так быстро, как только заканчивалось предприятие. Казикумухское ханство не было строго централизованным государством, потому что все покоренные лакскими ханами земли продолжали оставаться при их прежнем устройстве: ханы лакские довольствовались получением дани.

Р.М. Магомедов в свое время пришел к выводу, что «государственное устройство Казикумухского владения, под именем которого объединялись лаки, характеризовалось тем, что это было объединение союзов сельских общин во главе с выборным халклавчи. С начала XVIII в. оно превращается в раннефеодальное государство уже во главе с наследственным ханом»³.

Феодальная эксплуатация имела место и в Казикумухском ханстве. Собственность феодалов – ханов и беков – заключалась в летних пастбищных горах. Хан имел от них доход в 2500 голов овец ежегодно. Их вынуждены были покупать за установленную ханом цену жители зависимых от него сел. Привлекают внимание в данном ракурсе постановка проблем и утверждение Х.-М. Хашаева о том, что плата за пользование

пастбищами является феодальной рентой¹. Животноводы беками и ханами были поставлены в зависимость захватом и присвоением горных летних пастбищ.

Захватили беки и ханы также и лучшие пахотные земли, сдавая в аренду, за которые они получали подати.

Жители узденских селений также не были свободны от преподношений и подарков хану.

Приведем еще одну цитату, имеющую непосредственное отношение к проблеме уровня социально-политического развития Казикумухского ханства: «Лакия отличалась пестротой земли, мюльки свободных узденей, пастбища и выгоны, принадлежавшие отдельным общинам или нескольким общинам сообща, вакуфные земли, принадлежавшие мечетям»².

По итоговым наблюдениям Х.-М. Хашаева по изучаемому нами вопросу «Лакия – типичная горная область, здесь как нельзя лучше проявлялись особые специфические черты феодализма в горных условиях. Прежде всего, основной формой собственности феодалов в Лакии явилась собственность на горные пастбища, которые сдавались в аренду отдельным лицам»³.

О довольно сильной развитости феодальных отношений в Казикумухском ханстве в XVIII – нач. XIX в. свидетельствовало то, что «пахотные и покосные участки феодалов были вкраплены в массивы пахотных земель, принадлежащие сельским обществам, и также сдавались отдельным лицам на пользование за определенную плату»⁴. Кроме того, положение крепостных крестьян в ханстве «занимали только бывшие ханские рабы, освобожденные и посаженные на ханские земли», за что они платили подати и выполняли различные повинности по требованию хана или же бека. Но главным показателем крепости феодальной власти в Лакии было то, что политическая власть хана распространялась не только на зависимых узденей и раят, но и на все население Лакии, хотя хану и приходилось считаться с мнением богатых и больших узденских тухумов⁵.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 161.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 166.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Там же.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 282.

² Там же. С. 281–282.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 282.

Более подробнее с вопросом о феодальной земельной собственности в Лакии пытался разобраться Р.М. Магомедов, писавший, что «надо согласиться с тем, что база для развития феодального землевладения у лаков была чрезвычайно ограничена. С другой стороны нам также известно существование у казикумухского хана двух аулов, заселенных исключительно рабами, и ряда аулов, в которых имелись раяты»¹. Цитируемый автор привел интересные данные, свидетельствующие о феодальном характере выплачивавшихся жителями зависимых от хана сел податей и выполнявшихся ими повинностей по просьбе или требованию хана², который сумел к первой половине XVIII в. привести в совершенное послушание лакские общества, составлявшие его владения, распространить власть свою на значительное число кюринских сел, на ряд табасаранских магалов, покорить ряд сел самурских лезгин (Луткун, Кака, Яллах), которые обязаны были уплачивать хану дань хлебом за его покровительство³.

Особенностью Лакии было, «в отличие от Аварии, где живет множество народностей, говорящих на 13 языках, Лакия представляет собой страну, где компактно живет один народ, говорящий на одном лакском языке. Лакцы имеют богатую историю. Их общественный строй во многом совпадает с общественным строем аварцев, однако феодальные отношения в Лакии были более развиты, чем в Аварии. В Лакии существовало ханство, известное под названием Казикумухского, его история уходит вглубь веков», как это отмечал Х.-М. Хашаев⁴. Он же высказал предположение, что «Казикумухское ханство во главе с шамхалами существовало очень давно, видимо, до появления в Дагестане арабов, и было одним из сильнейших. Власть его распространялась в отдельные периоды истории на весь Дагестан»⁵.

По имеющимся сведениям, в XVIII в. Казикумухское ханство сильно расширилось, оно присоединило к себе общество Буркун-Дарго, ряд селений Андалальского общества, село Арчи, часть селений, расположенных по ущелью Кара-

Самура»¹. В начале XIX в. магалы Агул-дере и Ахмарлу попали под управление Сурхай-хана II, ставшего ханом в 1789 г. В 1796 г. в Казикумухское ханство входило 150 деревень, в которых жило до 30 тыс. человек, и около 100 деревень кюринских, в которых жило до 12 тыс. человек. Правитель казикумухский при необходимости мог собрать до 18 тыс. вооруженных лиц и содержать за счет разных налогов с подвластного ему населения. В частности, он имел ежегодно до 8 тыс. рублей ханскими деньгами с прогоняемых через его владение стад скота.

В 1811 г. от Казикумухского ханства отделилось Кюринское ханство, в которое входило достаточно большое число кюринских сел (почти 100 сел). Это не способствовало упрочению позиций казикумухского хана в горах Дагестана, так как в составе его владений осталось всего 104 селения из 150².

Упрочению влияния казикумухского хана Сурхая II не способствовало присоединение, точнее – объединение в 1820 г. Кюринского и Казикумухского ханств под властью Аслан-хана, которого царские власти упорно выдвигали на первую роль, поскольку Сурхай-хан II искал себе поддержку в Иране, с которым Россия дважды воевала в начале XIX в.

В целом же Казикумухское ханство в конце XVIII – нач. XIX в. представляло из себя довольно сильное и прочное феодальное владение и играло не последнюю роль в дагестанских делах³. Подвластные казикумухским ханам лакцы, а также жители отдельных даргинских, лезгинских (Яллах, Луткун) и др. сел, попавших в зависимость от казикумухских ханов и беков, сполна испытали на себе все последствия феодализации общественно-экономических отношений, достигших высокого уровня развития.

* * *

Что касается уровня социального развития феодальных владений Южного Дагестана, надо сказать, что в Южном Дагестане ведущее место занимали Дербентское ханство и Табасаранское майсумство. На вторых ролях выступали Елисуйское или Цахурское султанство, а также Табасаранское кадийство.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 263.

² Там же. С. 287–268.

³ Там же. С. 269.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 158.

⁵ Там же. С. 160.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 158.

² Там же.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 233–234.

Попытаемся осмыслить и обобщить сведения источников, а также наблюдения и выводы исследователей, касавшихся в своих трудах уровня социально-политического развития феодальных владений Южного Дагестана.

* * *

В первую очередь обратим внимание на самое крупное и важное во всех отношениях Дербентское ханство, столица которого Дербент является одним из древнейших городов на Кавказе. Его стратегическое положение, позволявшее ему с древнейших времен контролировать соединявший страны Европы и Россию по волжско-каспийскому шелковому пути со странами Закавказья, Ираном, Афганистаном, Индией и т.д., привлекало к нему многие страны Европы, Россию, страны Закавказья, Иран и Турцию, в первую очередь, с которыми соперничала в XVIII в. и Россия. И в изучаемый нами период Дербент сохранял позиции мощной военно-стратегической базы, морского порта, рынка сбыта товаров купцов многих стран, в том числе и Дагестана.

Особенно важную роль Дербент играл в жизни народов Южного Дагестана, служа одновременно и рынком сбыта горскими народами их ремесленных изделий и других товаров, продуктов сельского хозяйства. В нем же горские народы приобретали необходимые им товары хозяйственно-бытового назначения – зерно, соль, нефть, изделия ремесла, восточные пряности и сладости и т.д. Приобретали дагестанцы в Дербенте и товары европейского и российского происхождения и производства: железные изделия, котлы медные, кубки, лари, меха, сахар, пух, ножницы, иглы, чай, холст, полотно, предметы одежды, сита, стеклянные изделия (кубки) и т.д.

В последние годы интерес к истории города Дербента и одноименного ханства резко повысился. О роли Дербента в отношениях народов Южного Дагестана с Россией, его политическом положении и экономическом развитии Н.А. Магомедовым выпущена монография «Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. (Политическое положение и экономическое развитие)» (Махачкала, 1998. – 248 с.). Можно указать и ряд других работ, в которых проблема феодального развития города Дербента нашла определенное освещение.

Но в таком плане, как это делается нами, освещаемая тема, не ставилась, не рассматривалась. А между тем, такая постановка вопроса требует и соответствующего конкретного ответа о характере и уровне развития господствовавших в конце XVIII – нач. XIX вв. в Дербенте производственных отношений.

Имеющиеся достоверные исторические сведения этого периода¹ в целом позволяют хорошо аргументировать наше мнение о феодальном характере общественных отношений в самом городе Дербенте и в одноименном с ним ханстве.

* * *

Попробуем дать самую краткую характеристику социально-политическому статусу города Дербента и его жителей, начав с середины XVIII в., когда в результате непродуманной внешней и внутренней политики правившего тогда Мухаммед-Хасан-хана внутривластное положение в городе Дербенте резко осложнилось. Произвол и гнет этого хана заострили противоречия в городе, чем и воспользовался Фатали-хан кубинский, в конце 60-х гг. XVIII в. присоединивший Дербентское ханство к своему владению. В это время в Дербенте насчитывалось 2180 домов. В окружающих его селениях Сабнава, Перемешки, Джалган, Джауткент, Аббасова, Рукел было 256 домов, а в 15 селениях Улусского магала насчитывалось до 780 домов², управлявшихся дербентским наибом.

Поход царских войск 1796 г. во главе с В. Зубовым значительно обогатил источниковую базу истории Дербента. Участник этого похода Ф.Ф. Симонович писал тогда, что Дербентское ханство принадлежало кубинскому хану, граничило к северу с Уцмийством кайтагским, к западу с Табасараном, к югу с провинцией Кура (Кюра), принадлежавшей казикумухскому хану, а также с Кубинским владением, а к востоку омывалось водами Каспия³.

Все авторы этого периода оставили добротные воспоминания о богатстве Дербентского ханства садами, огородами,

¹ См.: обзор в книге: Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX вв. Махачкала, 2001. Кн. II. С. 97–130.

² История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 308.

³ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 142.

виноградниками и т.д., зерном, хлебом, лесами и пастбищами. Они же отмечали этническую пестроту жителей ханства¹.

Знаменитый кавказовед П.Г. Бутков писал, что дербентского султана всегда «определял шах и ему давалась власть не только над Дербентом, но и над уездами Мушкур, Низабат, Шабран, Рустау и Бармак, т.е. Кубинским ханством»², а наиб дербентский избирался «из знатнейших» местных жителей, но утверждался шахом. Ф.Ф. Симонович относил Дербентское ханство к Южному Дагестану, а не к Азербайджану³. С. Броневский относил в своей работе Дербентское ханство без всякой отговорки к Дагестану, подчеркивал, что Кубинское ханство управлялось своими владельцами, «от колена каракайтагских уцмиев» происшедшими⁴.

В 1796 г. Дербент был взят царскими войсками после артиллерийской канонады и разрушения одного угла бастиона Нарын-кала, после чего «18-летний Шейх-Али-хан со многими старшинами, имея каждый на шее своей повешенный меч, в знак признания вины своей, предстали к главнокомандующему, в стане его, поднесли ему серебряные ключи Дербента, и предавали себя и весь народ в волю победителя»⁵.

Царские власти в Дербенте многое изменили и упразднили. В город ввели 4 батальона пехоты; один из них был размещен в Нарын-кале, над которым подняли белое знамя; при этом по словам П.Г. Буткова, жителям не было сделано «ни малейшего оскорбления»; лишь 10 чиновников, известных своей антироссийской пропагандой, были арестованы; были взяты под стражу до 500 человек лезгин и прочих дагестанцев, а гарнизон Дербента был разоружен. Шихали-хану вернули его саблю, а самого оставили при главной квартире царских войск практически без охраны, чем он вскоре и воспользовался, сбежав из Дербента.

¹ Ртищев Ф.Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 249.

² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I. С. 27.

³ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 142.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 378.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 385.

Все это значило, что дербентский правитель в этот период не мог проводить какую-либо самостоятельную социальную политику. Как отмечал знаменитый П.Г. Бутков, царское командование позднее приняло меры по упорядочению управления Дербентом. Управление им было поручено сестре Ших-Али-хана Периджи-хануме и назначенному от главнокомандующего в наибы Надыр-беку, «всегда склонному к России родственнику дербентского хана Магомед-Гусейну», возведенному россиянами в ханы в 1729 или 1730 году, и лишенному Дербента Фатали-ханом в 1765 году¹.

По сведениям С.-Г. Гмелина после присоединения к России в 1806 г. Дербент состоял из 18 магалов: «разделялся еще на осмнадцать слобод, над каждой из оных поставлены старосты, кои на турецком языке каркхада (кетхуда) называются». Интересно отметить, что покоривший России Дербент ген. Глазенап оставил старое управление города, но во главе всех поставил в городе, как представителя российской власти, коменданта и начальника войск. Назначил он и наиба в качестве градоначальника. Но наиб подчинялся коменданту крепости города Дербента, который ведал внутренними делами, налогами, казенным имуществом. Наиб творил суд по мелким делам, управлял городом при участии других беков и главных ахундов². Суд же совершался по обычаям старины, как это отмечал еще Е.И. Козубский³. Только в феврале 1812 г. в Дербенте было создано Главное управление Дербентской и Кубинской провинций в лице военно-окружных начальников, которые вначале назывались дагестанским военно-окружными начальниками, а с 1830 г. – дербентскими начальниками.

В 1840 г. Кубинская и Дербентская провинции были преобразованы в уезды. В Дербентский уезд были включены город Дербент, Улусский магал, владения Кайтага и Табасарана. В 1846 г. Дербент стал местом пребывания резиденции военного губернатора Дагестана, должность которого была установлена тогда⁴.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 386–387.

² Гмелин С.-Г. Путешествия по России для исследования всех трех царств в природе естеств. СПб, 1875. Ч. III. С. 22.

³ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в. (Политический аспект). Махачкала, 2007. С. 222.

⁴ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 140–141; Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – первой половины XIX в. Махачкала, 2006. С. 264.

Что касается вопроса уровня развития социально-политического характера отношений в ханстве его решить не очень просто, так как Дербент переходил в изучаемый период от одного сюзерена к другому. Его правители – ханы – не обладали реальной властью и не могли себя показать как полноценные правители, ориентируясь то на иранских шахов и их ставленников, то на русских царей, в XVIII в., как минимум, дважды покорявших Дербент и устанавливавших в нем угодный им порядок.

И здесь же интересно отметить, что согласно «Обзору Российских владений за Кавказом» в 1836 г. традиционным занятием дербентских жителей было шелководство и изготовление шелковых, а также хлопчатобумажных тканей – бязей; в прошлом в Дербенте было до 200 ткацких станков, а к 30-м годам XIX в. осталось где-то около 40 станков. При этом источник утверждает, что в Дербенте шелкоткацкое дело дошло к началу XIX в. до уровня капиталистической мануфактуры, так как существовало четкое разделение труда и операций, и каждый шелкоткацкий станок обслуживали четыре человека, получая в день по 40 копеек серебром. Продукцию свою они сбывали в Кизляр, Кубу. По словам П.Г. Буткова в Дербенте было большое количество станков для производства шелковых тканей. Отдельные мастера применяли наемный труд. 4 медника, к примеру, имели у себя 12 наемных работников. Всего же мастеровых и ремесленников в Дербенте насчитывалось до 170 человек с оборотным капиталом до 12 тыс. рублей серебром¹.

Согласно имеющимся данным в конце XVIII в. в Дербенте имелись 6 караван-сараев, 500 всяких лавок, монетный двор, что стимулировало торговую деятельность дербентцев.

В целом Дербентское ханство держало ведущие позиции в Южном Дагестане в зарождении и развитии товарно-денежных отношений; оно было тесно связано с экономикой народов Закавказья, Дагестана и России системой сухопутных

и морских путей, игравших важную роль в жизни всех контактировавших стран и народов¹.

Следовательно – Дербентское ханство ушло значительно вперед в социально-экономическом развитии, обогнав предпринимателей других феодальных владений, легко вступив на путь капиталистического развития в составе России.

Однако у нас нет достаточных оснований утверждать, что в Дербенте и в ханстве в целом в XVIII – нач. XIX в. господствовали капиталистические отношения. Это было не так. Проще, если говорить, что в городе на отдельных предприятиях применяли труд наемных работников. В сельскохозяйственном производстве господствовали феодальные производственные отношения, на которые прогрессивно влияло повышение спроса городского населения на сельхозпродукты и т.д. Рынок спроса на сельхозпродукты был растущим и это стимулировало занятие жителей ханства производством сельхозпродуктов для продажи на рынке – особенно зерна, винограда, фруктов, риса, овощей, разведение марены для нужд красильных цехов или мастерских и т.д. Однако феодальные повинности и подати в пользу ханов и беков в Дербентском ханстве никто в это время еще не отменял. Жители сел их сполна уплачивали, отбывали подати и повинности.

И не случайно П.Г. Бутков писал в свое время, что «на случай военных действий и непредвиденных обстоятельств дербентский хан брал «всегда с капиталистических людей и чиновников с каждого от 500 до 3000 рублей со двора, как в городах, так и в уездах, от 20 до 30 рублей, равно хлеба со всех селений сколько потребно»².

Отметим, что эти сборы с жителей Дербента и Дербентского ханства хорошо были выяснены в 1857 г. сословно-поземельной комиссией. В «Выписке из протокола о поземельных правах беков Дербентской губернии» от 8 июля 1857 г. сказано, что «по Дербентскому уезду все улусские деревни исполняют для правительства денежную и натуральную земскую

¹ Обзорение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Ч. IV. С. 178–180.

¹ Обзорение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Ч. IV. С. 185; См. также: Б.Г. Алиев, М.-С.К. Умаханов. Историческая география... Кн. II. С. 128–130.

² Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 211.

повинность, – в пользу же шамхала, исключая деревни Джелган, о которой будет сказано ниже, дают следующий доход:

1. Десятую часть всего урожая всякого рода хлеба.
2. С пуда сухой марены по 40 коп. серебром.
3. Взамен пахания земли из владельческих посевов от каждой пары имевшего поселянином рабочего скота капан пшеницы и капан ячменя.
4. Взамен уборки с полей хлеба владельческого капан пшеницы и капан ячменя со двора.
5. За освобожденных от посева для владельца сарачинского пшена по 1 руб. 50 коп. со двора.
6. Вместо дачи подвод для перевозки к месту пребывания шамхала податного хлеба по 1 руб. 50 коп. со двора.

Примечания:

а) Жители, не имеющие у себя рабочего скота, исполняют из исчисляемых повинностей только 4-й и 5-й пункты»¹.

б) Оставшееся от ханских времен сословие нукеров увольняется от 1-го и 6-го пунктов общих повинностей.

Жители деревни Джелган дают 10-ю часть из урожая всякого рода хлеба и вместо всех остальных повинностей платят шамхалу по данному их условию 60 руб. серебром с целой деревни.

1. Арабляр – 60 дворов
2. Азат-оглы – 21
3. Билиджи – 202
4. Джалган – 38
5. Куллар – 28
6. Мола-кент – 11
7. Салих – 30
8. Нугди – 69 евреев²

472 Без подписи.

(документ этот взят из ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14. Л. 62)

¹ Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архивные материалы. Сост. Х.-М. Хашаев. М.: Наука, 1969. С. 105.

² Там же. С. 106.

Это значило, что в Дербентском ханстве натуральные и денежные подати успешно сосуществовали и товарно-денежные отношения в нем успешно развивались. И никаких речей вести о догосударственном уровне развития социально-политических отношений в этом государственном образовании Дагестана в изучаемый нами период не стоит. Более того, можно смело повторить, что Дербентское владение тяготело в своих торгово-экономических интересах к северу – к Табасарану, Кайтагу, Шамхальству тарковскому, занимало ведущие позиции в Южном Дагестане в зарождении и развитии товарно-денежных отношений, было тесно связано с экономикой народов Дагестана, Закавказья и России, игравших важную роль в жизни Дербентского ханства и контактировавших с ним феодалных владений Дагестана»¹.

* * *

Табасаранское майсумство играло после Дербентского ханства в Южном Дагестане ведущую роль. Не отстать от него стремилось и Кадийство табасаранское. Их основное население составляли древние обитатели Дагестана – табасаранцы. Села их были расположены в живописных долинах Рубас-чая и Кура-чая. Часть их сел (Хив, Хоредж, Лака) находилась на левобережье Чирах-чая.

На территории Табасарана во второй пол. XVIII – нач. XIX в. не сложилось единое государственное образование. Основную его территорию занимали селения, входившие в разные союзы сельских обществ. Одним из них был союз с.о. Нитрик, жителей которого называли нитрикар. Союз этот располагался по берегам Чирах-чая и Рубаса.

К западу от него располагался союз Сувах (села: Урга, Фурдаг, Куштыль, Ляхля, Джули, Атрик, Вертиль, Хуреатиль, Яраг, Герик, Кувик, Кулик). Эти оба союза подчинялись табасаранскому майсуму и их жители платили ему по 1 сабе пшеницы с дыма².

¹ Умаханов М.-С.К. Феодалные владения Дагестана в XVIII – нач. XIX в. и их взаимосвязи (экономический аспект). Махачкала, 2008. С. 209.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана ... Кн. II. Махачкала, 2001. С. 131–132.

Майсуму подчинялся также союз Этек, жители сел которого платили ему определенные подати. И здесь важно сослаться на мнение М.Р. Гасанова о том, что «Табасаран в XVIII – нач. XIX в. подразделялся на множество мелких политических единиц, за которыми утвердились названия, отдельные из которых сохранились до наших дней, что число союзов мелких обществ увеличивалось или уменьшалось в зависимости от перегруппировки сил во владении кадия и в майсумстве, с одной стороны, и в союзах сельских обществ – с другой»¹.

Имелся в Табасаране и союз (федерация) союзов сельских обществ – «Девек Елеми» – Горный магал, в который входили 15 сел.

Отметим здесь же, что и в Табасаране не было управленческой анархии, проявлений «догосударственного» уровня отношений между людьми, что «управление в союзах сельских обществ Табасарана осуществляли кевхи (старшины) и духовенство», которым помогали чауши (исполнители), что наиболее спорные и существенные вопросы разбирали на сходе, в котором принимали участие все совершеннолетние мужчины². Важно и здесь подчеркнуть мнение М.Р. Гасанова о том, что «на сходе принимал участие представитель каждой семьи, кроме женщин, но сильные тухумы пользовались преимуществами... Хотя решение принималось голосованием, все же большую роль при этом играла аульская верхушка, в лице кевхи и сеидов»³.

Майсум и кадий считались полновластными и равноправными правителями в своих владениях, имели постоянные резиденции (майсум – в Джерахе, а кадий – в Хучни), отряды вооруженных нукеров, ведали всеми внутренними и внешнеполитическими делами⁴. Без их разрешения в пределах их владений запрещалось даже торговать. Они собирали пошлины с

проезжавших через их владения торговцев¹. Порядок избрания кадия и майсума был одинаков.

Кадием становился старший в этом роде. Его избирали на поляне Херба-Куран у Хучни, где старший из известного тухума из села Хурик надевал на избранного кадия свою старую папаху, а его папаху брал себе. Интересно отметить замеченную М.Р. Гасановым деталь, что избранный кадий не обязан был знать глубоко шариат, поскольку это достоинство переходило по наследству к старшему в тухуме. Естественно, безграмотный кадий не решал «шариатских дел»².

Майсуму в Южном Табасаране подчинялось до 70 деревень, с жителей которых он получал до 20 тыс. руб. дохода.

Кадью подчинялось в Северном Табасаране 20 селений, с жителей которых он собирал ежегодно в XVIII в. 4 тыс. руб. дохода³.

Разные авторы приводили разные цифры доходов этих правителей, которые ни в чем не уступали друг другу; одинаково собирали подати со своих подчиненных. По сведениям середины XIX в. в Табасаране в пользу майсума и кадия со стороны народа делались ежегодно взносы: жители Нитрихского магала давали майсуму по 1 сабе (20–25) кг пшеницы с дыма. Таковую же подать получал с них и кадий. Более того, он получал сверх этого по 2 киле пшеницы и по ложке масла (магал Харак), с жителей магала Кухрик – по 3 киле пшеницы и по ложке масла с дыма⁴.

В раятских селениях кадию и майсуму платили душарлык и отбывали натуральные повинности. Майсум ничем не уступал кадию, «производил суд, расправу, собирал народ на войну, предводительствовал им, был полновластным хозяином в Табасарании, пользовался неограниченной властью»⁵.

Имеющиеся данные позволяют констатировать, что в изучаемый период в Табасаране, в частности в Майсумстве,

¹ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX вв. Махачкала, 1978. С. 60.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 133–134.

³ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана... С. 60.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 151.

¹ Рамазанов Х.Х., Шихсидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 155–156.

² Гасанов М.Р. Из истории Табасарана... С. 201.

³ Хашаев Х.-М. Общественный строй... М. 1961. С. 152–153.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 152–153.

⁵ Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв. М.: Наука, 1965. С. 50.

происходил процесс дальнейшего углубления и развития феодальных отношений, сопровождавшийся феодальными междоусобиями, которые особо проявлялись во второй половине XVIII в. Надо сказать, что майсумы, кадии и беки облагали своих подвластных хлебной податью – дегеком, что означает десятая часть урожая, скота.

В отдельных селах с раятов брали по 2 капана пшеницы и по 1 капану чалтыка, в других – по 2 сабы пшеницы и по 2 сабы ячменя, в третьих – от 2 саб до 6 саб пшеницы и ячменя. Податями облагались и фруктовые деревья. Подать сеном и дровами платилась. Подать баранами, курами, яйцами платили все раятские селения, подать маслом и холстом – жители сел Виршашил, Цуртиль. Жители Рукеля, занимавшиеся соледобычей, обязаны были отдавать 2 капана соли¹.

Отметим также, что в Табасаране была распространена и рента «личными работами» – пахать и сеять землю бека, косить, молотить и свозить к дому бекский урожай. Раяты одних сел пахали земли феодалов 2 дня, других – 3 дня. На уборку бекам выставляли в одних раятских селах по 1 жнецу с дыма на 1 день, а в других – на 2 дня. Владельцы лошадей отдавали их на 1 день в году на молотьбу бекского урожая².

Особенно тяжелым было положение жителей раятских сел, которые обязаны были собирать снопы и отвозить их на своих арбах на гумно, перевозить зерно бека в его дом, а при надобности и на мельницу, «убирать накошенное сено». Раятские селения евреев выделяли по 1 человеку с дыма на день на прополку бекской пашни. Все повинности раяты исполняли на своем продовольствии, т.е. бигером, кроме жатвы эврезом (т.е. мирской сходкой), когда бек обязан был выставлять угощение для всех.

Хорошо все это отражено было в «отношении военного начальника Южного Дагестана в главный штаб Кавказской армии о податях и повинностях, отбываемых жителями Южного Дагестана от 15 сентября 1864 г.».

В Кайтаго-Табасаранском округе крестьянами отбывались:

А. Подати деньгами:

Сел. Кубачи 1200 руб., сел. Башлы 910 руб., сел. Маджалис (одни евреи) 198 руб., сел. Хурцих 28 руб., сел. Джерах 34 руб., сел. Экендиль 20 руб., сел. Бурганкент 12 руб., сел. Кегнах 16 руб., сел. Чулат 40 руб., сел. Гяндыр 16 руб., сел. Ерси 112 руб., сел. Марага (один дым) 4 руб.

Подати произведениями земли:

Сел. Великент: пшеницы 90 четвертей, 137 руб. 54 коп., ячменя 82 четверти 6 чек, 66 руб. 20 коп., сарачинского пшена 35 саб, 26 руб. 40 коп.; сел. Берикей: пшеницы 95 четвертей 145 руб. 20 коп., ячменя 82 четверти 6 чек, 66 руб. 20 коп., сарачинского пшена 94 сабы, 78 руб. 82 коп., шелку 2 фунта, 5 руб.; сел. Улу-Терекеме: пшеницы 13 четвертей, 19 руб. 86 коп., ячменя 15 четвертей 4 чек, 12 руб. 40 коп, сарачинского пшена 70 саб 52 руб. 78 коп., шелку 1 ф. 2 руб. 50 коп (сел. Утцари: баранов и коз 100 штук; сел. Шарги: то же 60 штук, телят 2 штуки; сел. Цагры: масла коровьего 2 пуд. 16 ф.; сел. Сана-Шара: холста 12 концов; сел. Абдашка: масла коровьего 2 пуд. 16 ф.; Дурья: пшеницы 50 саб, холста 20 концов. Всего на 150 руб. 99 коп.)»¹.

Некоторые магалы Северного и Южного Табасарана составляли охранную и распорядительную силу. В частности, Гамринский (Кайтаг) и Терекемейский магалы выставляли 49 чапар, которые находились на почтовых станциях и служили для конвоирования почт, возки нарочных и пакетов в сторону от почтовой дороги и для исполнения полицейской обязанности. Число выставляемых чапаров от каждого селения зафиксировано было в особой ведомости. Как отмечается в цитируемом документе, выставляемым важным нукерам жители никакой платы не производили, а только отбывали за них повинности – денежные и натуральные.

Помимо всего этого, жители обязаны были исправлять мосты и дороги².

¹ Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архив. материалы. Сост. Х.-М. Хашаев. М.: Наука, 1969. С. 106–107.

² Там же. С. 107.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 155–156.

² Там же. С. 155.

Отметим также, что царские власти не забывали и о себе. В цитируемом документе приведены сведения о повинностях жителей в пользу управляющих:

ж). Северной Уздень Табасарани магалы Храк и Кухрак, Южной Уздень-Табасарани магалы Сувак, Дирга и Нитрак платили управляющему Северной Табасарани от одного гарнца до одного четверика пшеницы, по одной ложке масла с дыма.

з). Южной Уздень-Табасарани магалы Дирга и Нитрак платили в пользу их управляющего тоже от одного гарнца до одного четверика пшеницы и по одной ложке масла с дыма¹.

В пользу управляющих поступали также откупные деньги с продажи грецких орехов в казенных и узденских деревнях в количестве от 400 до 600 руб. серебром в год².

Анализ опубликованных Х.-М. Хашаевым архивных документов, извлеченных из бывшего ЦГА ДАССР (ныне ЦГА РД). Ф. 90. Оп. 2. Д. 30 «Инструкция повинностям, коими обязаны жители раятских деревень Южной Табасарани в пользу беков»³, а также «Отзывов табасаранских беков о раятских повинностях» (1862 г.)⁴, показывает почти крепостное состояние табасаранских раятов и всевластие над ними беков, майсумов, кадиев и сельских старшин.

И утверждать, что они жили в идилических условиях родового строя в XIX – нач. XX в., было бы нелогично.

* * *

Третьим по значимости и древности происхождения феодальным владением Южного Дагестана было Цахурское или Елисуйское султанство. Истории этого феодального государственного образования Дагестана была посвящена вышедшая в 1873 г. в свет работа И. Линевича «Бывшее Елисуйское султанство». По его сведениям это султанство своим образованием обязано заселению лезгинами пространства к западу от Елисуйского султанства. Более конкретно это значит, что «джарские лезгины вышли из Аварии по приглашению Грузии и поселились в Джарской провинции, приняв на себя защиту этой

богатой грузинской страны от своих соплеменников. По ослаблению же Кахетии персиянами и турками они сами стали господствовать над туземным населением и с этого времени называться джарами («джары» – по-грузински войско)»¹.

Отмечено было исследователями, что образовавшееся там «мусульманское владение» состояло из пяти обществ (джарское, белоканское и др.), имевших одинаковое устройство; они управлялись избранными старшинами; важные дела решались в каждом обществе на народных собраниях; дела, относившиеся до всех обществ, решались на съездах их представителей. Более могущественным и, следовательно, влиятельным при решении важнейших вопросов было Джарское общество, влияние которого «распространилось и на Елисуйское султанство»².

Другая же грузинская провинция – Кахская – была занята преимущественно цахурскими лезгинами (надо только знать, что цахуры – это отдельный этнос, такой же, как и лезгины – М.-С.У.) и «потому управление в этой лезгинской колонии сложилось по образцу, какой лезгины имели у себя в Цахурском владении и сделалось для метрополии и колонии общим»³.

В принципе можно признать справедливым предположение И. Линевича о том, что «по преданию первоначально цахурский народ, главным населенным пунктом которого было сел. Цахур, составлял большую общину, раздираемую родовыми (тухумными) противоречиями из-за выбора правителей из своей среды что в конечном итоге привело к тому, что цахурские тухумные старейшины «стали избирать правителей из беков, пришедших в Цахур на жительство из не существовавшего уже в XIX в. села Хиц. Но пришельцы «своими издевательствами довели цахуров до того, что цахуры решили истребить всех этих беков с женщинами и детьми»⁴.

Но спаслась одна беременная бекская женщина, гостившая в это время в селе Мыых. Оттуда она ушла в Елису, где

¹ Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис. 1873. Вып. VII. Отд. I. С. 1–55. – С. 1.

² Там же.

³ Там же. С. 4; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – нач. XIX в. (Политич. аспект). Махачкала, 2007. С. 230.

⁴ Там же.

¹ Там же.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 110–111.

⁴ Там же. С. 111–117.

родила сына. Когда он подрос, его избрали правителем и елисуйцы и цахуры. Так было положено начало елисуйским султанам или бекам.

Сословие беков в султанстве росло и было разбросано по селам. Бекских семейств было: в Елису – 2, В Ахчае – 9, в Кошка-чае – 1 и в Амбар-чае – 9. По мнению И. Линевича они получили земли от султанов, с которыми перешли в Кахскую провинцию¹.

Уже отмечалось, что для правильной характеристики уровня развития общественных или социальных отношений в элисуйских селениях (обществах) важны следующие констатации И. Линевича:

1) «Земля, на которой расположены селения, вся издревле разделена между первыми поселенцами и теперь находится в руках частных владельцев»².

2) «Мечети содержатся за счет дохода, получаемого от добровольных пожертвований; если же мечеть построена каким-либо частным лицом, то она почти всегда поддерживается потомками основателя»³.

3) Цены усадеб весьма разнообразны и зависят от качества построек, количества усадебной земли и густоты населения.

4) Продажа усадеб и собственных пахотных участков везде свободна, только в некоторых обществах существует адат, чтобы предложение покупки предварительно было сделано соседям и родственникам продавца...

5) Хозяева, имеющие в излишке пахотные земли или не желающие сами заниматься обработкой (часто по недостатку рабочей скотины), отдают их в наймы...

6) Обработка земли часто также производится речбарам, т.е. работниками по найму, получающими в свою пользу почти половину урожая, причем семена, рабочий скот и земледельческие орудия даются от землевладельца...

¹ Линевич И. Указ. соч. // ССКГ. Вып. VII. Отд. I. С. 11.

² Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодалных владений Дагестана в XVIII – нач. XIX в. (Политич. аспект). Махачкала, 2007. С. 232–233.

³ Линевич И. Несколько данных для определения экономического быта жителей Елисуйского наибства Закатальского округа // ССКГ. Вып. VII. Отд. I. С. 9.

7) Лес во всех горных обществах имеется в достаточном количестве и право пользования им идет наравне «с правом открывать аху» (т.е. пахотный участок в лесном пространстве).

8) Камыш... составляет общественную собственность, но рубить его дается право только сколько требуется по действительной надобности.

9) Летние пастбища в горах оставались в общественном пользовании...

10)... Однако встречались несколько гор, состоявших в частном владении беков и казны...

При решении вопроса о социальной дифференциации цахурского общества непременно нужно учитывать утверждение И.П. Петрушевского о том, что «цахуры заселяли сплошь оба склона Главного Кавказского хребта и северную и среднюю (гористую) части» территории султанства, которые «составляли четыре вольных общества – Цахурское (на сев. склоне Главного хребта), Сувагильское, Карадулакское (всего 26 селений). При этом «цахурские общества не владели кешкельными крестьянами и имели право групповой сеньории по отношению к мугальским и ингилойским селениям». Наиболее же крупными селениями цахуров были Цахур, Курдул, Гельмец, Хочек, Муслах, Хнач, Тишах, Кальял, Мухах, Дышных»¹.

Самое главное, на что, мне кажется, надо обратить особое внимание, было то, что «цахуры считались в султанстве привилегированной группой, так как на них опирались елисуйские султаны в изучаемый нами период» истории².

На мой взгляд, своеобразие уровня социального развития цахурского общества заключалось в том, что в нем рядом гнездились и развивались социальное и этническое неравноправие даже одного уровня социальных групп. В частности, цахуры являлись привилегированной группой в султанстве; они являлись опорой цахурских султанов.

Много исследователей в постсоветский период касалось истории Цахурского султанства. Это сделано, в частности и в

¹ Петрушевский И.П. Джаро-белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала. 1993. С. 74–75; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодалных владений Дагестана в XVIII – нач. XIX в. (Политич. аспект). Махачкала. 2007. С. 235, 238.

² Там же. С. 235–238.

последнем академическом издании «Истории Дагестана», в которой сказано, что «Цахурское султанство не играло заметной роли в политических событиях, происходивших в Дагестане в XVI–XVII вв. Тем не менее, оно в XVIII – начале XIX вв. было одним из субъектов складывавшейся в Южном Дагестане системы политических связей или взаимоотношений феодальных владетелей этого стратегически важного региона Дагестана»¹.

* * *

И, наконец, осталось дать самую краткую характеристику Кюринскому ханству, его территории².

Оно было довольно густо заселено, насчитывало более 130 сел. До ханов кюринские селения управлялись старшинами (по-лезгински кёвха), обязанности которых заключались в наблюдении за порядком и в разборе жалоб и споров в своем селении вместе с аксакалами³.

В сведениях от 25 января 1812 г. сказано, что «Кюринская провинция лежит в Южном Дагестане, граничит с владениями Дербентским, Табасаранским, Казыкумухским, Рутульским, Кубинским, от коего разделяется р. Самуром; содержит в себе до 2000 кв. верст». Далее источник гласит, что число жителей ханства неизвестно, а считается дворов более 5000⁴.

В январе 1812 г. Кюринское ханство было присоединено к России. Управление им было поручено Аслан-беку Казыкумухскому – верному стороннику пророссийской ориентации⁵. Царское правительство всецело поддерживало Аслан-хана, заключило с ним особый трактат. По его условиям Аслан-хан должен был охранять границы своего владения и идти со своим войском (160 чел. конных) туда, куда царские генералы ему прикажут. Более того, царское правительство дало Аслан-хану

чин генерал-майора, знамя с российским гербом, саблю, украшенную драгоценными камнями, инвеститурную грамоту на право правления ханством, которым он и правил до 1827 г., тогда как Сурхай дважды добирался до иранского шаха с просьбой о помощи¹ против царских войск, взявших и контролирувавших Казы-Кумух. В конечном итоге Сурхай-хан стал полновластным правителем Казыкумухского ханства.

И здесь вполне можно согласиться с Р.М. Магомедовым в том, что «На протяжении всего XVIII века в Кюре и Самурской долине происходило обращение общинников в феодально-зависимых крестьян... В особенно тяжелом положении находились райяты – крепостные крестьяне, с которых взимались многочисленные поборы и натурой и личным трудом»².

Кюринские ханы управляли сельскими обществами при посредничестве «поставляемых ими назырей, а впоследствии наибов», становившихся исполнителями их воли»³. Жители подвластных кюринским ханам и бекам сел отбывали в их пользу повинности, складывавшиеся из натуральных сборов «пшеницею и ячменем со всякого двора, имеющего состояние или посева, или пару рабочего скота, – от 2 до 9 руб. Кроме того, за пользование ханскими землями с посевов пшеницы, ячменя, чалтыка и прочих злаков» – в селениях Зуграб-кент, Газыр-кент, Аликент, Махмуд-кент и Испик посевишки давали по 3 руба зерна.

Нелегкой была и аробная повинность во всех зависимых деревнях: «до трех ароб со двора и по одной арбе дров со двора»⁴. Кроме того, каждый крестьянский двор работал на своего бека по 4 дня в году. Но при уборке урожая хозяин – бек должен был хорошо угостить своих уборщиков. В целом же положение кюринцев не было ничуть лучше, чем положение крестьян других феодальных владений Дагестана, хотя они в зависимость попали во второй половине XVIII в. И здесь нужно

¹ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 312–313.

² Магомедов А.Р., Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. С. 235; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. II. С. 185; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана... С. 243–244.

³ Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М., 1965. С. 42–43.

⁴ АКАК. Тифлис. 1873. Т. V. С. 135.

⁵ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи... С. 246.

¹ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи... С. 245, 305.

² Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 218–219; Умаханов М.-С.К. Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи (экономический аспект). Махачкала, 2008. С. 158; Феодальные отношения в Дагестане XIX – нач. XX в. М., 1965. С. 163–170.

³ Памятники обычного права Дагестана... С. 43.

⁴ Феодальные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX в. М., 1965. С. 168.

подчеркнуть, что казикумухские беки, каким бы путем они не оказались хозяевами кюринских сел, выступали в прямой роли эксплуататоров, несли жителям кюринских сел феодально-крепостнические отношения, что нашло яркое отражение в докладе члена сословно-поземельной комиссии Андронникова о поземельном устройстве местного населения Кайтаго-Табасаранского, Кюринского и Самурского округов Дагестана¹.

На основе анализа всех имеющихся в распоряжении исследователей источниковых данных и мною был сделан вывод о том, что лезгины бывшего Кюринского округа (ханства) находились под тяжелым гнетом ханов, беков, богатой узденской верхушки и духовенства²; общественный строй у них уже был феодальным, основанным на феодальной земельной собственности и внеэкономическом принуждении, что было отмечено еще Х.-М. Хашаевым, приведшим в пользу своего тезиса богатый фактический материал³, по сути дела представляющий собой очерк истории образования Кюринского ханства.

В нем речь идет о том, что во второй половине XVIII в. «ветвью династии казикумухских ханов образовано было ханство Кюринское, но в 1811 г. оно находилось в подчинении казикумухских ханов, которые до XVIII столетия состояли более по наружности, в зависимости то от Персии, то от Грузии. В 1811 г. кюра-казикумухский хан, внук Чулак Сурхай-хана Сурхай-хан II Ханбугтай, сын Магомед-хана, явно враждебный России, в бою при селении Шихи-кент был разбит генерал-лейтенантом Хатунцовым, а Кюринское ханство было отторгнуто; с присоединением к Российской империи оно составило отдельное от Казикумуха ханство. Сын Шахмардана казикумухского Аслан-бек был признан и утвержден «высочайшею грамотою» 10 июня 1812 г. наследственным в Кюринском ханстве и потомственным ханом под верховным покровительством Российской империи на условиях, высочайше государем императором утвержденных. На основании этих условий (артикул пятый) власть, «со внутренним управлением сопряженная, суд

и расправа, так равно и доходы со владения Кюринского, предоставлены высокостепенному Аслан-беку в полную его волю» (артикул восьмой). Асланбек обязывался вносить дань в казну его императорского величества по три тысячи червонных и по три тысячи четвертей хлеба в год, в том числе пшеницы две тысячи пятьсот четвертей. По царскому повелению в 1823 г. Аслан-бек стал и казикумухским ханом, «во владение коего вошло по-прежнему отделенное в 1812 г. Кюринское ханство»¹.

Население ханства «состояло из раят, шихов, считающих себя потомками пророка Магомеда, и евреев... При ханском правлении всеми селениями управляли старшины, назначаемые ханами. Дела тяжёбые по преступлениям и проступкам между жителями разбирались: большие дела – ханом и состоявшим при нем диванным судом, а малые по шариату. Штрафы с жителей за преступления поступали в пользу хана»².

Отмечено в источнике и то, что в Казикумухском ханстве жители несли в пользу своих ханов двоякого рода налоги и работы: одни – в виде податей за отправление между ними суда и расправы, а другие – поземельные за пользование ханскими угодьями. Одни деревни давали по трети рубы зернового хлеба от пары рабочего скота, другие – только по одной рубе с дыма, имеющего достаточный посев; В некоторых же селах вся подать состояла из одной ложки масла с дыма³.

В данном кратком обзоре показана действительно имевшаяся в XVIII – начале XIX в. социальная неоднородность дагестанских феодальных владений, наличие в них разных социальных прослоек как в феодальном классе, так и в крестьянском классе, начиная с сала-узденей и завершая раятами, чагарами и рабами. У них имелись уже все атрибуты государства и государственной власти, соответствующие их политическому устройству. Господства ни дикости, ни варварства догосударственного уровня развития общественных отношений ни в одном из охарактеризованных здесь государственных образований не наблюдалось. Во всех них шел процесс имущественной

¹ Феодальные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX в. М., 1965. С. 163

² Умаханов М.-С.К. Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи (экономический аспект). Махачкала, 2008. С. 158–159.

³ Феодальные отношения в Дагестане... Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1965. С. 163–170.

¹ Феодальные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX в. М., 1965. С. 163

² Там же. С. 164–165.

³ Там же. С. 165.

и социальной дифференциации, развития, углубления и укрепления феодальных отношений.

* * *

Еще более важным является вопрос о социально-экономическом развитии союзов сельских обществ Дагестана, в XVIII – нач. XIX в. занимавших почти половину его территории. Отметим при этом, что они занимали больше горную часть Дагестана. Союзы сельских обществ называют в исторической литературе и вольными обществами. По словам Р.М. Магомедова, термин «вольное общество» впервые был употреблен в русских источниках для обозначения политических объединений, существовавших у даргинцев и других народностей Дагестана до присоединения его к России. Даргинские общества имели свои собственные названия: Акушала хлуреба, Цудкрила хлуреба, Хлуркила хлуреба, Усала хлуреба, Мухлела хлуреба, Сиргала хлуреба, Миклхила хлуреба.

У кумыков было принято «хлуреба» или «войско», «ополчение» называть словом «табун». К примеру, Акушала табун, Цудкрила табун.

По мнению Р.М. Магомедова – одного из первых среди дагестанских историков-исследователей, выпустивших труды по этой проблеме¹, название хлуреба по всем данным можно отнести ко времени военной демократии, когда даргинцы жили разделенными на племена, и когда вооруженный народ составлял войско. Он обратил внимание и на то, что у даргинцев вольное общество имело несколько равнозначных названий. В одном случае – это хлуреба, а в другом – кьам, жинс, тайпа, наслу. В то же время ему принадлежат слова: «Если кьам, тайпа, наслу, жинс – племя, то выходит, что «хлуреба» тоже племя. Нам думается, что хлуреба является более широким понятием, чем кьам, жинс, наслу. Хлуреба у даргинцев, видимо, составлял союз племен»².

Акушинское вольное общество (Акуша-Дарго) состояло из 36 джамаатов, Буркун-Даргинское – 10, Мекегинское – 32.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 115–117.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 115–117.

Мугинское – 9, Сюргинское – 53, Цудахарское – 42, Урахинское – 18, Усишинское – 5.

В этническом плане не все они являлись моноэтническими, т.е. даргинскими. Среди них и лакские селения: Уллучара, Балхар, Цулукани, Кохоли и аварские (Кутиша, Хахита, Чогли, Чуни). Отметим, что с конца XVIII в. Акушинское вольное общество сыграло роль объединителя всех даргинских вольных обществ в единый союз при главенстве акушинцев, откуда и произошло наименование Акуша-Дарго. Недалеко от селения Бурги-мак Акушинского района РД примерно в 2–3 км к востоку находится равнина, в середине которой возвышается холм. На нем собирались даргинские сходы или собрания. Это место и называлось «ЦахІнабикла дирква», т.е. «равнина собраний»¹.

В каждое вольное общество входило несколько джамаатов. «Джамаат» на даргинском языке означал и означает «общество». Это «общество» включало в свой состав всех жителей данного селения (аула). Каждое такое сельское общество имело свою территорию, свое строго ограниченное население, свои обычаи и своих старейшин. Джамаат (или община), состоявший из нескольких тухумов, определялся прежде всего общностью территории, откуда вытекали общность других интересов и общественного управления. Отметим тут и другое основополагающее мнение Р.М. Магомедова: «Наиболее важные дела, касающиеся целого сельского общества, решались на собраниях глав тухумов, входивших в состав селения... Такое совещательное собрание называлось собственно джамаатом, откуда это название перешло впоследствии на всю общину»².

По Р.М. Магомедову «в обычной жизни управление джамаатом было сосредоточено в руках светских и духовных лиц. Светское учреждение состояло из следующих лиц: юзбаши (каттан у мугинцев, ше-холал у урахинцев, щилла хулал у цудахарцев), баруман, мангуш (полицейский исполнитель, глашатай)... Духовное управление состояло из кадия, будуна, муллы, хаджи. Главы сельских обществ и их помощники выбирались на собрании джамаата на определенный срок. Количество старейшин в зависимости от джамаата могло быть разным.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 120.

² Там же. С. 120.

В одних джамаатах их было по одному, в других по два и более»¹.

Такое серьезное внимание этому вопросу здесь уделено потому, что в принципе союзы сельских обществ и других народов Дагестана формировались по той же схеме. Но ограничиваться цитированием работы одного автора по всем вопросам исследуемой проблемы было бы методически неверно. Этого нельзя делать, хотя бы потому, что во многих случаях не все авторы сходятся во мнениях.

И здесь нужно обратиться к трудам других исследователей, одним из которых является профессор Б.Г. Алиев, посвятивший большую монографию союзам сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в.² По его мнению «союз сельских общин – это особый тип территориально-этнических, общественно-политических и хозяйственных структур, появление которых было обусловлено рядом причин и прежде всего изменениями, происшедшими в социально-экономическом и политическом развитии общин»³.

Союзы сельских общин были расположены в основном в Западном, Центральном и Южном Дагестане, занимая территорию с разнообразными природными условиями, в основном высокогорную и горную части Дагестана, «прегражденные глубокими ущельями и заселенные аварцами и народностями аваро-цезской языковой группы (андийцы, ботлихцы, годоберинцы, чамалалы, багулалы, каратинцы, ахвахцы, тиндалы, цезы, хваршины, бежтинцы), лезгинами и народностями лезгинской языковой группы (табасаранцы, рутульцы, цахуры, агулы) и даргинцами (акушинцы, цудахарцы, сюргинцы, урахинцы, кайтаги, кубачинцы и др.)»⁴.

У Алиева Б.Г. есть свой взгляд на образование союзов сельских обществ. Он пишет, что, «Как нам представляется, образование союзов сельских общин – это не одновременный акт, а процесс, начавшийся с установлением прочных связей между общинами и еще не завершившийся с первоначальным

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 121

² Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. – 339 с.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же.

объединением в союз нескольких сел. Союз мог изменяться как в количественном отношении входящих в его состав общин, так и в своем положении в системе других союзов и феодальных владений Дагестана..., изменения в составе союзов происходили даже в XVIII–XIX вв. Но это уже не процесс возникновения, а процесс развития союзов сельских общин, связанный с изменениями, происходившими в их социально-экономическом и политическом развитии». В результате этих сдвигов в обществе стали происходить «усиление имущественного и социального неравенства», выделение и обособление из основной массы населения дружинников и племенной знати, их обогащение, которые «создали предпосылки для появления наследственной власти, каковая несомненно и возникла несколько позже, в эпоху создания албанской государственности»¹.

Верно Б.Г. Алиевым подмечено, что в раннем средневековье крупные села Дагестана, известные позже «как члены союзов» (может центры союзов?) сельских общин (Ихрек, Рутул, Шиназ, Курах, Рича, Ахты, Уркарах, Дибгаши, Чишили, Микрах, Кумух, Мака, Цудахар) находились в составе раннефеодальных государств и для них были характерны те же отношения, которые были в первых.

Феодалы были известны в Дагестане как амиры, талхьяны, батрики, раисы². Касаясь вопросов социально-экономического развития союзов сельских обществ Дагестана в XVIII – нач. XIX в., нужно подчеркнуть, что их было от 60 (Хашаев Х.-М. Указ. соч. 1954. С. 6) до 80. Нам придется согласиться с тем, что союзы сельских обществ не были особым райским уголком в средневековом Дагестане. К XVIII в. в них общество дифференцировалось на бедных и богатых, на свободных (уздени) и зависимых (раяты, чагары, кулы или рабы). Имелись в них и представители феодальных сословий, разными путями оказавшиеся в них (потомки шамхалов и ханов, беки, чанка-беки). Существовали «и такие союзы сельских обществ,

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. С. 52.

² Там же. С. 53.

где не было ни беков, ни чанка-беков и все население юридически считалось лично свободными узденями»¹.

Как отмечено в «Истории Дагестана» (М. 1967. Т.1.), и в этих союзах сельских обществ узденство не было однородным. Верхушка узденства владела несравненно большими участками земли и значительным поголовьем мелкого и крупного рогатого скота, использовала в хозяйстве труд обедневших сельчан-узденей и рабов, т.е. фактически занимала положение господствующего сословия. Большая же часть узденей-общинников, будучи юридически лично свободной, фактически находилась в той или иной степени зависимости от эксплуататорских классов, т.е. составляла феодально-зависимое сословие»².

Во всех феодальных владениях и союзах сельских обществ Дагестана «зависимые крестьяне отбывали феодалам множество податей и повинностей. Но, несмотря на многообразие их роли господствующей формой феодальной ренты в XVIII в. в Дагестане была продуктовая рента, базировавшаяся на феодальной собственности на землю и зависимости крестьян от феодалов. Продуктовая рента была более тесно связана с натуральным характером хозяйства»³. Более широкое описание союзов сельских обществ Дагестана см. в совместных трудах Б.Г. Алиева и М.-С. К. Умаханова⁴.

Если же подходить к вопросу об уровне социально-экономического развития народов Дагестана в изучаемый нами период, здесь обязательно надо помнить и учитывать мнение Р.М. Магомедова, который писал: «Обычно, когда говорят о шамхале (речь идет о Тарковском правителе – У.М.-С.К.), ему приписывают ничем не ограниченную власть не только внутри его владений, но и за их пределами. Нам думается, что это – ошибочный взгляд. Дело в том, что, хотя Кумыкия – это преимущественно плоскостная часть – менее тяготела экономически к центральному Дагестану, но она находилась в окружении населения, переживающего период полупатриархальных, по-

луфеодальных отношений, и в тесной связи с ним. Кумыки – это те же коренные жители Дагестана, и, следовательно, Кумыкская земля, как замкнутая, особая территория, не могла развиваться своим путем в отличие от остального Дагестана. И если говорить о какой-то разнице, то эта разница состояла в том, что эта часть Дагестана в социально-экономическом развитии ушла дальше, чем, например, нагорная часть Дагестана»¹.

С этим перекликается и другое утверждение Р.М. Магомедова о том, что «Производственные отношения вольных обществ характеризовались тем, что одновременно существовали две формы земельной собственности: общественная и частная. Остатки общинной собственности составляли общественные земли, все еще не утратившие своего значения в экономике вольных обществ. Тут же рядом одновременно с общественной, существовала и частная индивидуальная собственность. Первая форма земельной собственности выражала собой патриархально-общинное начало. Вторая форма собственности представляла собой новые классовые отношения, основанные на частной собственности. Обе формы собственности сильно переплетались друг с другом.

Наличие в экономике вольных обществ различных форм производственных отношений объяснялось условиями материальной жизни аварского общества»². Такое же явление было характерно и для вольных обществ других народов Дагестана.

* * *

Вопрос об экономическом положении народов Дагестана в XVIII – нач. XIX в. является одним из главных вопросов их истории, так как повседневная жизнь человека, проблемы пищи, одежды, обуви, жилища и т.д. требовали от всех людей определенных усилий, действий. Основными экономическими занятиями, обеспечивавшими решение главных жизненных потребностей народов Дагестана независимо от их нахождения в составе феодальных владений или союзов сельских обществ, являлись земледелие и скотоводство, которые в зависимости от

¹ История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 319.

² Там же. С. 314–320.

³ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. С. 320.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. XVII – нач. XIX вв. Махачкала, 1999. Кн. I. С. 276–299; Кн. II. 2001. С. 195–225.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 186.

² Там же. С. 36.

естественно-климатических особенностей (ландшафта, высоты местности над уровнем моря и т.д.) того или иного региона приобретали приоритет, менялись местами по значимости в экономике каждого села и даже отдельных семей. Трудно назвать дагестанское селение, жители которого бы занимались исключительно одним земледелием, или исключительно скотоводством. Более распространено было их комплексное сочетание.

И надо отметить, что этот вопрос и до нас нашел отражение в трудах далеких и близких от нас предшественников. В частности, Х.-М. Хашаев еще в 1961 г. писал, что почвенно-климатические условия Терско-Сулакской и Прикаспийской низменностей, а также предгорной зоны Дагестана благоприятствовали широкому развитию полеводства и садоводства. По свидетельству путешественников и других лиц, бывавших в Дагестане, «основным занятием жителей плоскостного и предгорного Дагестана в XVIII – нач. XIX вв. было земледелие. Они сеяли пшеницу, ячмень, кукурузу, хлопок, рис, занимались бахчеводством, виноградарством, мареноводством и шелководством».

Сельскохозяйственные работы начинались в марте. Для обработки земли применялся большой деревянный плуг с резалом и широким железным лемехом. В такой плуг обычно впрягали восемь волов или буйволов. Одному, двум и даже трем крестьянам не под силу было выставлять полное тягло, поэтому односельчане объединялись в товарищества¹. При этом участок, предназначенный для одного плуга, распахивается и засеивается, «хлеб жнется и молотится силами и средствами всех участников. При этом каждый участник выставляет рабочих и дает семена пропорционально рабочему скоту, использованному при распашке. Урожай (в зерне) также делится пропорционально рабочему скоту, использованному при распашке». При ежегодных переделах общественной земли не имевшие рабочего скота сельчане получали особые участки от 5 до 10 саб земли. Или же несколько дворов (не более 8) получали участок, равный участку, обрабатываемому одним плугом. Такие люди обычно распахивали свои участки плугами, принадлежавшими

другим хозяевам, а за то помогали им обрабатывать и поливать их земли, или же сдавали свои участки в аренду за $\frac{1}{3}$ часть урожая¹.

Боронование производили деревянной бороной или просто волокли связку хвороста, пока вспаханная земля была мокрой.

Х.-М. Хашаев отметил, что на плоскости господствовали залежная и двух- и трехпольная системы земледелия. В Северной Кумыкии, частично во владениях шамхала тарковского и в большей степени в южной части плоскостного Дагестана применялось искусственное орошение. Обилие пашенных земель, хорошие климатические особенности плоскости и предгорья давали возможность жителям этой части Дагестана производить хлеб не только в расчете на себя, но и для продажи жителям горных районов, которым вследствие малоземелья и высокой плотности населения не хватало своего хлеба до следующего сбора урожая.

По наблюдениям Х.-М. Хашаева плоскостной Дагестан имел хорошие и обширные пахотные поля. Это позволяло жителям этой зоны Дагестана разводить сады, виноградники. Отметим, что много плодовых деревьев было в лесах этой части Дагестана, где разводили и сорочинское пшено (рис.). Развито было в этой зоне и мареноводство, т.е. копка корней марены, шедшей на изготовление красителей для шелковых и хлопчатобумажных тканей².

На плоскостной части не только Кумыкии, но и других областей Дагестана преобладающими культурами были озимая пшеница и кукуруза; сеяли и другие злаки, в частности, просо, ячмень, рис, разводили виноград, выращивали хлопок, лен, коноплю, бобовые культуры, фасоль, горох, чечевицу. В целом жители Кумыкской плоскости производили большое количество хлеба, который они продавали не только горцам, но и жителям Кизляра.

Жители Дербента особо упорно занимались полеводством, садоводством, виноградарством и мареноводством. Они, как и жители плоскостной части Дагестана, особенно Засула-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 79.

² Там же. С. 79–80.

нии, занимались коневодством, разводили также ослов и крупный рогатый скот.

Особо крупными зернами отличалась дербентская пшеница. Кроме пшеницы, дербентцы сеяли рожь, ячмень, просо, табак, выращивали зелень, кукурузу, полбу, рис, бахчевые культуры, овощи, бобы, инжир, орехи, фундук и т.д. Разводили абрикосы, черешню, сеяли мак, из которого получали опиум¹. Особо широкое развитие в нач. XIX в. получило в Дербенте и т.д. мареноводство. Только в 1830 г. было добыто около 34 тыс. пудов корня марены.

К югу от Дербента земля была покрыта виноградными садами на протяжении четырех–пяти верст. По сведениям Х.-М. Хашаева у Дербента насчитывалось 860 садов. Армяне-переселенцы в Дербенте наладили производство вина (до 30 тыс. ведер) и водки (до 4 тыс. ведер) в год.

Х.-М. Хашаев, как положительный фактор для экономического развития плоскостной части Дагестана, особенно Дербента и территории южнее его, отмечал присоединение Дагестана к России в 1813 г.² Он же писал, что после этого в Дербенте и его округе появились более усовершенствованные сельхозорудия, в соответствии с возросшими потребностями рынка увеличилось производство зерна для продажи. Намечалась некоторая специализация районов Дагестана на производстве мяса и зерна³, марены, фруктов.

Приблизительно также оценивала и описала занятия земледелием кумыков в XVIII – нач. XIX в. и С.Ш. Гаджиева в своей монографии «Кумыки» (М.: Наука, 1961. – 378 с.).

Она писала, что «Кумыкская равнина считалась наряду с некоторыми другими районами житницей Дагестана. Благоприятные климатические условия, большие массивы плодородных земель, близость к морю, выгодное географическое положение Кумыкской плоскости, находившейся на очень важной торговой и стратегической магистрали, связывавшей народы Европы и Северного Кавказа с Закавказьем и странами Востока, и многие другие факторы определили направление эконо-

мики кумыков. Хозяйство кумыкского народа носило многоотраслевой характер»¹.

Землепользование у кумыков было хорошо организовано. Пахотные земли и сенокосы, находившиеся в общем пользовании перераспределялись ежегодно или через несколько лет. Их делили по жребию (чѣпсала) во избежание споров. Сход обычно выбирал опытных делильщиков – «кѣурух-башлар» (кѣурух – шест длиной в 2 сажени). Они разграничивали хорошие и плохие земли и делили их уже равномерно всем по паям, т.е. поровну между дымами и хозяйствами. Размер надела зависел от величины земельного фонда, находившегося в общественном пользовании. При этом число членов семьи и их возраст в расчет не принимались.

Вдова не имела права на надел, если у нее не было детей мужского пола. Наделы не получали и те, кто не числился членом джамаата, т.е. не имел оседлости².

Не соблюдался принцип равенства. Землевладельцы или управлявшие селением беки имели адатное право на совместное с крестьянами землепользование. Они получали лучшие участки в размере семи–восьми паев рядовых общинников, а чанки – наполовину меньше. Число бекских паев постепенно росло. Больше других получал и главный кѣурух-баш (4–8 паев)³.

В полеводческом хозяйстве кумыков первое место занимало разведение зерновых культур (пшеница, ячмень, просо, кукуруза, овес, сарачинское пшено (рис), хлопок; сеяли кумыки и огородно-бахчевые культуры, в основном тыквы, арбузы, дыни, фасоль, огурцы. При этом обязателен был полив посевов, как яровых, так и озимых.

После уборки лучшее зерно отделяли для посева, а остальное шло на питание. Десятая часть урожая выделялась в «закят», а девятая часть – в пользу духовенства.

Важную роль играло также разведение бахчевых культур (фасоль, лук, чеснок, арбузы, тыква, дыни, перец). После при-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 81.

² Там же.

³ Там же.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Наука, 1961. – 387 с. С. 62.

² Там же. С.63.

³ Там же. С. 64.

соединения Дагестана к России стали возделываться картофель, помидоры, капуста, морковь¹.

С.Ш. Гаджиева привела целую подборку сведений авторов XVIII – нач. XIX (И.-Г. Гербер, П. Зубов, А.М. Буцковский, Н.А. Караулов, Д.И. Тихонов, И. Клапрот, И. Березин, А.А. Неверовский) о занятиях кумыков выращиванием самого разного характера культур, в их числе марены, хлопка, шелковичных червей, которые приносили им заметный доход.

В целом кумыки были обеспечены зерном. Им они снабжали также жителей горных сел, страдавших от малоземелья и малых урожаев зерновых.

* * *

Важную роль в экономике кумыков играло и скотоводство, составлявшее вторую по значению отрасль народного хозяйства. Развитию этой отрасли хозяйства у кумыков способствовало наличие у них кормовой базы. Об этом уже сказано в работах Х.-М. Хашаева и С.Ш. Гаджиевой. По ее словам А.М. Буцковский писал о кумыках, что они богаты «всякого рода скотом», что феодальные владетели их «имеют конские табуны», из которых «лучшие Чепалава, отличной на Кавказе породы, аксаевскому князю принадлежат... Прежде сего продавали они немалое число лошадей русским»².

По сведениям М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга от 1831 г., Шамхальство имело гористый ландшафт, но в принципе его «долины между горами и морем» были плодородны, обработаны под хлеб, искусно орошены жителями, «посредством пущенных из нагорных речек водопроводов, которые, будучи направлены во все стороны и где нужно укреплены плотинами, совершенно достигают предназначенной им цели». По их же словам, «подданные Тарковских шамхалов, живущие поближе к морю и в горах..., упражняются в хлебопашестве и скотоводстве; «таркинцы, к тому же, занимались еще и оружейным промыслом, торговлей с Кизляром, Дербентом, внутренним Дагестаном»³.

¹ Там же. С. 68–70.

² Там же. С. 71.

³ Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана 1831 г. // ИГЭД. С. 306–308; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. Махачкала. 1999. С. 216–217.

Чтобы не возвращаться далее к вопросу об экономическом развитии Кумыкии вообще, здесь обратим внимание на то, что писал об этом много раз цитированный нами Р.М. Магомедов в 1957 г. Он подчеркнул, что «общественно-экономический строй кумыков в XVIII веке является несомненно более развитым, нежели у каких-либо других народов Дагестана. Этому способствовал ряд особенностей в экономическом развитии Кумыкии... Не следует забывать, что кумыки занимали лучшую в Дагестане территорию – почти всю прикаспийскую низменность. Это единственная плодородная во всем Дагестане полоса, наиболее пригодная для широкого развития земледелия. Особенно хороши были природные условия северной Кумыкии. Здесь имелись богатые пахотные места, тучные пастбища, леса и вода. Хлеб был в изобилии, в то же время в остальном Дагестане в нем испытывалась огромная нужда». И далее он писал, что «Кумыкия, изобилующая сельскохозяйственными продуктами, была, естественно, житницей Дагестана. Если исключить Южный Дагестан (снабжавшийся хлебом через Северный Азербайджан) и Западный Дагестан (снабжавшийся через Северный Кавказ), то Средний Дагестан кормился только кумыкским хлебом»¹. Это же значило, что производство хлеба на продажу стимулировало экономическое развитие Кумыкии. Кумыки, живя на плодородных землях, получали немалую прибыль от сельского хозяйства и от продажи своих произведений в Кизляре. Они сеяли пшеницу, ячмень, просо, пшено», ... разводили лук, чеснок, свеклу, морковь, огурцы, тыкву, дыни, арбузы и виноград. В кумыкских княжествах получило широкое развитие мареноводство. Россия имела на марену большой спрос»².

Экономическому развитию Кумыкии и кумыков способствовало прохождение с древних времен через них важных торговых путей, шедших с севера (Россия) на юг через Дагестан в Закавказье, Иран и втягивавших кумыков еще до XVIII в. в торговлю со странами Закавказья, а также с Россией и Северным Кавказом. Это же привело к образованию у кумыков целой сети таких торговых центров, как Эндирей, Тарки, Аксай, Буйнак,

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. Махачкала, 1957. С. 158.

² Там же. С. 158–159.

Чир-юрт, где нередко встречались персидские и закавказские купцы с русскими, кумыкскими, черкесскими купцами, вступали в торговые контакты.

Давно в исторической литературе за селением Эндирей утвердилось название ворот между горами и долинами Дагестана. Возле села функционировали ярмарки. Более того местным жителям (эндирейцам) больше прибыли приносила торговля пленниками, приводимыми с гор. Эндирейские купцы перекупали пленников-горцев и т.д. и продавали их кизлярским и крымским купцам подороже¹.

Этот вопрос хорошо был исследован Р.М. Магомедовым, отмечавшим, что в работорговле не уступал Дербенту и аул Тарки – резиденция шамхала тарковского. По его сведениям жители Тарков вели «купечество с Персией и Россией. С гор в Тарки привозили пленников из Грузии, армян и черкес, «коих наиболее у них покупали крымские и кубанские татары». Отсюда велась торговля и с жителями Уцмийства, акушинцами, также с Россией – пшеницей, медом и воском. Источник свидетельствует о том, что таркинские женщины из овечьей шерсти и хлопчатой бумаги делали на продажу и на домашнее употребление простые сукна, синие, черные и белые, посредственные ковры, бумажный и частью пенковый холст, сами же покупали лучшие сукна и материи для одежды в Персии и России, откуда и серебро, и золото, свинец, железо получали, а соль брали близь Тарков в 4-х верстах из озера Турали.

У кумыков появилось даже торговое сословие – савдагары – скупщики².

Большим подспорьем для кумыкских землевладельцев высшего разряда было то, что в их распоряжении находились прекрасные зимние пастбища, без которых не могли обходиться горские овцеводы, ежегодно гонявшие своих овец на равнинные пастбища Шамхальства и Засулакской Кумыкии. Сдавая эти пастбища в аренду горцам, кумыкские феодалы извлекали большие доходы, а также держали под политическим контролем горские общества Западного Дагестана, как это имело

место и с салатавскими сельскими обществами. В частности, в зависимости от шамхала, так или иначе находились акушинцы, которые, по свидетельству источника XVIII в., никак не могли содержать своих овец в горах «по причине малости подножного корма, а больше еще и стужи»¹.

Обогащали кумыкских феодалов и находившиеся под их властью рыбные и соляные промыслы. Шамхалу принадлежало соленое озеро Турали, снабжавшее солью практически весь Дагестан².

Захват беками – родственниками тарковских, эндиреевских, аксайских и костековских правителей свободных общинных земель и заселение их крестьянами были связаны с дальнейшим углублением процесса феодализации кумыкского общества. Этот процесс принял особенно широкие масштабы в XVIII в. Права владения на эти земли кумыкские феодалы пытались получить у царских властей в Кизляре, в крепости Святой Крест, о чем имеются документальные свидетельства³.

Кумыкские беки имели преимущественное право перед узденями брать из общинного земельного фонда под распашку и покос 4 пая против одного, а чанки получали 2 пая. К тому же, беки имели и свои собственные кутаны и пастбищные горы для овец, которые они могли отчуждать в посторонние руки.

Что касается наследников умерших беков, то лица мужского пола получали по достижении совершеннолетия свой пай, женщины же не имели права на такой пай⁴.

Встречается и не совсем понятный случай в землевладении, в земельных отношениях. Дело в том, что наряду с четко определенными общинными землями, а также со смешанными наследственными землями беков, «в Кумыкии был третий вид землевладения – общинный. При этом пахотные и покосные земли считались принадлежащими общинам, но должны были платить феодалам подати и нести разнообраз-

¹ Там же. С. 160.

² Там же.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 163.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 159.

² Там же. С. 159.

ные повинности¹. Остается безответным пока вопрос, за что должны были эти кумыки платить подати бекам, если земли считались общинными?

Особенностью земельных отношений у кумыков было то, что: 1) феодальной рентой были обложены все выходцы из разных территорий, селившиеся на шамхальских и бекских землях; 2) в феодальном хозяйстве в Кумыкии преобладающее место принадлежало натуральной ренте и затем следовала отработочная рента (бильха-барщина).

Особое значение имела пастбищная рента. С конца XVIII в. и особенно с начала XIX в. в Кумыкии шло усиление отработочной системы эксплуатации крестьянства и рост товарно-денежной экономики. Шамхал за сдачу в аренду на зиму одного кутана взыскивал с арендаторов до 200 баранов².

Податное население Тарковского шамхальства состояло из узденей – выходцев из кумыкских, даргинских, аварских сел, чагаров, евреев и ногайцев. Рента, взимаемая в Шамхальстве, была также разнообразной, как и в других местах. Она выступала в формах кент-ясака (взимаемого с отары баранов), бильха (барщины – выставка плугов, жнецов, косцов), арба-агач (подводная или аробная повинность), сабу (мера около пуда и 10 фунтов хлеба, взимаемая с посевов), сбор мякины для скота³.

В целом вся территория, населенная кумыками, южными кайтагами, терекменцами, табасаранцами, и лезгинские районы, расположенные к югу от Дербента, считались наиболее благоприятными для земледелия. Земля в этой части Дагестана служила основным средством и условием производства.

Благоприятными были для земледелия условия и в Кайтаге, особенно в равнинной его части, на которой выращивали всякого рода злаки, зерновые, хлопчатую бумагу, шафран, разводили шелковицу (тутовник) для шелковичных червей, марену и т.д. Дербентская округа славилась «плодами древесными и огородными, как-то виноградом, гранатами, миндалями, орехами, яблоками, грушами, дынями, арбузами и разных родов фруктами». Примечателен и вывод Р.М. Магомедова о том, что

«в предгорной прибрежной полосе Дагестана основой хозяйственной жизни народов было земледелие, а скотоводство здесь играло подсобную роль»¹.

Р.М. Магомедов вполне справедливо писал, что «в среднем, западном и нагорном Дагестане население существовало преимущественно скотоводством. Англичанин Д. Белл писал в своем дагестанском дневнике, что в Дагестане «водятся преизрядные лошади и множество скота, шерсть их овец столько хороша, что я такой нигде не видывал»².

Это, естественно, не означало, что в горах не занимались земледелием. Напротив, «пахотной землей горец дорожил больше всего»³. Но сеять в горах хлеб можно было только на узких полосах в низинах, ущельях и долинах рек. Скалистая поверхность гор и речных долин, где обычно бывают расположены удобные под посевы участки земли, не дает возможности горцам засеять большие участки. Острое малоземелье, характерное горной части Дагестана, вынуждало горцев с древнейших времен заниматься весьма трудоемким террасированием горных склонов, чтобы образовать какие-то резервы пахотных земель, без чего горец не мыслил свою жизнь.

Обычно на маленьких террасах сеяли лук и чеснок, морковь. На террасах по краям сажали фруктовые деревья и постепенно развивалось садоводство. Особо этим славилась селения Гергебиль, Ботлих, Гимры, Тлох, Хаджал-махи, Цудахар, Хиниб, Заиб, Хоточ, Харачи, Орота.

В целом же земледелием занимались во всех районах Дагестана без исключения. Но наиболее продуктивным оно было в приморском, прибрежном, предгорном Дагестане, где ведущее место занимали посевы пшеницы, ячменя, проса и кукурузы.

В горных районах высевался обычно местный сорт пшеницы «магар»⁴. Но в принципе в горах своего хлеба не хватало до следующего урожая. Горцам ежегодно приходилось решать проблему зерна. Одним из путей решения этой проблемы явля-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 166.

² Там же.

³ Шамхалы Тарковские // ССКГ. 1868. В. I. С. 78.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 375.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 376.

лось отходничество, т.е. ранней весной, когда природа оживала от зимней спячки и начинался пахотный сезон на плоскости, многие горцы группами, по несколько человек, т.е. небольшими караванами отправлялись в плоскостные селения, принимали активное участие в пахоте земельных участков местных жителей, получая за это определенное количество зерна. Особенно продуктивным бывал сельскохозяйственный отход во время уборки зерновых культур, когда жители плоскости сразу же выплачивали натурой горцам плату за их работу по уборке урожая.

Также трудовые контакты между горцами и равнинными жителями являлись регулярными, были взаимовыгодными, способствовали в целом укреплению дружественных отношений между народами Дагестана.

Другой путь решения зерновой проблемы для горцев состоял в приобретении зерна в обмен на фрукты или на изделия их ремесел, которые широко были развиты в горах Дагестана.

Здесь можно писать и шире о местах, где зерно можно было приобрести дешевле, о системе созыва существовавших или вернее собиравшихся в определенном месте и в определенное время базарах, отдельные из которых имели общедагестанское, региональное или локальное значение. Можно характеризовать выставлявшиеся на торговлю (продажу) товары, их качество и количество и т.д. Но этого мы не станем делать, поскольку задача этой части работы – самое краткое освещение уровня развития земельно-правовых отношений, состояния сельского хозяйства Дагестана, основных его отраслей.

Завершив вопрос о земельных проблемах и констатировав приоритетное значение земледелия в сельскохозяйственном производстве, перейдем к освещению проблем, связанных с развитием скотоводства в Дагестане, с его местом в экономике жителей разных климатических зон Дагестана.

***

Обычно этот вопрос большинство исследователей истории Дагестана начинают с констатации, что вторым главным занятием народов Дагестана было скотоводство. Так, думал поступить и я. Но, ознакомившись с мнением Х.-М.О. Хашаева о том, что он не согласен «с традиционным мнением, что основ-

ным занятием горцев Дагестана было скотоводство», решил более внимательно отнестись к его словам. Он был весьма логичен в своих суждениях. Он исходил «из того факта, что во второй половине XIX в. более 70–80% крестьянских хозяйств в исследованных им «горных округах были безовечными. Таким образом, большинство горцев не было связано с основным видом животноводства – овцеводством.

Крупный рогатый скот в горах не занимал большого места в общем балансе животноводческого хозяйства, так как требовал стойлового содержания в течение четырех–пяти месяцев, для чего горцы имели слишком ограниченные возможности: отсутствие крупного зернового хозяйства и обширных сенокосов. Среднее по мощности хозяйство имело две–три горские коровы (они были мелки и малоудойны), две–три головы молодняка, одного вола, одного или двух ослов»¹. По мнению Х.-М. Хашаева, «это поголовье, разумеется, не могло быть основным источником существования семьи из четырех–пяти человек». Он склонялся к мысли, что «за исключением небольшого числа хозяйств горцев, не имевших земли, все остальные, т.е. 80–90% занимались полеводством и садоводством, и доход от этих отраслей хозяйства являлся для большинства горского населения основным источником существования, тем более, что «земледелие не обеспечивало горца хлебом на весь год»². Недостающее количество хлеба он приобретал в плоскостных районах Дагестана и за его пределами за счет реализации скромных результатов своего животноводческого труда, изделий ремесла, а также личного заработка на отхожих промыслах»³.

Горцам приходилось много трудиться, чтобы использовать крутые склоны гор под посевы, создавать пахотные участки в виде террас. Лишь в результате гигантского труда многих поколений в горах Дагестана появилось террасное земледелие. «Земельных массивов, которые легко можно было бы приспособить под пашни, в горах было мало». Поэтому пахотные земли ценились на вес золота, но для пастбищ они не представляли

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 81.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 86.

никакой ценности. Стоимость земли определялась и ее близостью к воде (речке, роднику) и селению: чем ближе – тем дороже.

Работа Х.-М. Хашаева содержит много интересных данных о садоводстве как в горном Дагестане, так и в его плоскостной части. По его словам Н. Дубровин восторгался фруктовыми деревьями в салатавских лесах, где росли виноград, грецкие орехи, курага, вишня, виноград, рябина, тутовые деревья, дубы, чинары, липа, осина, персики, айва, яблоки, груши¹. Такие же деревья росли в кайтаго-табасаранских лесах, в Самурском лесу. Их плоды не пропадали даром. Их собирали местные жители, сушили, заготовливали впрок. Особенно в этом плане ценились грецкие и лесные орехи, которые можно было хранить долго и при транспортировке они не портились.

***

Во многих селениях горного Дагестана разведение фруктовых деревьев (яблони, курага, абрикосы, груши, вишни, черешни) стало основным занятием их жителей. Они в урожайные годы зарабатывали не менее земледельцев и скотоводов, основным экономическим занятием которых было животноводство, особенно овцеводство, носившее отгонный характер, т.е. овец на зиму приходилось перегонять на зимние пастбища, арендуя их у жителей равнинных обществ или владельцев за определенную плату. Животноводство Дагестана и его особенности достаточно полно и верно были освещены Х.-М. Хашаевым, писавшим, что «жители плоскостной и предгорной зон Дагестана занимались разведением преимущественно крупного рогатого скота (быков, коров, буйволов и буйволиц); у жителей горной зоны было развито овцеводство, разведение крупного рогатого скота занимало второе место». Во всех зонах Дагестана содержали коней для верховой езды, а ослов и мулов для перевозки грузов.

Птицеводство тоже было известно в Дагестане. В горах разводили кур и петухов, а на плоскости – кур, петухов, уток, гусей, индеек. Крупный рогатый скот плоскостного Дагестана отличался заметно величиной и большой продуктивностью. Однако ему трудно бывало преодолевать подъемы и дальние

перегоны. Более был вынослив скот местной горной породы. Корова такой породы давала за лактационный период только 300–400 л. молока¹.

Горные общества имели хорошие летние пастбища, но зимой они не могли обеспечить кормами большие отары. Поэтому у горцев практиковалась отгонная система животноводства: в конце сентября овцы и козы, а иногда и крупный рогатый скот перегонялись на зимние пастбища, расположенные на Терско-Сулакской и Приморской низменностях Дагестана, а также на равнинах Азербайджана и Грузии. Овцы сел Южного Дагестана перегонялись на зимние пастбища Азербайджана. Так было много веков подряд.

Овцы дидойцев и антльратлинцев спускались на приалазанские равнины. Овцы андийцев, гумбетовцев и салатавцев зимовали на кутанах Терско-Сулакской низменности. Овцы же даргинцев и ряда аварских обществ, а также лакцев перегонялись на зимние пастбища (кутаны) Приморского Дагестана². Весной овцы перегонялись с плоскости на горные альпийские пастбища. Отгонная система скотоводства (овцеводства, в частности) была сопряжена с довольно серьезными трудностями. Дело было не только в том, что овец с гор на плоскость осенью и с плоскости в горы весной не очень легко бывало гонять по еле проходимым тропам, узким горным дорогам в дождь и грязь, нередко в мороз, снег, в жару и даже в бескормицу. При этом бывали падежи овец, хищение их по дороге, особенно в ночное время. Да и волки не щадили их. Порой нелегко удавалось уговорить владельцев пастбищ (феодалов) уступить подшефле право аренды, так как феодалы – владельцы пастбищ старались получить с овцеводов возможно высокую арендную плату.

На плоскости зимы не всегда бывали относительно теплыми. Поэтому на случай суровой зимы надо бывало заготовить запас кормов, иметь кошары для овец, что обходилось для овцеводов недешево. Особенно ответственным был период окота овец, когда надо было принять ягнят, организовать их кормление и т.д. Периоды дойки и стрижки овец требовали

¹ Хашаев Х.-М. Общественный строй... С. 89.

² Там же.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 86

большого количества людей. Многие жители, имевшие по 50–60 голов овец, объединяли их в общую отару или в «кош», расходы на общее их содержание и уход за ними распределяли между собой пропорционально количеству овец. При этом один из членов «коша» выбирался удаманом (главным) и ему подчинялись все остальные чабаны.

По мнению Х.-М. Хашаева, в XIX в. наиболее крупные овцеводы сосредотачивали в своих руках основное поголовье овец и коз. Они приобретали летние и зимние пастбища, ставя в зависимость от себя мелкие овцеводческие хозяйства. Часто бывшие мелкие овцеводы разорялись и превращались сами в чабанов у крупных овцеводов. На мой взгляд, овцеводческое хозяйство постепенно приобретало товарный характер. Но этот вопрос нуждается в более аргументированном специальном освещении.

Здесь же, чтобы завершить поднятый в данной работе основной вопрос об уровне развития и раннекапиталистическом или феодальном характере овцеводства в Дагестане в конце XVIII – начале XIX в., проанализируем выводы и наблюдения дагестанских исследователей по этой проблеме.

По мнению такого знатока истории Дагестана, каким был Х.-М. Хашаев, «уход за крупным рогатым скотом в горах резко отличался от содержания овец и коз. Крупный рогатый скот, за редким исключением, зимой оставался в горах на стойловом содержании. Уход за ним считался исключительно женским занятием»¹.

Мужчины принимали участие в уходе за крупным рогатым скотом, когда он уже находился на хуторе, а не в ауле. Интересно, что на хуторах скот оставался без всякой охраны. Обычно один из членов семьи ежедневно ходил на хутор, чтобы кормить и поить скот, а вечером возвращался домой в аул. С наступлением весны каждое сельское общество нанимало пастухов для каждого отдельного стада. Наем пастуха осуществлялся на сельском сходе. При этом из волов и бычков составляли отдельное стадо, которое в мае переводили на летнее пастбище, где оно оставалось до осени.

Молочный скот объединяли в отдельное стадо. Его пастух утром гонял на ближнее пастбище, а вечером пригонял обратно. Вечером коров подкармливали свежей травой, которую обычно приносила домой каждая женщина, возвращаясь с полевых работ. Коров доили утром и вечером¹.

У многих селений пастбища бывали расположены вдали от сел и ежедневный их перегон туда и обратно отрицательно влиял на продуктивность скота. В таких случаях скот оставался на горных пастбищах до осени. При этом пастуха не нанимали, а семьи, имевшие коров и быков, каждая в отдельности или, объединившись в группы, по очереди или постоянно находились на летних пастбищах и занимались переработкой молока на масло, сыр и творог. Доить коров считалось позором мужчинам. Поэтому на летних пастбищах за молочным скотом ухаживали дети и женщины.

Телят и ослов объединяли в отдельные стада. Для них тоже пастуха не нанимали, а каждая семья по очереди выставляла одного человека, который утром отгонял телят и ослов на пастбище, а вечером пригонял.

Особое стадо составлялось из яловых коров и нетелей. Это стадо оставлялось на пастбище, его в село не гоняли, а загоняли в огороженные места, чтобы оно не разбежалось².

Приведем еще одну выдержку из работы Х.-М. Хашаева, описавшего всю технологию производства молочной продукции в условиях летних пастбищ. Он писал, что «из коровьего молока горцы, за исключением келебцев и богосцев, сбивали масло. Молоко в широких гончарных сосудах отстаивалось до тех пор, пока не образовывалась сметана. Затем сметана снималась в специальные маслобойные гончарные кувшины. Через день или два масло перетапливалось. Из снятого молока делали творог, который засаливали. На сыворотке варили мамалыгу, сыворотку пили также с хинкали (вид пельменей). Из овечьего молока обычно делали брынзу. Доением, стрижкой овец и переработкой овечьего молока в брынзу занимались исключительно мужчины»³.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 90.

² Там же.

³ Там же.

¹ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана. С. 90.

Вопрос об отгонном овцеводстве привлекал внимание еще в XVIII–XIX вв. многих историков, военных и царских генералов, успешно использовавших это обстоятельство, чтобы держать горские народы под своей властью в годы освободительной борьбы горцев под предводительством имама Шамиля: обычно царские войска задерживали находившийся на плоскостных пастбищах скот непокорных царю горских сел. И горцам во многих случаях приходилось выполнять так или иначе указания царских властей¹.

Перегон скота в известной мере оказывал влияние «на общность экономических интересов дагестанцев, на их культурно-исторические взаимосвязи. Жители нагорной части Дагестана: аварцы, даргинцы, лакцы и др. арендовали у кумыков зимние пастбища на равнине. Кумыки же пользовались богатейшими летними пастбищами в горах на тех же арендных условиях. В отличие от своих соседей, кумыки в основном перегоняли в горы мелкий рогатый скот и лошадей, а крупный оставляли на равнине... Начало перегона торжественно отмечалось богатым угощением»², музыкой и т.д.

По сведениям А.М. Буцковского, кумыки, в их числе и засулакские, «с вольными лезгинскими обществами Андии и Ботлуха (цитируемый автор, видимо, не знал, что андийцы и ботлихцы составляли не «лезгинские», а авароязычные группы населения – авт.), на северной стороне Кавказа в снежных горах обитающими, в добром сношении и торг» имели³.

Наиболее тесные связи с засулакскими кумыками в изучаемый период имели жители Салатавии. А.М. Буцковский писал, что они были «расселены по левому берегу Койсу в горах до высокого гранитового кряжа оных», что «они до прибытия кумыков в настоящую Кумыкскую область уже на сих местах сидели, но питаясь большею частью овечьими стадами, кои зимою в горах не находят пастьбы, и будучи кумыками как заперты, сии причины уповательно принудили их по завоевании кумыками понизовьев покориться сим последним, так что ныне

Андреевские (эндиреевские – авт.) и костюковские (костековские – авт.) князья, коим они подвластны, и земли их своими почитают»¹. Далее он отметил, что салатавцы платили дань кумыкским князьям баранами и хлебом и обязаны были сопровождать их «в воинственных походах и всегдашней быть готовности к посылкам, платя сверх того за земли малую часть деньгами...». Главное же их преимущество состояло в основном в овечьих стадах, «кои на зиму отгоняют в понизовья кумыков, и в садах, производящих отменный род винограда и фруктов»².

В экономике кумыков Засулакии важную роль играло и коневодство. А.М. Буцковский в 1812 г. писал о засулакских кумыках, что «всякого рода скотом кумыки богаты и богаче чеченцев», что конских табунов у них было шесть и в каждой табуне насчитывалось до 600 лошадей», что «собственно для себя кумыки достаточно имели лошадей, но для подвластных им народов пригоняются из Кабарды. Прежде всего продавали они не малое число лошадей русским»³. Если учесть, что одна лошадь в XIX в. стоила в среднем 30 рублей, осел – 10 руб., корова или бык – 20 руб. и баран – 3 руб., то «стоимость всего поголовья скота Дагестанской области составляла 13 млн. руб. Это по данным профессора Х.-М. Хашаева»⁴.

В экономике кумыков и горцев Дагестана в целом важную роль в конце XVIII – начале XIX в. играли и другого плана экономические связи, в частности, засулакские кумыки свои овечьи стада отгоняли на лето в горы, где тоже, как и горцы на плоскости, арендовали пастбища.

С.Ш. Гаджиева также составила отличное описание экономической деятельности кумыков в изучаемый нами период. Это ею было сделано в работе «Кумыки», изданной в 1961 г. в издательстве АН СССР. Она обратила внимание на то, что кумыки не только скотоводством и земледелием занимались, но

¹ Там же.

² Там же; Умаханов М.-С.К. Феодалные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи (экономический аспект). Махачкала, 2008. С. 172–173.

³ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 71; Буцковский А.М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 244.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 91–93.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 90–91

² Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 71.

³ Буцковский А.М. Выдержки из «Описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г.» // ИГЭД. С. 240.

вели многоотраслевое хозяйство. Занимались и птицеводством. Разводили кур и петухов, уток, гусей, индюков.

Занимались они и рыболовством, поскольку жили на берегу Каспийского моря или близко к нему. Основным рыболовным районом была р. Сулак, изобильная рыбой, особенно в ее низовьях, начиная от Султан-Янги-юрта до самого моря. Морская ловля рыбы мало практиковалась, так как была опасной, а лодки – долбленки не могли гарантировать безопасность рыбакам. Более безопасные лодки стали появляться с начала XIX в. Но у рыболовных участков появились уже хозяева в лице шамхала тарковского и кумыкских князей, которые стали отдавать рыбные промыслы на откуп русским промышленникам. В частности, шамхал получал с рыбопромышленников до 10 000 руб. серебром в год. Такие рыболовные участки, как Кут, остров Чечень, Лопатин, Сулак, Турали, Бурун, Буйнак находились на откупе у коллежского асессора Давидова. Он платил 3000 руб. за откуп. Доходы их росли по мере роста спроса на дагестанскую рыбу¹. Не оставались внакладе и местные кумыкские владельцы рыбных участков.

Нефть и соль, также добывавшиеся в Дагестане, принесли определенные прибыли организаторам их добычи.

Сельское хозяйство к началу XIX в. перестало носить только потребительский характер, и стало приобретать товарное значение. В экономическом развитии кумыков огромную роль сыграло присоединение их к России в 1813 г., установление тесных торгово-экономических связей с русскими переселенцами в регионе. Кумыки, по словам С.Ш. Гаджиевой, заимствовали у русских переселенцев более передовые методы и способы обработки земли, более совершенные сельхозорудия, новые, более высокоурожайные сорта злаковых культур, овощей и т.д. Произошло улучшение оросительной системы. Заметные сдвиги произошли в технике рыбной ловли, значение которой с каждым годом возрастало. В нее вовлекались и представители местных народов. Общаясь с кумыками, знакомясь с их материальной и духовной культурой, русские переселенцы, в свою очередь, многое заимствовали у кумыков в пище, одежде, переняли их положительный производственный опыт, не

известные им до этого методы ведения хозяйства в условиях южного климата, особенно в области виноградарства и виноделия, консервирования и заготовки продуктов впрок. Много кумыкских слов вошло в словарный фонд терских казаков. Как писал А.В. Фадеев, взаимное общение трудовых масс коренного и пришлого населения «способствовало успешному хозяйственному освоению предкавказских степей».

С.Ш. Гаджиева писала вполне справедливо, что «наличие широкой сырьевой базы способствовало развитию у кумыков наряду с земледелием и животноводством разнообразных кустарных промыслов. Сельскохозяйственное сырье (шерсть, хлопок, шелк, овчина и др.) перерабатывалось тут же в домашнем хозяйстве. Шерсть использовалась для изготовления сукна, узорчатых войлочных паласов, в ковроткачестве; хлопок шел на изготовление тканей для одежды; шелк – на платки, пояса, нитки; овчина – на одежду, обувь, головные уборы; железо – на орудия труда, оружие; древесина – на сельскохозяйственный инвентарь, утварь, предметы домашней обстановки; глина – на изготовление разнообразных гончарных изделий и др.»².

При этом основная часть изделий шла на удовлетворение нужд крестьянской семьи. Часть вещей шла на продажу, приобрела товарное значение. В домашних промыслах были заняты как женщины (обработка шерсти, шелка, ткачество, обработка овчин и др.), так и мужчины (обработка металлов, дерева, камня, кожи, гончарное дело и др.)»³.

Кумыкские женщины ткали сукна, хлопчатобумажные ткани, шили из них одежду, изготавливали войлоки (арбабаши)⁴. Отметим, что технология изготовления изделий достаточно наглядно изложена С.Ш. Гаджиевой.

В работе С.Ш. Гаджиевой нашли отражение (снимки) станки и др. техническое оборудование, использовавшееся при изготовлении многих красивых и нужных в быту вещей. Наша задача не заключается в их детальном освещении. Нам надо как-то более выпукло показать их экономическое значение. На-

¹ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 104; Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 76.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 76–77.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 72–73.

пример, для подтверждения идеи нашей работы о важном значении домашних промыслов в экономике кумыков несомненно значителен такой факт, что в селах Кумыкской плоскости производилось шелка около 875 пудов, а его реализация шла на местных рынках в Хасавюрте и Грозном¹. Эта цифра – свидетельство огромного вклада кумыкских детей и женщин в развитие экономики Дагестана.

Как и во всех селениях лезгин Южного Дагестана, а также и Табасарана, в кумыкских селениях было развито ковроткачество, которым занималась женская часть населения с ранних лет до глубокой старости. Кумычки изготавливали (ткали) ковры разных размеров, любого назначения и удивительной красоты. И они пользовались неперенным спросом на рынках и ярмарках. Кумычки сел Кумторкала, Эндирей, Нижнее и Верхнее Казанищи, Карабудахкент, Каякент и т.д. тоже ткали ковры, изготавливали из шерсти войлок (арбабаши)². При нужде в чем-либо их продавали, меняли и т.д. Циновки изготавливались из болотной осоки («екен») на специальном ткацком станке³.

Важную роль в хозяйстве кумыков играли обработка дерева, производство из него отдельных видов деревянных изделий – плугов молотильных досок, вил, лопат, саней, каюков для рыбной ловли, ободьев и спиц для ароб⁴. Не менее важным было и производство домашней утвари и предметов обстановки. посуды, корыт, подносов, досок для раскатывания теста, табуреток, стульев, столиков, люлек, ложек, чашек и т.д.

Изготавливались и молотильные доски из широких дубовых досок. Из дерева изготавливались и двухколесные кумыкские арбы⁵. Со второй половины XIX в. у кумыков появились арбы с железными обручами на шинах⁶. Изготавливались из дерева же и хранилища для зерна и др. продуктов⁷.

¹ Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 201–202; Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 79.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 79.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 92–93.

* * *

Обработка металла также получила широкое распространение в кумыкских селах. При этом основное место отводилось изготовлению сельскохозяйственных орудий и оружейному делу. Еще Н. Дубровин в XIX в. отмечал, что среди кумыков есть «оружейники, слесаря, серебряники»¹, которые для производства железных изделий пользовались местной рудой, которую добывали близ с. Карабудахкент и кутана Гийик Салган, а также близ с. Верхнее Казанище, в котором в свое время (первая пол. XIX в.) заслуженной славой пользовались оружейники Базалаевы и Иражабовы.

По словам автора пер. пол. XIX в. И.Н. Березина «лучшим мастером кинжальных клинков» считался покойный к тому времени «Базалай-отец»², клинки которого вывозились в Россию и стоили 10–12 руб. Известно, что для монтажа и художественной обработки кинжалов и шашек кумыкские мастера иногда отправляли свои клинки в известные златокузнечные центры Дагестана – Кубачи и Амузги³.

Широко известно было медночеканное искусство каякентских мастеров. Центрами ювелирного производства являлись селения Янгикент, Аксай, Тарки, Маджалис, Эрпели, Кафыр-Кумух, Султан-Янги-юрт⁴.

Свой вклад в развитие экономики Дагестана вносили и кумыкские торговцы, которые разворачивали свою деятельность на еженедельных базарах. Базарным днем в тот период считалась пятница. Основными торговыми центрами в начале XIX в. были селения Эндирей, Тарки, Нижний Дженгутай и Султан-Янги-юрт, куда, по словам С.Ш. Гаджиевой, собирались торговые люди не только из всего Дагестана, но и из Центральной России, Кабарды, Осетии, Персии и т.д. Особо выгодное место в торговле занимал аул Эндирей, где были тогда целые кварталы, населенные евреями и армянами, торговавшими разнообразными товарами из самых отдаленных мест.

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Кн. I. Т. I. С. 630.

² Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. СПб., 1851. С. 102.

³ Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.–Л., 1949. С. 77.

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 96.

Мне думается, что более важное значение имела торговля кумыков зерном, в котором во все времена нуждались народы Дагестана, особенно его высокогорной части.

Совершенно справедливо мнение С.Ш. Гаджиевой о том, что: «Кумыкская равнина издавна служила житницей – поставщиком зерна, овощей и винограда для многих районов Дагестана. Даргинцы, аварцы и лакцы привозили кумыкам сукно, бурки, холодное оружие, гончарную и деревянную утварь и т.д., а также продукты животноводства и обменивали их на хлеб. В результате установившегося разделения труда между кумыками и народами Нагорного Дагестана у первых постепенно расширялись посевы зерновых культур, развивались садоводство и виноградарство. Главным предметом торговли у кумыков был хлеб. Он реализовывался не только на внутреннем рынке Дагестана, но и за его пределами, в частности, в пограничных русских городах»¹.

Приведенные данные позволяют говорить о том, что экономика Дагестана в исследуемый период постепенно делалась многоотраслевой, многоплановой, более насыщенной продукцией земледелия, животноводства. Народам Дагестана было где работать, где заниматься созидательным трудом, а не заниматься грабежами и разбоем, какими пытались их представить авторы прошлых времен.

Свидетельства многих побывавших в Дагестане в изучаемый нами период лиц разного ранга позволяют ставить вопрос об определенном сдвиге народов Дагестана вперед в социально-экономическом развитии. Они же позволяют при их внимательном анализе констатировать то, что экономика Дагестана постепенно шла к единению, к формированию единого экономического пространства даже в условиях господства феодальной раздробленности его на множество феодальных владений и союзов сельских обществ, отсутствия в Дагестане единого всеобщего органа государственной власти, единого центра управления. Экономика каждого из народов Дагестана, независимо от производственных отраслей – было ли это зерновое хозяйство, ремесленное производство, скотоводство, овцеводство или коневодство – являлась составной частью экономики всего

Дагестана. Иначе говоря, продукция производства любого народа Дагестана не отвергалась, а становилась через многосторонние межэтнические торгово-экономические контакты составной частью и достоянием экономической жизни всех народов Дагестана, так или иначе способствовала удовлетворению их жизненных потребностей.

Особую роль в этой экономической деятельности народов Дагестана и контактов между ними играли села, в которых традиционно собирались базары-ярмарки, имевшие международное, региональное или локальное значение.

В Южном Дагестане международного масштаба роль в торговле играл город Дербент, на рынке которого можно было найти товары самого разного назначения из стран Закавказья, Ирана, Афганистана, Индии. Не забудем при этом также страны Европы и Россию, Крым и Турцию.

Практически такую же важную роль играл и базар у Тарков. В Тарках проживало «до 10000 душ», которые занимались хлебопашеством и скотоводством, сеяли просо, ячмень, пшеницу и сарачинское пшено», вели обширную торговлю с Кизляром (тоже играл роль торгового центра международного и регионального значения – авт.) и жителями Дербента, народами Северного Кавказа, горцами Дагестана, и особенно с засулакскими кумыками¹. Все это способствовало усилению и расширению, а также укреплению межэтнических экономических связей в Дагестане. Свой вклад в это дело вносила и деятельность базаров, собиравшихся регулярно в Кумухе, Казанище, Дженгутае, Цудахаре, Эндирее, Аксае, Ахтае и собиравших торговцев и покупателей не только своего региона, но и из более отдаленных мест Дагестана.

Сказанное выше позволяет констатировать относительно высокий уровень развития экономики любого из регионов, феодальных владений и союзов сельских обществ Дагестана во второй половине XVIII – начале XIX в. с учетом их местных климатических условий. Этот уровень развития экономики Дагестана того времени, несомненно, способствовал развитию, углублению и укреплению феодальных производственных от-

¹ Умаханов М.-С.К. Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи (экономический аспект). Махачкала, 2008. С. 174–176.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 101.

ношений в Дагестане, несмотря на упорное сопротивление крестьянства его союзов сельских обществ и феодальных владений наступлению феодалов разного ранга на социальные права крестьянского, эксплуатируемого так или иначе феодальными условиями класса.

Внимательный анализ имеющихся в распоряжении исследователей разнообразных данных по экономическому и социальному развитию Дагестана вполне может убедить исследователей и широкую публику в том, что в этих вопросах Дагестан особо не отставал от тогдашней эпохи, по сути дела в горах преобладало товарное овцеводство¹. Дагестан был в принципе самодостаточной экономической областью Северного Кавказа, хотя и не с совсем райскими условиями жизни.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 92–94.

ГЛАВА 2. Административно-политическое устройство Дагестана во второй половине XVIII – начале XIX вв.

Политическое положение любого государства или государственного образования определяется их внутривнутриполитическим и внешнеполитическим положением. Это относится непременно и к Дагестану и к каждому из его феодальных владений, которых насчитывалось в изучаемый период около 15¹, и союзам сельских обществ, которых было свыше 60². Е.И. Козубский и А. Комаров насчитывали до 80 союзов с. о.(с. о. – сельское общество), Р.М. Магомедов считал, что их было 68³. Вряд ли их число точно можно установить, так как их составы часто менялись. Одни из них расширялись, как бы поглощая других, а некоторые из них попадали под власть феодалов и прекращали самостоятельное существование. Нередко крупные союзы сельских обществ (равнозначно – «общин») поглощали мелких и расширяли свои границы.

На территории Дагестана функционировали в изучаемое нами время следующие феодальные владения. В северной части Дагестана (т.е. между реками Сулак и Терек) располагались Эндиреевское, Аксайское и Костековское княжества; соответственно их резиденции располагались в селениях Эндирей, Аксай и Костек. Ведущим считалось Эндирейское владение, образовавшееся в конце XVI – начале XVII вв. и от которого к концу XVII в. отпочковались Аксайское (равнозначно – Аксаевское – авт.) и Костековское (равнозначно – Костекское – авт.) владения и получили статус самостоятельных феодальных владений.

В Среднем Дагестане, т.е. южнее р. Сулак и до границ с Кайтагским уцмийством, занимая приморскую и значительную часть предгорного и горного Дагестана, располагались Аварское (резиденция – Хунзах), Казикумухское (резиденция – Кумух), Мехтулинское (резиденция – Нижний Дженгутай) ханст-

¹ История Дагестана. В 4-х т. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 320–328.

² Там же. С. 328–333.

³ Алиев Б.Г. Союзы сельских обществ Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. – 339 с. С. 229.

ва, Тарковское шамхальство (резиденция – Тарки), Кайтагское уцмийство (резиденции – Маджалис, Башлы); в Южном Дагестане находились Дербентское (центр – Дербент) и Кюринское ханства (резиденция – Курах, Кюринская крепость), а также Табасаранское майсумство (Хучни – резиденция) и Табасаранское кадийство (центр – Чёгрех или Джерах).

Остальная территория обитаемой части Дагестана была занята, как уже отмечалось, многочисленными союзами сельских обществ, различавшихся между собой количеством и этническим составом населения, а также численностью входивших в каждый конкретный союз сельских обществ.

Интересные обобщенные сведения по этому вопросу со сносками на источники привел в своей работе, вышедшей в свет в 1999 г. профессор Б. Г. Алиев. Он подчеркнул, что союзы сельских обществ аварцы называли «бо» (войско), даргинцы – «табун» или «хIуреба» (войско, ополчение), лезгины «пара» (часть), табасаранцы – магьял (магал)»¹.

Среди союзов сельских обществ различались крупные и сильные, а также слабые союзы. У аварцев были известны Гьидарил бо (Гидатлинское войско), Пандилазул бо (андийское войско), КъекIдерилар бо (кахибское войско), Цунтадирал бо (цунтинское войско), Каралазул бо (карахское войско), Лъбелал бо (центр Гведиш), Пмарил бо (центр Колоб), Къондал бо (центр Камилух), Бугъундил бо (центр Гинтиб), Тяшдил бо (центр Мазда), Нахъбазул бо (центр Чиркей)² и т.д.

У даргинцев были известны: Акъушала хIуреба, Цудхъурла хIуреба, ХIурхъила хIуреба, Усала хIуреба, СирхIяла хIуреба, МухIела хIуреба³, МикIхIела (мекегинское) хIуреба.

Название, вернее приставка «пара» была распространена у лезгин долин рек Самур, Ахтычай, Курахчай. Их союзы назывались Ахты-пара, Алты-пара, Докузпара. У табасаранцев определителем являлась приставка мягьял и были известны союзы с.о. Нитрич мягьял (НитIрихъар), Дрич мягьял (Дерчвар или Дырче), Кухурук мягьял (Кухрик), Сувак мягье, Сугъкар

мягьял (Сувкар), ЧуркIулар мягьял (Чуркул), Жванар мягьял, Гъуннар мягьял, Этагар мягьял, Харали-ар, Кирах мягьял, Хирар мягьял¹.

Что касается разноречивости сведений о численности союзов сельских обществ, она вызвана следствием отсутствия четкого их определения и специального исследования².

Степень участия союзов сельских обществ в политической жизни Дагестана и важность их роли в истории Дагестана становятся более ясными, когда определишь не только их общее количество и установишь, хотя бы приблизительно, численность их поселкового состава и населения в целом. И здесь надо отметить важный вклад Б.Г. Алиева в решение этого весьма сложного вопроса.

По его сведениям в 30-е годы XVIII в. Койсубулинский союз состоял из 7 сел, Гумбетовский – 18. В 1796 г. в союзах Ахты-пара, Алты-пара, Докуз-пара было «до 30 деревень», где проживало до 30 тыс. человек мужского пола. Рутульское владение состояло из 12 сел с 2000 человек мужского пола³. Федерация табасаранских союзов сельских обществ Девек-Елеми состояла из 15 сел с 5000 душ мужского пола. В конце XVIII в. в федерации верхнедаргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго было более 30 000 дворов и до 1000 тыс. жителей (подчеркнуто мной – У.-М.С.). Мне кажется, что здесь цифры несколько искажены, поскольку, если 1000 умножим на тысячу, в результате получается 1000000, т.е. миллион, а столько жителей в Акуша-Дарго при самом почтительном к нему отношении в нем не могло проживать в XVIII – нач. XIX вв. Более верны сведения П.Г. Буткова, что «имеет шамхал в своей зависимости народы акушинские, кои, будучи соединены с природными его подданными, составят до 100 т. мужского пола»⁴.

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин... С. 229; Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1978. С. 12; Он же. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 203–204.

² Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана: Проблема, история, перспективы // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1981. С. 5.

³ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин... С. 229.

⁴ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин... С. 228–229.

² Там же. С. 229.

³ Там же; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 238; Магомедов Р.М. Указ соч. С. 60–61.

Это вполне реальная цифра, хотя П.Г. Бутков в другой работе писал, что шамхал тарковский получал подати «от принадлежащих ему владений и более акушинского народа 26000»¹.

Союзы сельских обществ Самурской долины Ахты-пара, Алты-пара и Докузпара насчитывали 8100 семей и 40500 душ мужского пола, а по другим сведениям XIX в. – 48600 душ обоего пола. По сведениям 30-х гг. XIX в. Койсубулинский союз состоял из 18 сел с 1500 хозяйствами. В это же время в союзе Ахты-пара было 6 сел с 1500 хозяйствами, в Алты-пара – 15 сел с 1536 хозяйствами, в Докузпара – 10 сел с 960 хозяйствами, в Рутульском союзе – 10 сел с 1600 хозяйствами. В конце же 30-х гг. XIX в. в союзах с.о. Самурской долины было более 6000 дворов и около 50 тыс. жителей.

Особенно много союзов сельских общин было в части Дагестана, населенной аvaraми и авароязычной группой народами, андо-цезами и т.д. Сведения об их численности также опубликованы Б.Г. Алиевым. По его данным, выявленным в разных сборниках источников, в Дидо было в 1826 г. 1095, а в 1842 г. 1240 дворов; в союзах с.о. федерации Антль-Ратль: в Джурмуте в 1832 г. – 3895 дворов, в 1842 г. – 168; соответственно в Богноде – 630 и 79 дворов; Ухнада – 770 и 180 дворов; Таше – 1080 и 146 дворов; Анцросо – 500 и 420 дворов² и т.д.

По другим данным в начале 30-х годов XIX в. в Джурмуте было 8 сел, Глебеле – 9, Бохну (Бохнада) – 8, Ухнада – 5, Анцросо – 7, Таше – 27, Анцухе – 21, Капуча – 9, Кхенада – 5. Соответственно в них было хозяйств – 395, 300, 630, 185, 770, 1120, 1000, 720 и 200³. По сведениям А. Берже, в союзах с.о. федерации Ункратль было 7700 жителей, а Анцухе – 3600, в Капуча – 8400, Дидо – 4000, Багулале – 4600, Чамалале – 350, Тинди (Богос) – 3500, Технуцале – 2800, Калалале – 8200, Цунта-Ахвахе – 2500, Гидатле – 5400, Куяде – 600 человек.⁴

¹ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

² Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис. 1858. С. 254–259.

³ Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С. 320–324.

⁴ Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. С. 270.

По данным 40-х гг. XIX в. число жителей достигало в Салатавии 10500 чел., Гумбете – 15000, Андийском союзе, в Койсубуле – 35000, Акуша-Дарго – 37000, Андалале – 12000, в обществах Верхнего (горного) Кайтага – 7200 чел.¹ По сведениям Б.Г. Алиева в 40-х гг. XIX в. число жителей было: в Салатавии 10500, Гумбете – 1500, Андийском союзе – 1500, в Койсубулинском союзе – 3500, Акуша-Дарго 3700, Андалале – 12000, в обществах Верхнего Кайтага – 7200 чел.² Интересны и сведения о селах, входивших в состав союзов с.о. В частности, в Салатавии их было 12, Гумбете – 18, Анди – 9, Койсубулу – 19, в союзах с.о. Дарго – 40 сел.³

В целом на союзы сельских обществ Дагестана приходилась почти половина территории Дагестана. Многие союзы с.о. были достаточно сильны и могли противостоять захватническим устремлениям правителей соседних с ними феодальных владений. При этом союзы сельских обществ оказывали друг другу взаимоподдержку, заключали между собой соглашения и договоры о взаимной помощи в случае нападения на одного из них отрядов соседних феодальных правителей с целью их покорения. В целом это способствовало политической сплоченности жителей не только моноэтнических, но и полиэтнических союзов сельских обществ. Некоторые из них играли лидирующую роль во внешнеполитическом порядке акциях в XVIII – нач. XIX вв.

Федеративный союз даргинцев Акуша-Дарго во многих случаях диктовал свои условия феодальным владельцам Тарковского шамхальства, т.е. шамхалам, когда они обращались к акушинцам за помощью и поддержкой, особенно при совершении каких-либо военных акций, которых было довольно много в изучаемый период.

Как отмечается в исторической литературе, управление Акушинским союзом осуществлял акушинский кадий, в руках которого сосредотачивалась духовная и светская власть. Во время войны власть акушинского кадия значительно усилива-

¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века / Сост. Гаджиев В.Г., Рамазанов Х.Х. Махачкала, 1959. С. 232–236.

² Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб. 1871. Т. 1. Кн. I. С. 489–506.

³ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин... С. 230.

лась. Он становился обычно предводителем союзного ополчения. Отдельными отрядами командовали магальные кадии. Форма правления в Акуша-Дарго также привлекала внимание исследователей, отметивших, что она более всего напоминала теократию, при которой, как известно, в руках духовных лиц одновременно сосредотачивалась и духовная, и светская власть¹.

Особенно сильной была власть кадия в обществах Акуша-Дарго. К акушинскому кадию нередко обращались и соседи с просьбой о военной помощи. К нему же прибегали при решении духовных вопросов не только жители самого союза, но и Кайтагского уцмийства и других владений. Принятые им решения считались окончательными². Кадии всех других союзов, входивших в состав Акуша-Дарго, обязаны были принципиально слушаться кадия Акушинского союза, который одновременно считался и кадием собственно селения Акуша. Более того, кадии вмешивались во многих случаях и в решение вопросов, в которые не требовалось вмешательства духовенства. Поэтому небезосновательно утверждение Б.Г. Алиева о теократическом характере управления в Акуша-Дарго. Ему принадлежат слова о том, что «высшими должностными лицами союзов сельских общин являлись старшины главного селения, а во многих союзах – кадии, власть которых в ряде случаев, как и власть старшин, была наследственной», что «каждое даргинское общество управлялось в прежнее время своими кадиями»³.

Р.М. Магомедов констатировал еще в 1957 г., что кадий в изучаемое нами время «был военным, светским и духовным главой вольного общества»⁴. Это говорилось, имея в виду функции кадиев в аварских обществах, в которых «функции власти старшин и кадиев союзов сельских общин были одни и те же – возглавлять все руководство своего союза». По словам Р.М. Магомедова, с которым согласен и Б.Г. Алиев, кадий в аварских союзах сельских обществ «ведал территорией союза, организовывал военное ополчение и предводительствовал в по-

ходе, являлся религиозной главой и верховным судьей при решении дел на основе мусульманского права»¹.

Сравнивая права кадия в аварских и даргинских союзах сельских обществ, Б.Г. Алиев пришел к выводу, что «права и функции власти кадиев даргинских союзов были шире, чем в аварских союзах, в частности кадия Анцуха, где власть кадия была ограничена деятельностью джамаатских организаций и сельской земледельческой знатью»². Он же согласен с Р.М. Магомедовым, который высказывал идею протекания процесса «превращения кадия в феодального владельца»³. Этот процесс, видимо, завершился бы, по их мнению «созданием ряда особых кадиевских владений в Аварии, как это имело место в Табасаране и в Акушах», если бы не присоединение союзов сельских обществ к России, как и Дагестана в целом, в 1813 г. по российско-иранскому договору⁴.

Особенно активную политическую роль в союзах сельских обществ Дагестана играли кадии их главных сел, в обязанности которых входило «управление всеми повседневными светскими делами общества», они обязаны были контролировать и осуществлять всю хозяйственную и политическую жизнь в своих обществах, а также рассматривать судебные дела по всем гражданским вопросам, руководствуясь адатом. Они же возглавляли общественно-политическую жизнь своих джамаатов, судили по шариату. Кадии стояли во главе Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Андалала, Рутула, Ицари, Салатавии, Анцуха, Цудахара, Сюрга. Власть кадиев, как и старшин, в основном была наследственной в одном и том же тухуме. Причем в руках кадиев союзов была сосредоточена и светская и духовная власть»⁵.

Но по мнению М.М. Магомедовой, «если акушинский кадий объединял в своем лице духовную и светскую власть, то табасаранский – был только светским феодальным владете-

¹ Там же; Алиев Б.Г. Указ. соч. С. 251.

² Алиев Б.Г. Союзы... С. 251.

³ Там же; Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 67–68.

⁴ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин... С. 251.

⁵ Магомедова М.М. Реформирование сельского управления в России и в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. (Опыт сравнительного анализа). – Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. С. 13.

¹ История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 328–329.

² Там же. С. 329.

³ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин... С. 250.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 67.

лем», шариатских дел не решал¹. Это значит что вопрос о функциях власти кадиев в разных сельских обществах или их союзах может быть предметом особого исследования в виду его слабой изученности.

Стабилизации внутривластного положения в Дагестане во многом способствовала и политическая активность предводителей многих союзов сельских обществ, стремившихся доступными им способами наладить мирные отношения между союзами сельских обществ и разноэтничных феодальных владений, а также широкое участие их земляков в так называемых общесоюзных сходах. Б.Г. Алиевым достаточно хорошо обобщены данные по этому вопросу². Считаю для полноты моей работы необходимым, хотя бы вкратце, остановиться на некоторых моментах положительной политической деятельности кадиев и предводителей союзов сельских обществ в изучаемый период. Лучшим примером этому может быть деятельность акушинских кадиев, с которыми охотно поддерживали отношения кадии народностей, граничивших с Акуша-Дарго сел – аварцы, лакцы и т.д.

Как отметил Б.Г. Алиев, в предводители союзов сельских обществ обычно выбирали авторитетных лиц всеобщим голосованием присутствовавших на общесоюзных (и общедеревенных в ряде случаев) сходах, на которых в тот период любой человек (участник схода) мог выступить и предложить собравшимся свою идею, хотя «дела всегда решали старшины, будучи выбраны из богатых и опытных людей» и имея всегда «перевес в народе». Важно было и то, что «на общесоюзных (деревенных) сходах обычно присутствовало иногда несколько сот человек», сходящихся на собрания почти целыми неделями³.

Приведу для краткости выдержку из работы Б.Г. Алиева, отражающую суть ситуации с функциями общесоюзного уровня предводителями. В его труде говорится, что «Наиболее ярко возвышение административных лиц, органов управления главного селения одного из союзов сельских общин федерации и

¹ Там же; Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М.: Наука, 1965. С. 50; Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 200.

² Алиев Б.Г. Союзы сельских общин... С. 250–266.

³ Там же.

превращение их в правящие органы объединения союзов (федерации) хорошо видны в Акуша-Дарго, во главе которого стоял акушинский кадий. Все кадии союзов сельских общин, входивших в Акуша-Дарго, находились «в зависимости от главного даргинского кадия»; он решал с советом старшин важнейшие дела, управляя притом духовною властью». В Акуша-Дарго сложилось подобие системы церковно-государственного управления или теократическая форма государственного управления во главе с кадием. Акушинский кадий являлся верховным правителем, судьей и военачальником, представлял собой вершину всей духовной и светской власти. Он «следил за соблюдением норм шариата и адата, разбираал споры между отдельными обществами, входившими в Акуша-Дарго», имел право подвергнуть личному разбирательству те или иные споры, «возникающие не только между отдельными общинами, но и между частными лицами»¹.

Авторитет акушинского кадия был так велик, и сам он, видимо, был довольно демократичен, что к нему апеллировали по всем спорным вопросам, которые «разбирали духовные и гражданские суды». Отметим, что в функции акушинского кадия входили сбор ополчения при необходимости и начальствование над ним при защите от каких-либо захватчиков и при походах в другие феодальные владения. Он назначал сотенных командиров или юзбаши и определял сколько человек с каждого двора должно было идти на войну. Поэтому в исторических документах изучаемого времени акушинского кадия называли «владельцем» или «владельцем»².

И не случайно русский автор Ф.П. Гене писал о нем, что «в делах своих приезжали к нему советоваться» и жители Сюргинского союза сельских общин. Он в повседневных делах опирался на 40 тургаков с командиром во главе, мог заставить каждого из нарушивших обычаи и порядок граждан выполнять законы». Он избирался на сходе исполнителей всех пяти верхнедаргинских союзов сельских обществ и сам имел право собирать сход их представителей в любое время. На сходе он мог выступить с сообщением «о пожертвованиях» и о помощи, ока-

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин... С. 257–258.

² Там же. С. 258.

занной их гражданам и союзу в целом. Федерального или федерационного уровня сход собирался обычно в местности Хъярбуки-диркья, малый сход – в Ханц Кала недалеко от села Усиша¹.

Об авторитетности акушинского кадия в Дагестане свидетельствовала обязательность его участия в «коронации» каждого избираемого нового шамхала тарковского, на которого акушинский кадий надевал папаху² и за это получал коня с седлом, а нукеры его получали черкески, бешметы и т.д.³

По словам А. Комарова, «акушинский кадий всегда пользовался большим почетом и авторитетом. Он сам лично общался с феодальными владельцами и главами (управителями) других союзов сельских общин и к нему, как к главному административному лицу Акуша-Дарго, «обращались правители других союзов сельских общин Дагестана, что нашло отражение в достоверных источниках по истории Дагестана»⁴.

Возросшим политическим авторитетом и большим влиянием акушинского кадия в конце XVIII в. в Дагестане можно объяснить факт выхода жителей селений Каба-Дарго (Урахинский союз с.о.) из-под власти уцмия кайтагского и переход их под власть акушинского кадия.

В целом каждый из союзов сельских обществ заслуживает самой подробной характеристики его политического положения. Но реальность такова: союзов подобных до 80 и их всех не охватить особенно большим вниманием. Мною сделана только попытка через характеристику наиболее активного и крупного союза сельских обществ Дагестана, каковым было Акуша-Дарго, показать его определенно положительное влияние на политическое положение как самого Акуша-Дарго, так и других ему подобных союзов, где даже имелись свои кадии.

Можно определенно сказать, что во внутривнутриполитическом положении Дагестана в XVIII – начале XIX в. союзы его сель-

ских общин играли стабилизирующую роль. Между союзами сельских общин не было крупных затяжных военных конфликтов. Во всяком случае – о таких событиях источники не сохранили особо важных сведений. В принципе терпели неудачи и попытки правителей соседних с ними феодальных владений вовлечь союзы с.о. в свои военные авантюры, в частности в набеги за пределы Дагестана. Такие авантюры не были популярны и не имели особых успехов и не могли подорвать установившиеся между народами Дагестана и их государственными образованиями добрососедские экономические и политические взаимоотношения.

Союзы сельских обществ не были заинтересованы в обострении политической ситуации в Дагестане. Им приходилось больше отстаивать свою территориальную целостность и независимость от правителей соседних с ними феодальных владений, чем от внешних врагов.

Более заметным явлением в общественно-экономическом развитии Дагестана в изучаемый период, по мнению Р.М. Магомедова, было заметное усиление феодального гнета духовным гнетом. При этом «мусульманское духовенство не только несло каких-либо повинностей перед феодалами, но само облагало верующих разными поборами: то в пользу мечети, то на содержание духовных школ и «святых», и входило в число крупнейших барановодов и помещиков, заставлявших узденей и райатов обрабатывать свои земли. Мусульманское духовенство в Дагестане составляло особую привилегированную группу населения, жившую, «как и феодалы, за счет угнетения народных масс» и «по своим антинародным устремлениям целиком ориентированную на ненавистных трудящимся восточных завоевателей»¹.

Кастовой системы в Дагестане не было. Но определенные этого характера разграничения в социальной градации общества имели место. И необходимо несколько критически относиться к словам Р.М. Магомедова о том, что «к первой четверти XIX в. в Дагестане, в районах, где жили в основном лезгины, даргины, мелкие аварские этнические группы, агулы, арчины и рутулы, господствовали полуфеодальные, полупатриархальные

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 368.

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин... С. 259.

² Там же. С. 260.

³ Там же.

⁴ Там же; Ржевуский А. 1845 год на Кавказе // КС. Тифлис. 1882. Т. 6. С. 261; Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. С. 230; Ковалевский М.К., Блаرامберг И.Ф. Описание Дагестана. 1832 г. // ИГЭД. С. 308–309.

отношения. Эти народности и этнические группы были объединены в свои государственно-политические организации, известные под названием «вольные общества». Их у аварцев было 41, у даргинцев – 9, у кюринских лезгин – 11, у табасаранцев – 3 магала, агульцев – 2, рутульцев – 2¹. Эти союзы сельских обществ (или вольные общества) «имели многоступенчатое административное управление – управление тухума, сельской общины (джамаата в узком смысле слова), нескольких сельских общин, составлявших джамаат, как единую низовую политическую структуру союзов сельских общин и объединений (федераций) последних»².

Как пишет Б.Г. Алиев, органы власти вольного общества защищали интересы крупных землевладельцев, скотоводов, духовенства, т.е. численно растущего класса феодалов, «ибо во главе их стояли сами представители этого класса, в одних случаях передававшие власть по наследству, в других – сделавшие ее привилегией только определенных – богатых, знатных, авторитетных и влиятельных тухумов»³.

***

Но более важную и активную роль в стабилизации политической ситуации играли взаимоотношения феодальных владений Дагестана, их мирное состояние, прекращение интриг между владетелями. Этот вопрос очень сложен для изучения и освещения, так как обстоятельно проанализировать сведения источников практически о 15 феодальных владениях, которые имели юридически один уровень знатности по происхождению, были равноправны, самостоятельны во внутренней и внешней политике, не возможно. Как объекты исследования, они все в одинаковой мере заслуживают особого исследовательского внимания.

Но, поскольку все они все же различались между собой по величине этнической или просто занимаемой ими территории, по этническому и численному составу населения, а также по роли и авторитету среди других феодальных владений Даге-

стана, мы можем выделить наиболее крупные, многочисленные по величине населения и активные во внешнеполитических вопросах феодальные владения и показать их положительную или отрицательную роль во внутривосточном и внешнеполитическом положении Дагестана в изучаемый период.

Наша задача облегчается тем, что проблемы экономических¹ и политических взаимосвязей феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в.² Нашли уже специальное освещение в моих указанных выше трудах.

Для облегчения решения этой проблемы политические образования Дагестана (и феодальные владения и союзы сельских обществ) нами были разбиты на три группы – северную, среднюю и южную. При этом говорилось, что в северодагестанскую группу входили Эндирейское, Аксайское, Костекское феодальные владения. В этой зоне лидировало и занимало приоритетное положение Эндирейское владение. В исследуемый нами период их взаимоотношения в целом были на должном уровне. Но между ними были и некоторые политические расхождения, в чем легко убедиться, даже бегло ознакомившись со сведениями из упомянутых моих работ по изучаемому здесь вопросу³. В них подчеркнуто то, что внутривосточная ситуация в изучаемом регионе Дагестана была сложной, что видно, в частности, из письма от 6 февраля 1779 г. шамхала тарковского Муртузали астраханскому губернатору Н.А. Бекетову с просьбой запретить эндирейским и аксайским владетелям выступать против Фатали-хана дербентского⁴.

Хорошие взаимоотношения эндирейские и аксайские владетели поддерживали и с аварским Магомед-нуцал-ханом⁵. Мною отмечено, что в Дагестане в 70-х гг. XVIII века имели место противоречия между феодальными владетелями Засулак-

¹ Умаханов М.-С.К. Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи (экономический аспект). Махачкала, 2008. – 256 с. С. 167–230.

² Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX вв. (Политический аспект). Махачкала, 2007. – 327 с. – С. 68–95, 154–171, 271–294.

³ Там же. С. 68–94.

⁴ Там же. С. 68–94.

⁵ Там же. С. 70.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 369

² Там же. С. 264.

³ Алиев Б.Г. Союзы... С. 266.

ской Кумыкии и шамхалом тарковским по вопросу их помощи Фатали-хану дербентскому, а также о трудностях «находить согласие или единство при решении возникавших у них политических проблем».

В этой сложной ситуации эндирейские, аксайские и костековские владетели вынуждены бывали проводить политику лавирования в условиях острого политического интереса, проявлявшегося стремившимися укрепиться на Северном Кавказе, равно и в Дагестане, правительствами Ирана, Турции и России¹. Астраханский губернатор И.В. Якоби 11 сентября 1778 г. писал о нормальных отношениях между правителями Костека, Эндирея и Аксая наместнику Астраханской и Азовской губерний Г.А. Потемкину².

В изучаемый нами период, в 1782 г. «эндирейские владетели Темир-Хамзин и Муртузали Чопанов, а также костековские Хамза Алишев, Али-Султан Касбулатов и Арслан-Гирей Булатов» заключили договор с чиркейскими старейшинами Айдемиром Палавовым и Гирей-Магомедом Исаевым по вопросам взимания податей, подчинения чиркеевцев эндиреевским владетелям³ и др. Это было равносильно признанию зависимости такого крупного аварского сельского общества от засулакских феодальных владетелей, которым первые платили определенные подати (ежегодно весной одного барана и осенью одного барана с каждого овцевода)⁴.

Северодагестанская группа феодальных правителей имела тесные связи с Россией. Российский фактор оказывал сильное влияние на взаимосвязи феодальных владетелей Засулакской Кумыкии практически во весь период XVIII – нач. XIX в. Особенно это стало проявляться после подписания всеми северокавказскими, в их числе и засулакскими владетелями 23 июля 1783 г. в г. Георгиевске договора, по условиям которого Грузия была принята под протекторат России, что означало необходимость прекращения набегов и нападений горских наро-

¹ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX вв. (Политический аспект). Махачкала, 2007. С. 71–72.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 73.

⁴ РДО в XVIII – нач. XIX в. С. 171.

дов Кавказа на Грузию под угрозой расправы с ними царских войск.

Тогда же в подданство России были приняты и феодальные владетели Дагестана: шамхал тарковский, уцмий Кайтага, ханы аварский и казикумухский, а также феодальные владения Засулакской Кумыкии, между которыми в то время не было противоречий по этому вопросу.

Практически одинаковое отношение продемонстрировали жители засулакских владений Дагестана и к движению горцев Северного Кавказа во главе с шейхом Ушурмой. Вначале они активно выступали в поддержку шейха Ушурмы, а потом также дружно отошли от него¹.

Подробный анализ имеющихся данных о взаимоотношениях северо-дагестанских феодальных владетелей в XVIII – начале XIX в. показывает, что «засулакские феодальные владетели в отношениях между собой поддерживались больше принципа мирного сотрудничества, чем вражды»². Заслуживает внимания и ценное в плане нашего исследования заключение П.Г. Буткова о сношениях кумыков «с соседственными народами», что они «с шамхалом тарковским, будучи в родстве, в дружественных связях, обоюдно в случаях нужды друг другу помогают», хотя между ними случались и междоусобия³.

В целом же можно сказать, что в XVIII – нач. XIX в. среди феодальных владетелей Засулакии не было никаких длительных войн. Там царила типичная для феодальной эпохи обстановка. Возникавшие между феодалами этого региона конфликты обычно регулировались в XVIII в. советом кумыкских князей, а с начала XIX в. все большее значение приобретал «Андреевский городской суд» (собирался в Эндирее), не допуская межфеодальных конфликтов среди подданных России и проводивший в жизнь намеченную царскими властями политическую линию при урегулировании всяких межфеодальных конфликтов в Засулакии»⁴.

¹ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – нач. XIX в. С. 75–76.

² Там же. С. 76–77.

³ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 240.

⁴ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений... С. 91–94.

Отметим также, что присоединение Дагестана к России по российско-иранскому мирному договору 1813 г. при всех его упущениях и недостатках было важнейшим судьбоносным шагом в жизни народов Дагестана. Важно подчеркнуть в плане задач данной работы, что засулакские владетели в своем отношении к этому договору мало чем отличались от владетелей других феодальных владений Дагестана. Они приняли условия этого договора¹.

Никаких выступлений против заключения или условий мира 1813 г. между Россией и Ираном в Дагестане не было. Таких сведений не сохранили и известные источники по истории Дагестана, его отношений с Ираном или с Россией, хотя в последнее время и муссируются разговоры о том, что никто из дагестанцев не принимал участия в переговорах, не был приглашен к участию в них и поэтому нечего, мол, соглашаться с условиями этого мира, делившими территорию западного побережья Каспийского моря от Куры до Сулака и Терека между царем и шахом.

По этому поводу можно много дискутировать. Но это не входит в задачу данной работы. Отмечу только, что и сами главные участники акта подписания этого мира Иран и Россия не очень строго следовали его условиям и воевали уже в 20-х гг. XIX в., отстаивая свои интересы.

***

В Среднем Дагестане, как уже отмечалось, располагались Аварское, Казикумухское и Мехтулинское ханства, Тарковское шамхальство и Кайтагское уцмийство. В целом между ними были налажены экономического и политического плана контакты, которые тоже служили стабилизации внутривнутриполитической обстановки не только в Среднем Дагестане, но и вообще стабилизации экономического и политического положения Дагестана.

Освещению политических взаимосвязей феодальных владетелей Среднего Дагестана в 90-е гг. XVIII – нач. XIX в. посвящен один из разделов книги (Махачкала, 2007 г.) автора

¹ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений... С. 91

данной работы¹. В ней подробно раскрывается позиция горских народов и владетелей в отношении к движению горцев во главе с шейхом Мансуром (Ушурмой). Об отношении засулакских кумыков к этому движению уже выше сказано.

Как отмечал В.Г. Гаджиев, «остальные народы Дагестана, в том числе и феодальные владетели, не только не примкнули к Ушурме, но и отказали ему в помощи»². Иначе говоря «в принципе феодальные владетели Дагестана отвергли предложение Ушурмы присоединиться к нему и вести войну с Россией. Особенно категоричен был Умма – хан аварский, писавший Ушурме: «Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, чтобы подобно населению подчиненных тебе чеченских районов, и отсюда (имеется в виду Аварское ханство – авт.) народы пошли... сражаться с русскими... Но известно, что подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу быть твоим союзником»³.

Отказали в помощи Ушурме шамхал тарковский, Магомед-хан казикумухский, кадий табасаранский. В этом деле важную роль играли и родственные связи феодальных владетелей Среднего Дагестана. Так, на мирное урегулирование конфликта между Фатали-ханом дербентским и Умма-ханом аварским повлияло то, что они договорились о том, чтобы Фатали-хан «выдал за Умма-хана свою дочь Периджу, рожденную от уцмиевой сестры», а аварский хан уплатил еще тогда половину калыма из положенных по условию 200 тысяч рублей. Смерть Фатали-хана помешала этому браку, т.е. после смерти Фатали-хана Умма-хан аварский отказался жениться на Перидже-бике⁴.

Единство проявили феодальные владетели Среднего Дагестана и перед угрозой нашествия на Дагестан войск кровавого деспота Ага-Магомет-хана. Они не поддались обещаниям шаха, а решительно взялись за принятие необходимых

¹ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – нач. XIX в. С. 173.

² Там же. С. 173; Гаджиев В.Г. Роль России... С. 156.

³ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений... С. 173.

⁴ Взаимосвязи феодальных владений... С. 173–174; Гаджиев В.Г. Роль России. С. 151.

мер для отражения иранских войск в случае их вторжения в Дагестан¹.

Подробный анализ всех доступных исследователям сведений по рассматриваемому здесь вопросу, в частности об отношениях феодальных владетелей Среднего Дагестана друг к другу в конце XVIII – начале XIX в. сделан и автором данных строк², пришедшим к выводу, что во-первых «в целом политические взаимоотношения феодальных правителей Среднего Дагестана в XVIII – начале XIX в. отражали характерные для феодальной эпохи общественные тенденции, ссоры, междоусобицы и поиски компромиссов, мира и согласия, как это имело место в истории феодальной эпохи и других народов Кавказа, России, Азии и Европы; во-вторых, что «эти отношения бывали очень динамичны, быстро менялись в зависимости от многих причин и факторов»³.

На большом фактическом материале базируется и другой вывод, который гласит, что «самым главным было то, что в самую трудную минуту для независимости Дагестана от любого иноземного завоевателя феодальные владетели Дагестана и их подвластные находили способы и силы для организации общими усилиями сопротивления агрессорам. Ни один народ Дагестана в таких случаях не самоустранился от общей борьбы за свободу и независимость Дагестана⁴. Это и дало возможность нашим предкам выжить на таком опасном для жизнедеятельности пространстве земли, как Дагестан, где во все времена встречались и будут встречаться политические интересы и амбиции великих держав, даже очень далеких от Дагестана и Кавказа.

Здесь важно подчеркнуть, что феодальные владетели Среднего Дагестана не представляли какую-то обособленную от правителей остальных феодальных владений Дагестана группу со своими особыми политическими интересами. В годы или периоды суровых испытаний за свободу и независимость

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 276, 278–27, 342; Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. С. 245.

² Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана... Махачкала, 2007. С. 171–194.

³ Там же. С. 194.

⁴ Там же.

народов Дагестана и Средний Дагестан врагов встречал с оружием в руках. Предки жителей любой части Дагестана поддерживали друг друга в трудную минуту, способствовали общему упрочению внутривосточной ситуации в Дагестане.

Прочность внутривосточного положения Дагестана в XVIII – нач. XIX в. подкреплялась в значительной мере и деятельностью феодальных владетелей Южного Дагестана – дербентских и кюринских ханов, табасаранских майсумов и кадиев, елисейских султанов. Превалирующая над всеми остальными государственными образованиями Южного Дагестана приоритетная роль Дербента в этой зоне Дагестана в определенной мере способствовала упрочению политической ситуации в Южном Дагестане. Однако подлинного спокойствия в Южном Дагестане в конце XVIII – начале XIX в. не было, хотя между его владетелями имели место и дружественные контакты.

Вмешательство внедагестанских политических сил, особенно Ирана и России, во взаимоотношения правителей феодальных владений Южного Дагестана, значительно подрывало политическую ситуацию в этой зоне Дагестана. Обострялась в Южном Дагестане политическая ситуация и под влиянием притязаний кубинских правителей на власть над Дербентом, за который происходили конфликты между Фатали-ханом и уцмием кайтагским, потом между сыном и наследником Фатали-хана Шейх-Али-ханом, захват самого Дербента в изучаемый период царскими войсками в 1796 и в 1806 гг., утверждение в нем угодных царским властям порядков, о чем достаточно подробно сказано как в моей работе¹, так и в трудах других исследователей².

¹ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана... Махачкала, 2007. С. 213–222.

² История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. С. 337–340; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т. I. С. 372–374, 411–426, 445–448; История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. Т. I. С. 414–448, 453–483; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX вв. Махачкала, 2001. Кн. II. С. 94–130; Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2004. С. 57–101; Он же. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Нальчик, 1985. С. 3–12.

Среди них особо следует выделить фундаментальные труды старых русских авторов XVIII–XIX в. П.Г. Буткова, Е.И. Козубского, С. Броневского, С.-Г. Гмелина, Ф.Ф. Симоновича, И. Линевича и др.¹ В их трудах содержится большой фактический материал, при более внимательном анализе которого могут быть сделаны очень интересные и для нашего сложного времени выводы, учет которых необходим для федеральных властей при выработке их политики по отношению к народам Северного Кавказа, в их составе или числе и Дагестана.

Дербентское ханство, лидировавшее среди феодальных владений Южного Дагестана, не было особо великим по территории, а также по численности населения. Его преимущество состояло в особенном стратегическом местонахождении, позволявшем его правителям полностью контролировать прохождение торговых караванов и воинских подразделений из Европы и России через приморскую территорию Дагестана в Северный Азербайджан, страны Закавказья, Иран, а также возврат их этим же путем обратно на север – в Дагестан и далее на Северный Кавказ, в сторону Крыма и российских владений.

Согласно имеющимся сведениям дербентский хан имел до 20 тыс. руб. дохода и мог выставить при необходимости до 10000 человек войска. Это было вполне реально, если иметь в виду сообщение участника похода царских войск в Дербент в 1796 г. А.Г. Сереброва, писавшего, что «в городе Дербенте до 2180 дворов, областях оного 21 деревня имеет до 1050 дворов», что большинство его населения составляли сунниты, которые шиитов («аллиевых сект») терпеть не могли². По его же сведениям в 1796 г. «три провинции Дербентская, Кубинская и Сальянская под владением Шейх Али находились», и он мог наводить в них свой порядок.

В целом подсчеты показывают, что «число дворов, зависевших от Шейх-Али-хана», в этом городе достигало 10450 дворов, что давало ему возможность при необходимости вы-

ставлять одним разом до 10 тыс. воинов¹. И совершенно справедливо А.Г. Серебров отмечал, что это могущество Шейх-Али-хана было подготовлено активной политикой его отца Фет-Али-хана, сумевшего, соединив три провинции: «Дербентскую, Кубинскую и Сальянскую, и учиня с бакинским ханом... условия о послушности», сделаться против других ханов Дагестанской Персии (подчеркнуто нами – авт.) сильнее².

Исследователи подчеркивают и экономическую состоятельность дербентских владетелей, их богатство, поступление им доходов не только с торговых караванов, двигавшихся с Юга на Север через Дербент, но и с Севера на Юг, а также и арендной платы с овцеводов Южного Дагестана, перегонявших своих овец на зимние пастбища в Дербентской округе. Дербентские владетели, как и правители других феодальных владений Дагестана, получали натуральную и денежную подати со своих подвластных на сумму около 2 000.000 руб. Короче говоря, дербентские правители, которые так или иначе в целом зависели от иранских шахов до 1796 г., окончательно от которых они стали независимы с 1806 г. (22 июня), были достаточно сильны в военном и экономическом отношениях. И с ними, как бы то ни было, табасаранские, кюринские и елисейские (элисейские) правители вынуждены были считаться, искать с ними компромисса³.

В целом особой воинственностью политика дербентских правителей не отличалась. С момента подписания ирано-русского мирного договора в Гюлистане 24 октября 1813 г. заметной стала активизация внешней политики царизма в Дагестане, которая привела к серьезному обострению политической ситуации в изучаемом нами регионе Дагестана, к подъему антирусских настроений у местных феодалов, среди которых лидером выступал Ших-Али-хан дербентский⁴.

Необходимо отметить, что полного единогласия среди феодальных владетелей Дагестана не было ни в 1796 г., когда

¹ Там же. С. 176–177.

² Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 177; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – нач. XIX в. (Политический аспект). Махачкала, 2007. С. 218–219.

³ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи... С. 219–222.

⁴ Там же. С. 220.

¹ Бутков П.Г. Материалы для новейшей истории Кавказа... Кн. 1–3; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 329–441; Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906. С. 140–141.

² Там же. С. 176.

российские войска шли через Табасаранские горы на южную сторону Дербента, ни позже. Дербентский правитель рассчитывал на поддержку Ага-Магомет-хана, а табасаранский кадий оказывал благонамеренную поддержку царским войскам, лично указывал путь¹, по которому надо было пробираться сквозь табасаранские теснины, горы и леса на южную сторону Дербента, чтобы его обложить с севера и с юга, а потом и захватить.

В целом же в этот период табасарано-дербентские связи даже в условиях менявшейся часто политической ситуации надолго не прерывались независимо от того, кто был ханом в Дербенте или майсумом и кадием в Табасаране².

***

В рассматриваемый период функционировало в Южном Дагестане и Кюринское ханство, происхождением которое объяснено было сложившимся в этом регионе в конце XVIII – нач. XIX в. обстоятельствам. Основу этого владения составила одна из двух областей, на которые делилось владение Сурхай-хана казикумухского; одна часть его была населена «кумуками» и расположена была в Северном Дагестане, на первой полосе Черных гор, выше Табасарана и владения уцмий. По словам П.Г. Буткова другая ее часть называлась Кюре или Кура, была «обитаема лезгами», находилась в горах между реками Самур и Гургени. В нее входило до 20 деревень³.

Образованию Кюринского ханства препятствовал Сурхай-хан II казикумухский, отряд которого 10 дек. 1811 г. был разбит у села Рустов генералом Хатунцовым, от которого Сурхай II бежал в Курах. 15 декабря 1811 г. Курах был взят штурмом отрядом ген. Хатунцова. Сурхай-хан II бежал в Казикумух, а оттуда он несколько позже обратился за помощью к Персии, но помощь эта была нереальна и не смогла вернуть Кюру под власть Сурхай-хана II.

Он вернулся в Казикумух, пытался вернуть под свою власть Кюру. В мае 1813 г. он двинулся на Курах, но был разбит у села Гельхен Хатунцовым. Пытался он вовлечь в свою

борьбу за власть даже султана Турции, отправив к нему сына Нух-бека с просьбой о помощи. Эти его происки продолжались до его смерти в 1827 г. в с. Согратль, на кладбище которого он и был похоронен¹.

Это свидетельствует о том, что в Южном Дагестане политические интересы феодальных владетелей не были однозначны, они менялись очень часто и быстро. Немалую роль в этом процессе играли и казикумухские владетели, представлявшие более Средний Дагестан и искавшие удачу своим личным политическим интересам. В целом на их положительные или отрицательные результаты сильное влияние оказывала активность вмешательства правителей Ирана, Турции и России во внутренние дела изучаемого нами региона, не теряя при этом надежд на усиление своих политических позиций на Кавказе, в частности в Дагестане.

***

В Южном Дагестане функционировало и незначительное по своим размерам и политической роли в изучаемом регионе Цахурское султанство, более известное как Елисуйское султанство. Первоначально резиденция его правителей была в Цахуре. К началу XVII в. она была перенесена из Цахура в Елису в силу сложившихся обстоятельств².

Наиболее крупными селами этого феодального владения Дагестана были Цахур, Курдул, Гельмец, Хочек, Муслух, Хнач, Гиших, Кальял, Мухах, Мишлеш, Дишных. Сначала (по данным XIII в.) у цахуров не было правителя. Но в конце XV в. по преданию они пригласили из несуществовавшего уже в XIX в. селения Хоца беков, чтобы они правили в Цахуре. Приглашенные беки вели себя как хозяева, унижали, оскорбляли цахуров, взыскивали с них за использование пахотной земли $\frac{1}{3}$ урожая.

Терпение цахуров этим произволом кончилось. Они сговорились и решили уничтожить бекский род. По легенде они убили в мечети молившихся там беков. После этого они отпра-

¹ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана... С. 300–306.

² Подробности см.: Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн. II. (Историческая география Южного Дагестана). Кн. II. Махачкала, 2001. С. 166–174.

¹ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи... С. 289–290.

² Там же. С. 294.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 3.

вились к домам беков и убили всех женщин с детьми. Казалось, с беками было покончено, но одна беременная женщина из бекского тухума оказалась в гостях в селении Мыхых. Получив известия о событиях в Цахуре, она бежала в Елису, где родила сына, назвала его Алибеком. По достижении совершеннолетия он был признан цахурами своим правителем, а иранский шах дал ему титул султана¹.

После этого шахи все время под контролем держали цахурских (елисуйских) султанов, посылали им дорогие халаты, подарки и фирманы (грамоты) с признанием их владельческих прав. Социальная структура цахуров после этого все более осложнялась и расширялась. Они вели полукочевой образ жизни, сочетая скотоводство с земледелием в качестве подсобной статьи. Пахотные земли у них к XIX в. были фактически в частной собственности, лишь пастбища и леса оставались в общественном пользовании².

Завершая раздел о политической роли государственных образований Южного Дагестана в конце XVIII – начале XIX в., необходимо вспомнить, что Южный Дагестан – это не только феодальные владения, о которых выше было много сказано, но и союзы сельских общин, взаимоотношения которых с феодальными владениями могли и стимулировать упрочение политического мирного положения, а могло быть и иначе.

И здесь надо найти оптимально близкий к теме нашего исследования и его цели ответ на два вопроса. Во-первых, каковы были взаимоотношения внутри самих союзов сельских обществ Южного Дагестана и, во-вторых, каковы были взаимоотношения между феодальными владениями Южного Дагестана в изучаемый период? Сопоставив ответы на эти вопросы, мы можем фиксировать политическую роль того или иного государственно-политического образования народов Южного Дагестана.

В изучение исторического прошлого союзов сельских обществ Дагестана несомненно велик вклад Б.Г. Алиева, кото-

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. (Историческая география Южного Дагестана). Кн. II. Махачкала, 2001. С. 167.

² Там же. С. 178.

рый освещал в нашей совместной с ним книге по исторической географии Дагестана вопросы, связанные с историей союзов сельских обществ, в том числе и лезгинских, рутульских, цахурских и т.д. По имеющимся данным в Самурской долине располагались 4 союза с.о.: Ахты-пара, Докузпара, Алтыпара и Рутул. Они занимали территорию с севера, граничившую с кюринскими магалами и Агулом, с юга – Шекинским ханством по Главному Кавказскому хребту, с юго-востока – с Кубинским ханством, с юго-запада – с Елисуйским султанством, с северо-запада – с цахурским Горным магалом¹.

Среди указанных союзов с.о. Самурской долины наиболее крупным и сильным был первый Ахтыпаринский союз с.о. из 15 деревень: Ахты, Кхем, Хуля, Тра, Гогаз, Усур, Кака, Гдунг, Кочах, Мидфах, Сумугул и Хал; в Ахты-пара вторую входили села Хнов, Борч, Гдым, Маза, Фий. К этой группе относились и села Луткун и Ялак. Селение Мискинджи к 1797 г. составляло отдельное общество, насчитывая 250 дворов². Из всех сел своим еженедельно собиравшимся базаром-ярмаркой отличалось село Ахты, где можно было на базаре приобрести лезгинский хлеб, скот, мясомолочные продукты (сыр, масло, творог) из Рутула, Цахура и Агула, лезгинские ковры, сумахи, паласы, узорчатые шерстяные носки, хурджуны, шубы, тулупы, овчины, гончарные, деревянные, медные и другие металлические изделия быта.

Через Ахты проходил важной значимости торговый путь, известный как «Шекинская» или «Анапская дорога» и соединявший жителей лезгинских магалов Самурской долины с Шемахой, Нухой, Кубой, Шеки, с Дербентом, а также с другими городами Азербайджана, с которыми экономические связи очень важны были для лезгин Самурской долины³.

instituteofhistory.ru

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 2001. Кн. II. Историческая география Южного Дагестана. С. 195.

² Там же. С. 197–199.

³ Там же. С. 203–204.

В нашей работе отмечено своеобразие административно-политического устройства союзов с.о. Самурской долины, где каждый магал управлялся отдельно, сельские общества управлялись своими выборными старшинами – аксакалами. Все 11 сел Ахты-пары I управлялись старшинами (аксакалами), избираемыми не из своей среды, а из лиц главного села Ахты; два общества – Пиркент и Каладжиг, входившие в Алты-пара, «управлялись макакаракюринскими аксакалами»¹. Особенно было и то, что в Ахтах было 40 тухумов и каждый из них выбирал одного аксакала. Эти 40 аксакалов и управляли самими Ахтами и остальными обществами, входившими в Ахты-пара. В обществах Гдым и Хнов из Ахты-пары II, как и в Ахтах, каждый тухум избирал своего аксакала, при этом соблюдая и право наследственного перехода этой почетной обязанности в пределах тухума².

Своеобразие было и в том, что в Рутульском магале число аксакалов равнялось числу тухумов. При этом в Агульском магале, хотя и были «кадии и почетные беки, жители, имея к ним уважение, однако же без согласия старшин» не повиновались³.

В Ахтах избирались два чауша. В остальных ахтынских 11 селах не было ни одного чауша. Ахтынские чауши посылались в любое из селений, и там они решали все вопросы. Лишь в некоторых из 11 ахтыпаринских сел бывали чауши, решавшие многие бытовые вопросы, получая от общества ежегодно по 1 быку, трехрублевый пай при разборе дела о кровной мести, а также пользуясь правом на получение своей порции пищи при обрядах свадьбы и поминования, как в Ахтах⁴.

В рутульском диване, состоявшем из аксакалов, должен был быть и один бек. Дела Алты-пары обсуждались в Микрахе⁵.

¹ Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв. Сост. Х.-М. Хашаев. М.: Наука, 1965. С. 28–29.

² Там же. С. 27.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 28–29.

⁵ Там же.

Важную роль в управлении союзами сельских обществ играли общие сходы представителей сел магалов. Они, как правило, собирались в главных селах магалов. Так, в Докузпарах местом схода представителей сел магала было село Джаба.

Не отходило от дел управления жизнью обществ и духовенство. По имеющимся сведениям, духовное управление в магалах Самурской долины до середины XVIII в. осуществляли эфенди, а позже кази (кадии). Их было в магалах всего 4 – в Ахтах, Рутуле, Хнове и Шиназе. Каждому из этих кази в духовных вопросах подчинялись определенные села. Каждый казий знал своих будущих клиентов. Ахтынскому кадию, к примеру, подчинялись обе Ахты-пары, за исключением Хнова, имевшего собственного кадия. Рутульскому казию отбывали пахту и подчинялись все их селения; шиназскому казию подчинялись Шиназ, Уна и Кала, а село Амсар – рутульскому казию.

В принципе без согласия казия ни один из мулл и эфендиев не мог быть избран сельским обществом.

В Мискинджи управление несколько отличалось: в нем не было казия, а был только эфенди, которого называли ахундом. Количество мулл в нем было столько, сколько было мечетей¹.

Необходимо отметить, что до Надир-шаха и в его время Ахты-пара находилась «под покровительством Дербентского начальника и ширванского главного управления»². Во время российско-турецкого разграничения сфер влияния на Кавказе во времена И.-Г. Гербера в 1728 г. часть Алты-пара «под Россию надлежала»³. Ахты-пара, Докуз-пара и Рутул переходили под ведомство Турции. Однако все магалы Самурской долины не признавали власти ни Турции, ни России⁴.

После смерти Надир-шаха общества Самурской долины попали в зависимость от Кубинского ханства, которое в 1806 г. было присоединено к России. В 1811–1812 г. все общества Самурской долины тоже были присоединены к России. При этом

¹ Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв. Сост. Х.-М. Хашаев. М.: Наука, 1965. С. 29–30.

² Десимон А.Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 365.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77.

⁴ Там же. С. 77–78.

они обязались в казну царя вносить ежегодно по 1 овце с каждой наличной у них сотни голов овец¹.

Все эти союзы сельских обществ жили мирно, занимались привычным им трудом – земледелием, садоводством, скотоводством, ремеслами, торговлей. Никакой угрозы от них не исходило никому. Каждый житель любого села или любого союза сельских обществ в принципе был на виду у всех и всякие социальные конфликты решались судом акакалов, духовных лиц. Прочности политического строя и межэтнических отношений, как мне видится после всего вышесказанного, ничто в изучаемой зоне на рубежах XVIII–XIX вв. не угрожало.

Такой же вывод напрашивается и при анализе материалов, касающихся интересующих нас проблем истории кюринских союзов сельских обществ², которые в период борьбы народов Дагестана за независимость от Надир-шаха и после его убийства оставались под влиянием Казикумухского ханства³. Х.-М.О. Хашаев, ссылаясь на А.И. Ахвердова, писал, что в конце XVIII – нач. XIX в. «территория кюринских лезгин с центром Курах принадлежит казикумухскому Сурхай-хану»⁴. Необходимо отметить, что «в конце XVIII – нач. XIX в. в связи с проводимой антироссийской политикой дербентского правителя Ших-Али-хана и казикумухского Сурхай-хана II и активизацией политики России в Дагестане Кюра не раз была объектом активных политических событий».

Во время похода русских войск под начальством В. Зубова в 1796 г. Шихали-хан дербентский и Сурхай-хан II казикумухский, собрав около 20 тыс. конных и пеших воинов, хотели напасть на авангард русских во главе с ген. Савельевым. Шихали-хан и Сурхай-хан на рубеже XVIII–XIX вв. безуспешно оказывали сопротивление русским войскам, втянув в свою антироссийскую политику и другие народы Дагестана, в том числе и кюринцев. Их попытки не имели успеха, так как генерал Хатунцов разбил Шихали-хана при селении Рустов и дви-

нулся в Кюру для наказания Сурхай-хана, спешившего на помощь к сыну своему Нух-беку, разбитому ген. Гурьевым. В конечном итоге 15 декабря 1811 г. Хатунцов разбил Сурхай-хана и взял Курах. Сурхай-хан II бежал в Аварию. Потом он искал помощи у иранского шаха. В 1820 г. в сражении между селами Чирах и Хосрех Сурхай-хан был разбит и бежал в Согратль. Ген. Мадатов взял Казикумух и объявил, что Казикумухское владение с Кюринским владением передаются во власть генералу Аслан-хану с условием подчинения Российскому государству¹.

***

Принципиально схожи были со сказанным выше политическое положение и административное управление (устройство) и табасаранских союзов сельских обществ, число которых отдельные авторы называют различное. Подробно этот вопрос исследуется в трудах И.-Г. Гербера, Ф.Ф. Симоновича, М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга, П.Ф. Колоколова, А. Комарова, Х.Х. Рамазанова, Р.М. Магомедова, А.Р. Шихсаидова, Х.-М. Хашаева, М.Р. Гасанова, Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова, в коллективных работах отечественных исследователей.

Здесь приводить все названия изданных этими авторами книг и статей нет возможности. Поэтому отметим только, что узденским считался Горный Табасаран или Девек-Елеми, в котором было 9 союзов сельских общин: Девек-Елеми, Харалиар, Кухрык, Чуркул, Сувак, Дырче, Нитриг, Кирах и Хирар². Соответственно в них входило 15, 8, 12, 16, 13, 5, 12, 10 и 10 сел³. В них в целом проживало около 20 тыс. жителей в начале XIX в., и они не могли играть особой роли в политической стабильности Дагестана в виду своей сравнительной незначительности, хотя где-то их использовали в антироссийских действиях Шихали-хан и ерсинский правитель – бек Абдулла и т.д.

Отметим, что и административное управление табасаранских магалов было схоже с управлением союзов сельских

¹ Ртищев Н.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 247.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана... Кн. II. С. 209–227.

³ Там же. С. 223.

⁴ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 191; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 225.

¹ Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 110; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. II. С. 225–227.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 229–232.

³ Там же. С. 231–232.

обществ других народов Дагестана. По словам Сотникова, «деревни управлялись старшиной и муллою; старшина решал дела по адату, а мулла – по шариату (по наследству, брачные)»¹. Старшине помогали чауши, приводившие его решения в исполнение. Старшин называли «кевха», а исполнителей – «бакавулы». Власть их была наследственной. Три ахи-сакала или трое старшин селений Рутул, Храх и Хив управляли узденской Табасаранью. Они и собирали общий сход, на котором решались важные дела по: убийствам, прелюбодеяниям, грабежам и большим воровствам. На сходе «сильные тухумы» имели такое влияние, что «дела решались в большинстве случаев в их пользу»². Интересно было то, что исполнение решения должны были проводить сами односельчане виновного³. Главные управители – старшины Рутула, Храха и Хива получали в качестве платы часть штрафов, а сельские старшины (кевхи) «штрафов не брали, исключая если истец, выиграв дело, сам давал, – что они потом разделяли с бакавулами». Надсмотрщики полей или кизиляры получали по 1 или ½ сабы ячменя или пшеницы со двора за летнее время». Им же шли штрафы с нарушителей (в первый раз чурек, во второй – кия ячменя или пшеницы, в третий – саба хлеба)⁴.

***

Союзами сельских обществ жили и агулы, занимая территорию между Табасараном на востоке, кюринскими магалами – на юге, Уцмийством Кайтага и союзом Буркун-Дарго – на севере, Рутулом и Казикумухским ханством – на западе. У них было три союза. Магал Кошан, магал Агул-дере, магал Рича. На рубеже XVII–XVIII вв. агулы союза Агул-дере попали под власть казикумухского хана, часть агулов оказалась под властью табасаранских майсумов. В конце XVIII – нач. XIX в. часть агульских селений оказалась включенной в Кюринское ханство⁵, а к концу XIX в. Агул полностью был включен цар-

скими властями в состав Кюринского ханства. Никакой угрозы в политическом плане народам Дагестана или других государств агулы в изучаемый период не представляли. Только их надо было оставить в покое.

***

В изучаемый период истории Дагестана тесную связь с ним имели и Джаро-Белоканские союзы сельских обществ на южном склоне Главного Кавказского хребта, «на стыке между Дагестаном, Грузией и ханством Шекинским»¹. По словам автора первой четверти XIX в. М.А. Коцебу «земля, известная здесь вообще под именем Чары, принадлежит пяти обществам, имеющим равные права; но общество Чарское могущественнее и богаче прочих, по сему оно есть первое, второе Белоканское, третье Тальское, четвертое Мухахское, пятое Джинихское»².

По мнению И.П. Петрушевского над ними главенствовало Джарское общество; остальные вольные общества, как и султанство Илисуйское, были по существу вассалами Джара³. Он же писал, что «вольные общества, – особенно Джарское – в течение всего XVIII в. оказывали заметное влияние и на Грузию, и на ханства Северного Азербайджана, и на Дагестан, продолжение которого в этническом отношении они составляли. Усиление влияния Джара шло рука об руку с процессом феодализации вольных обществ. И этот процесс, и историческая роль Джары в конце XVIII в. – нач. XIX в. не могут быть поняты вне связи с вопросом о возникновении здесь аваро-цахурских общин»⁴.

Джаро-Белоканский союз, вокруг образования которого идут дискуссии, по нашим наблюдениям «особо не отличался от дагестанских союзов общин по административно-политическому устройству», хотя его управление называют поразному. М. Коцебу характеризовал его правление как «аристократическое или вельможное-народное», а дворянско-

¹ Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв. М., 1965. С. 48.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв. М., 1965. С. 48;

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 235.

⁵ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 238–239.

¹ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. С. 28.

² Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 254.

³ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 33.

⁴ Там же.

буржуазные историки - «как федерацию демократических республик»¹.

Структура управления Джаро-Белоканского союза напоминала структуру управления федерации или конфедерации дагестанских союзов сельских общин. Каждое село управлялось старшиной. Должность старшины внутри тухумов в ряде сел переходила по наследству. Для решения межсельских споров созывались «общесоюзные сходы»². И кажется, что дагестанские аварцы в Джаро-Белоканах играли вполне положительную, созидательную роль, отведенную им историей и самой их жизнью в этом сложном в этническом плане регионе Кавказа.

В целом имеющийся в распоряжении исследователей фактический материал свидетельствует о неразрывной экономической, политической и культурной взаимосвязанности государственно-политических образований Южного Дагестана с народами остальной части Дагестана и его ближайшего южного соседа – Азербайджана в XVIII в. – нач. XIX в., об общности исторических судеб народов Дагестана и необходимости укрепления и в дальнейшем дружественных отношений между ними. И феодальные владения, и союзы сельских общин Южного Дагестана вели себя в XVIII – начале XIX в. адекватно складывавшейся в изучаемом нами регионе политической ситуации, которая довольно часто осложнялась в результате вмешательства в нее целого ряда великих держав того времени – Ирана, Турции и России – каждая из которых стремилась к установлению ее господства над народами Северного Кавказа, особенно Дагестана. Нельзя особо идеальными представлять и взаимоотношения собственно между феодальными владениями Дагестана³, между ними и союзами сельских общин, которые практически не уступали в экономической и военно-политической мощи феодальным владениям.

¹ Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 254.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. Историческая география... Кн. II. С. 254–255.

³ О конфликтах между феодальными владениями Дагестана в XVIII в. См.: Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII в. – нач. XIX вв. (Политический аспект). Махачкала, 2007. С. 54–63.

* * *

Здесь осталось осветить систему административного управления, сложившуюся в феодальных владениях и союзах сельских обществ Дагестана к изучаемому периоду. Это делать нужно в общих чертах, поскольку, как уже отмечено, в Дагестане в этот период функционировали 15 вполне самостоятельных феодальных владений, правители которых считались по социальному положению равноправными, одни не зависели от других. То же самое касается и союзов сельских обществ, число которых колебалось от 60 до 70 и более, как об этом говорилось в написанных уже выше разделах данного исследования.

Здесь мы будем их характеризовать в порядке политической значимости с соблюдением географического разделения или расположения. Наиболее политически значимые и крупные феодальные владения сложились в Среднем Дагестане. Их было, как минимум, 10. Среди всех них выделялось особо заметно Тарковское шамхальство, которое оформилось, как таковое, еще в середине XVII в., когда казикумухцы объявили о своем выходе из-под власти шамхала Сурхая, не приняли его в Кумухе и он вынужден был вернуться в плоскостную часть Дагестана, в частности, в аул Тарки, ставший его официальной резиденцией. Эти события описаны во многих трудах отечественных исследователей, в их числе и автором данных строк¹. Повторять все это не стоит.

Как особенность Тарковского шамхальства, отметим его относительную этническую однородность – в нем в основном проживали кумыки. По сведениям авторов второй четверти XVIII в. территория Шамхальства тарковского на севере доходила до реки Сулак, на западе до гор Бойнака, кайтагов и кара-

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Наука, 1961. С. 45–60; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 143–198; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Наука, 1961. С. 199–216; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 1999. Кн. I. С. 207–221; Умаханов М.-С.К. Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи (Экономический аспект). Махачкала, 2008. С. 57–76; История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. С. 321–322; Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана в XVIII – пер. пол. XIX в. Махачкала, 2006. С. 39–54.

кайтагов, доходила до акушинцев¹. В Шамхальство в XVIII в. входили 26 селений². Это были селения «Янгиюрт при урочище Алагасе Хум Таркали при речке Торкали-Озень»; 2) Албюрю-Кент; 3) Кяхолай Торкали «при ключах»; 4) Худаш, 5) Масюлем-аул; 6) Агач-аул; 7) Капчугай; 8) Ерпели; 9) Ишкарты; 10) Каранай; 11) Кичи Казаниш; 12) Уллу Казаниш; 13) Шура; 14) Какашура; 15) Кафяр кент; 16) Буглени; 17. Халил-аул; 18) Амархай кент; 19) Атлабоин...; 20) Кара-будак; 21) Губден; 22) Кадар; 23) Гели; 24) Шура; 25) Тарки (резиденция); 26) Буйнак, в котором «шамхалов сын пребывал»³.

Очень интересную подборку сведений о численности и этническом составе населения Тарковского шамхальства в изучаемый период содержит работа Б.Г. Алиева. В частности, он пишет, что в Тарках проживало до 10 000 жителей. Лично шамхалу подвластны были до 12 тыс. дворов⁴. И все они были обложены феодальной рентой, как это принято во всех феодальных владениях. Р.М. Магомедов считал, что с конца XVIII в. и особенно с начала XIX в. во всей Кумыкии происходило усиление отработочной системы эксплуатации крестьянства и рост товарно-денежного хозяйства, что было следствием роста торговых отношений кумыков, Шамхальства с Россией и Персией, товары которых шли обычно и через Тарки⁵.

Все быстрее и заметнее происходило в Шамхальстве и социальное расслоение, формировалось довольно много социальных прослоек складывавшихся двух основных классов феодального общества. Этот процесс был достаточно подробно освещен Р.М. Магомедовым в 1956 г., писавшим еще тогда: «Особенности экономического развития Кумыкской земли обусловили здесь более интенсивный, чем в других частях Дагестана, процесс развития феодализма. В соответствии с этим мы

¹ Гербер И.-Г. Указ соч. // ИГЭД. С. 71.

² Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти в Дагестане... С. 41.

³ Там же. С. 41–42; Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 129.

⁴ Алиев Б.Г. Традиционные институты... С. 43; Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 347; Магомедов Р.М. Указ соч. С. 167.

⁵ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 166–167.

наблюдаем и более дифференцированную классовую структуру». В Кумыкии в XVIII – нач. XIX в. было два класса – класс феодалов и класс крестьян¹. По его мнению класс феодалов составляли в этот период: 1) шамхалы, 2) беки (бии), 3) чанки, 4) мурзы, 5) сала-уздени и 6) высшее духовенство. Но наблюдалась острая социальная борьба внутри ускоренно росшего феодального класса. Борьба шла между братьями и родственниками внутри самого Шамхальства, а также между эндириевскими и костековскими владельцами. Против шамхала тарковского Адиль-Гирея ополчились его брат Муртазали и Умалат-шамхал².

Шамхал тарковский в изучаемый период всеми силами старался сохранить свое бывшее могущество, удержать право наследственного владения землями всей Кумыкии и держать в зависимости остальных кумыкских беков. Временами, используя внешние силы, шамхалу удавалось это сделать. И все же утвердиться правителем всей Кумыкской земли шамхалу не удалось ни в XVIII, ни в XIX в.³ Беки кумыкские не были заинтересованы в усилении шамхальской власти и не поддерживали его централизаторские усилия. Присоединение Дагестана к России в 1813 г. сняло с повестки дня этот вопрос, который больше особо не возникал.

По наблюдениям Х.-М. Хашаева, «главным земельным собственником являлся шамхал. Шамхалу, бекам и чанкам принадлежали лучшие земли и оросительные каналы. Многие шамхальские беки имели десятки тысяч десятин земли. За земли, находившиеся в наследственном пользовании отдельных сельских общин, феодалы получали подати и повинности, которые они могли продать любому лицу»⁴. Он же писал, что «феодальная собственность в Шамхальстве тарковском образовалась путем захвата общинных и присвоения пустующих земель... Шамхалы, беки, чанки не останавливались перед прямым захватом общинных земель; примером может служить ме-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 166

² Там же. С. 166, 168.

³ Там же. С. 169.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 209.

стность Кокрек, принадлежавшая жителям селений Атлы-Буюн и Кумторкала и захваченная шамхалами»¹.

Х.-М. Хашаев отмечал и то, что в сельских обществах «на плоскости, где до прихода шамхалов существовали карачибеки, они успели захватить значительные земельные массивы и уже пользовались привилегиями наравне с шамхальскими беками. Крестьяне постепенно теряли свободу и к XIX в. стали чагарами или зависимыми узденями. Земли, принадлежавшие сельским общинам на правах собственности, находились в подворном или совместном пользовании крестьян, подвергались ежегодному переделу, за исключением пастбищ и лесных участков»².

Отметим, что беки по обычаю «не могли посягать на личные права жителей, которые пользовались личной свободой и правом выхода из состава зависимых от беков обществ», но и продавали и раздавали право взимать подати и повинности с населения³.

По мнению Х.-М. Хашаева, «шамхалы до ликвидации в Дагестане ханств имели политическую власть, военную силу в виде дружин нукеров и право суда. Они могли силой заставить зависимых крестьян работать на себя и отбывать натуральные и денежные повинности. Беки в Шамхальстве юридически имели только административную власть. Однако они не делали разницы между административной и судебной властью и жестоко расправлялись со своими раятами и зависимыми узденями за неповиновение»⁴. Случаи такого неповиновения имели место и в Шамхальстве. Известно, что жители села Губден выступали против своих князей или беков. Мехти – сын шамхала – по повелению отца и по совету акушинского кадия решился применить силу против бунтовавших губденцев в 1795 г.⁵

По наблюдениям С.Ш. Гаджиевой Тарковское шамхальство, как и другие феодальные владения Дагестана, не имело сложной системы административных учреждений, действовавших постоянно. Шамхал периодически собирал на маджлис

(совет) своих советников, крупных вассалов, принимал решения с их участием. Но он мог и самолично решать все вопросы, демонстрируя свою неограниченную власть.

У шамхала не было постоянной армии. Но при необходимости он мог выставить до 25–26 тыс. вооруженных лиц. Это позволяло ему практически проводить политику самостоятельного правителя с неограниченными правами. Хозяйство шамхала управлялось «дворецким», «сотниками», городскими (чаушами)» и т.д.

Как бы то ни было, Шамхальство было вполне сложившимся феодальным государством со всеми необходимыми в таких случаях службами, органами. О демократических традициях в нем говорить довольно сложно, поскольку все разборки дел уголовного характера происходили внутри сословных судов. По отношению к биям права мести не имел никто из нижестоявших сословий – ни уздени, ни чагары, ни рабы¹. Если бий убивал кого-либо из других сословий вместо него (убийцы) в канлы (изгнание) выходил его уздень. В большинстве же случаев бий ограничивался уплатой семье убитого определенного вознаграждения. Если же бия убивал уздень, чагар и т.д., то родственники убитого нападали на дом убийцы, уничтожали все его семейство, отбирали имущество и сжигали дом. Если князя обвиняли в чем-нибудь уздени, особенно второстепенные или третьестепенные, то штраф, которому подвергался князь или бий, бывал весьма мал, а в отдельных случаях его положено не было. За похищение имущества у поселян похититель-князь платил только стоимость похищенного предмета. Похищение же имущества у князя «влекло за собой плату за похищенное в десять раз больше»². Если виновный не в состоянии был уплатить эту сумму, то должен был поступить к князю в рабство. Это означало, что феодалы в Шамхальстве не несли ответственности за пролитую кровь чагара или раба. Поэтому князь нередко «умерщвлял второстепенных и третьестепенных узденей», при этом оставаясь совершенно безнаказанным³.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 308

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 210.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Наука, 1961. С. 134.

² Там же. С. 134–135.

³ Там же. С. 135.

Необходимо отметить и то, что селениями в Шамхальстве управляли их беки, которые опирались на влиятельную верхушку общества. Большое место в сельском управлении занимали старшины, а так же «так называемые аксакалы, карты, кадии, бегавулы или чауши (исполнители распоряжений сельского начальства), тургаки (сельская стража) и др. Некоторые из картов исполняли обязанности старшин, а большинство выступало в качестве судей. Необходимо обратить внимание и на то, что князья и сала-уздени и по делам о разделе между ними имущества придерживались норм обычного права¹.

По наблюдениям Б.Г. Алиева, «беки в своих владениях пользовались полной властью, имели свой двор, рабов и нукеров, но в значительно меньших размерах, чем имел шамхал». И самое интересное было в том, что, «находясь в составе Шамхальства, беки сами не были должностными лицами, шамхал их не назначал и не смещал. Они были вассалами шамхала и несли сопряженные с этим обязанности вассала к сюзерену»². Наблюдалась и тенденция обособления беков от власти шамхала. Видимо, так образовались бекские династии в кумыкских бийликах, в дела которых шамхалы обычно не вмешивались³.

Шамхалом обычно избирали старшее лицо из шамхальского дома. Одновременно с ним намечался и его будущий преемник, называвшийся крым-шамхалом и имевший резиденцию в Буйнаке (или Бойнаке). Как правило, это бывал старший сын шамхала. Пример исключения из этого правила – в начале XVIII в. в Бойнаке наследником шамхала был брат Адиль-Гирея Муртазали⁴.

Вторым лицом в Шамхальстве считался визир, которого назначал сам шамхал. Визиров бывало несколько, но «каждый из них отвечал за определенный круг обязанностей». От шамхалов визиры жалованья не получали. «Эта должность была почетной» – пишет Б.Г. Алиев⁵.

¹ Там же; Адааты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Вып. IV. 1871.

² Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. (XVIII – первая пол. XIX в.). Махачкала, 2006. С. 218.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 212.

⁵ Там же; Челеби Эвлия. Книга путешествия. М. 1972. В. II С. 106.

Согласно сведениям турецкого географо-путешественника XVII в. Эвлия Челеби в Шамхальстве имелись и другие административные лица: писари, кадиаскеры (верховные судьи при шамхальском дворе). В ведении кадиаскера находились судебные дела. На заседаниях совета кадиаскер садился ниже шамхала, но выше знати. Но, кроме него (главного судьи), имелись и кадии, разбиравшие в основном дела гражданские по нормам шариата¹.

Имелась при шамхальском дворе и должность назира, который ведал финансами и другими делами, следил за поступлением ясака в шамхальскую казну, за рахтарными сборами, ездил за жалованьем для шамхала к царским властям. В частности, известен один назир по имени Садых-ага, который был заодно и дворецким шамхала². Имелся у шамхала и мирза (письмоводитель)³ или секретарь.

Очень подробно была разработана судебная система в Тарковском шамхальстве, что было показателем его высокой организованности.

Она достаточно хорошо исследована и освещена в труде С.Ш. Гаджиевой «Кумыки». В ней особенно удачны строки, отведенные характеристике суда и судебной работы в Шамхальстве. С.Ш. Гаджиева писала еще в 1961 г., что в Тарковском шамхальстве «суд по адату производили опытные и влиятельные старики из князей и узденей, называвшиеся в разных местах по-разному: карты, аксакалы, тёречи, диван-беги и в более ранний период – карачи. При решении дел по шариату в качестве судьи выступал кадий. Существовал и третейский суд (суд по маслаату), решение которого считалось окончательным. Число судей зависело от величины селения. В сел. Башлы, например, общество «избирало» шесть картов (в судьи и в старшины вместе. Суд происходил или в специальных помещениях – «диван-хана» или просто у главной мечети, куда шли люди, имевшие судебное дело. Судьи выслушивали истца, ответчика, свидетелей, а затем большинством голосов выносили решение.

¹ Там же. С. 217; Акбиев А.С. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 170–171.

² Алиев Б.Г. Традиционные институты... С. 216; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1957. С. 274.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 192–193.

Решение суда по адату, как правило, бывало словесное, а «по шариату иногда на бумаге, особенно, когда того требовал обвиняемый»¹.

Кроме свидетелей, в судебном процессе важную роль играли «тусевы» (соприсяжники), и «айгаки» (доказчики). Тусевы выступали в роли заочных свидетелей, когда дела решались только на основании подозрения. Они назначались самим истцом из родственников обвиняемого, знающих обстоятельства дела и внушающих доверие. Число тусевов зависело от важности разбираемого вопроса, и каждый из них должен был своей присягой оправдать или обвинить ответчика. В случае, когда совершивший преступление не был известен, истец использовал «доказчика» (айгака), который разыскивал виновного»². Айгак получал определенное вознаграждение за свои услуги и труды.

Нередко решения по тем или иным причинам отменялись феодальными владетелями, выносившими свой окончательный приговор, или царской администрацией по прошениям жителей³. Этот суд не отличался особой волокитой.

Особо следует подчеркнуть что в системе наказаний важное место занимали штрафы, которые взимались натурой или деньгами, роль которых в жизни дагестанского общества возрастала по мере развития товарно-денежных отношений. Судьи за свою работу получали от общества известную часть от собираемых штрафных денег или хлеба, имели некоторые преимущества в землепользовании и водопользовании и т.д. ... При ежегодных переделах общественной земли каждый карт получал двойной участок. В том же селении «кадий получал с каждого двора по 3 сагI пшеницы...»⁴.

У северных кумыков кадий получал с каждого двора по два четверика проса, пшеницы и баранами со ста одного»⁵.

Для решения особо важных проблем князя, старшины или карты созывали общий сход всех совершеннолетних мужчин. Тем не менее, дела в целом решались по воле феодальной верхушки и влиятельной части узденей села.

Важное внимание уделялось выборам чаушей и бегаулов, а также тургаков. В каждый квартал аула назначался один чауш (бегаул). Их служба в целом сводилась к оповещению народа о времени созыва предстоящего схода, о коллективных работах по благоустройству дорог, мостов, родников, очистке оросительных каналов и т.д.¹ Чауши в отдельных селах ежегодно получали от общества по 1 лошади, чтобы исполнять свои обязанности. Число чаушей, судей или картов росло с каждым годом, укрепляя позиции феодального класса как в Дагестане в целом, так и в каждом его феодальном владении. Число административно-политических лиц в каждом феодальном владении или, скажем, даже в союзах сельских обществ зависело от количества составлявших их сел, от численности их населения, экономических занятий и состоятельности его, от количества кварталов в каждом селе.

И здесь нужно согласиться с Б.Г. Алиевым в том, что особенностью изучаемого нами периода истории Дагестана являлось дальнейшее укрепление власти административно-должностных лиц (старшин и кадиев), превративших еще до XVIII в. свою власть в наследственную. Выборность административно-должностных лиц стала формальностью, внешней формой былого народоправства. Богатые и влиятельные тухумы практически верховодили на всех сходах, продвигая своих представителей в административно-должностные лица, чтобы далее им легче было решать свои экономические проблемы за счет общества при переделах пахотных земель и т.д.

В союзах сельских обществ также углублялась социальная дифференциация. Вопреки утверждениям отдельных исследователей нашего времени об отсталости горских народов Северного Кавказа, в их числе и народов Дагестана, об отсутствии у них системы государственного управления, об их «догосударственном» уровне социально-экономического развития еще в XIX в., на самом деле она имела место: союзы сельских

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 142.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С.140–141.

² Там же. С. 141.

³ Там же; Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. IV. С. 4; Алибеков М. Адаты кумыков. Махачкала. 1927. С. 5.

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 141; Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // ИГЭД. С. 240.

⁵ Там же.

обществ имели «полиструктурное и многоступенчатое административно-политическое управление», которое практически отличалось внешне своей однотипностью во всех этих государственно-политических образованиях Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX в.¹

При внимательном анализе большинства источников по затронутой проблеме можно выявить и много особенного, специфичного в развитии и каждого феодального владения и каждого союза сельских обществ, в которых процесс естественно-политического и экономического развития был нарушен присоединением к России по Гюлистанскому мирному договору Ирана и России от 24 октября 1813 г. Далее путь развития Дагестана прокладывали скорее чиновники России, чем этим занимались дагестанские народы.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹ Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. (XVIII – первая половина XIX вв.). Махачкала, 2007. С. 356.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный в данной работе материал позволяет констатировать, что основные вопросы истории Дагестана второй половины XVIII – начала XIX вв., каковыми являются проблемы политического положения, социально-экономического развития, административно-территориального устройства до сих пор оставались малоизученными, несмотря на то, что их разных аспектов касались в своих трудах многие исследователи истории Дагестана, о чем достаточно подробно сказано во вводной части данного исследования, базируются на огромном фактическом материале, извлеченном из разных фондов архивов страны и хранящимся в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН. Особенно широко нами использованы публикации архивных источников исследуемого периода, позволяющие раскрыть интересующие нас аспекты освещаемой нами сложной, трудной проблемы истории Дагестана.

Сложность ее исследования заключается в первую очередь в том, что Дагестан во второй половине XVIII – начале XIX вв., как и до этого, состоял из множества своего рода государственных образований. Приблизительно половину территории Дагестана занимали феодальные владения, во главе которых стояли феодальные правители, которые у разных народов назывались по-разному: шамхалы, ханы, уцмии, майсумы, нуцалы, султаны, князья. Таких феодальных владений с соответствующим социальным строем и административно-политическим устройством в Дагестане насчитывалось до 15. Охарактеризовать каждое из этих владений в плане социально-экономического развития, а также их общественно-политического устройства – задача не из легких.

Среди них по своим размерам, численности населения, политической активности и роли их среди других феодальных владений особо отличались Тарковское шамхальство, Эндирейское владение, Казикумухское, Дербентское и Аварское ханства.

В принципе все они играли важную роль в политической жизни Дагестана, в его связях и взаимоотношениях с Россией, Турцией и Ираном, стремившихся, привлекая их правителей разными способами на свою сторону, установить свою власть над народами Дагестана.

Однако феодальные владетели Дагестана разными способами старались сохранить свою независимость от таких посягательств, отражая чаще общими усилиями нашествия как иранских, турецких, так и российских войск, проводя политику лавирования и т.д.

Роль феодальных владетелей при таких событиях обычно резко возрастала: они выполняли при подобных случаях функции верховных главнокомандующих отрядами ополченцев из своих подвластных, составлявших главную их воинскую силу. В таких случаях каждый совершеннолетний мужчина обязан был быть вместе со всеми остальными сельчанами в рядах борцов за независимость от иноземных захватчиков или от других феодалов Дагестана.

Во внутреннем управлении роль феодальных владетелей была также велика – они являлись носителями всей полноты власти (право суда и расправы). В мирное время в уделах, как правило, правили беки. Правители не вмешивались в их дела. Но в военное время беки обязаны были являться по призыву правителя со своим воинским отрядом. Волю хана и беков проводили в жизнь дружинники – вооруженные нукеры; должностные лица. Они и выполняли обязанности полицейских, сборщиков налогов и податей с крестьян, хранителей доходов и их распределителей. У некоторых из феодальных правителей имелись в качестве помощников или исполнителей особые лица – визиры и назеры, городовые (в частности, они имелись у тарковских и дербентских правителей).

Власть в феодальных владениях обычно переходила по прямому наследству – от отца к сыну или же к старшему в правившем роду. Нередко имели место и нарушения этих правил, что приводило к затяжным внутренним конфликтам в феодальных владениях, тяжело отражавшимся на социально-экономическом положении зависимого населения.

Как особенность политического устройства Дагестана в исследуемый период, нужно отметить, что в этот период в нем не сложилось единое государственное образование. Термин «Дагестан» в этот период был более географическим понятием, чем политическим. Правители феодальных владений фактически признавали принцип их сословного, социального равенства

друг с другом, что особенно учитывалось при заключении их брачных союзов.

Дети правителей от их браков на женщинах им социально неравноправных назывались чанками и не имели владельческих прав, получали в наследство от отца только ту землю или другие материальные ценности, которые еще при жизни отец выделял им. Чанки нередко с оружием в руках добивались выделения им равной доли из отцовского владения, как и другим социально-равноправным ханскому или бекскому сословию их братьям, что часто приводило к затяжным внутренним усобицам.

Вторую половину территории Дагестана занимали так называемые союзы сельских обществ или «вольные» общества. Они имелись практически у всех народов Дагестана, кроме кумыков. Они имелись у аварцев и народностей аваро-андоцезской языковой группы, даргинцев, лезгин, табасаранцев, агулов и рутулов.

Больше всего союзов сельских обществ было у аварцев; количество их союзов доходило до 50; у даргинцев было 17 союзов, у лезгин 12, у табасаранцев – 9, у агулов – 3, у рутулов – 2¹. Союзы сельских обществ различались по количеству входивших в них сел, по численности и этническому составу населения, по величине занимаемой ими территории. Но система управления у них практически была схожей, одинаковой.

Их политический статус не был одинаковым, так как одна часть из них входила в состав феодальных владений и зависела от их владетелей, другая часть находилась в полузависимом или зависимом экономическом положении, третья часть их была самостоятельна, хотя и ощущала экономическую зависимость от Тарковского шамхальства, Кайтагского уцмийства, Аварского ханства и табасаранских владетелей.

Более в социальном плане были независимы жители главных и крупных населенных пунктов с сильными джамаатами. Следует отметить, что союзы сельских обществ охватывали территорию горного Дагестана от Андийского хребта на северо-западе до Главного Кавказского хребта и до границ с

¹ Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – в начале XIX вв. Махачкала, 2006. – 378 с.

Грузией, а на юге до южного берега р. Самур. На востоке союзы сельских обществ граничили с территориями Эндейского княжества, Аварского, Мехтулинского и Казикумухского ханств, Кайтагского уцмийства, Табасаранских майсумства и кадийства, Тарковского шамхальства, Дербентского и Кюринского ханств.

Отметим, что «в ряде случаев союзы сельских общин объединялись в более крупные политические единицы, основанные на федеративных или конфедеративных началах. Такими крупными объединениями были у даргинцев Акуша-Дарго, у аварцев Антль-Ратль, Ункратль, Дидо и Джаро-Белоканский союз, у табасаранцев Девек Елеми» или Горный магал. Эти этно-территориальные государственные образования, каждое из которых считало себя независимым от каких-либо феодальных владетелей, оказывая в случае необходимости им посильную военную помощь, играли важную роль в политической жизни Дагестана¹.

В этих федерациях союзов сельских обществ не было полного равенства составлявших их союзов сельских обществ. Среди них главенствующую роль играл обычно более крупный в территориальном отношении и многочисленный людьми союз, с которым обязаны были согласовывать свои действия и политическую линию остальные союзы сельских обществ, имевшие с давних пор свои определенные территории, защищать которые обязаны были все жители союза, в первую очередь мужчины со времен совершеннолетия до 50-60 лет, способные владеть оружием.

Приведенный в работе материал позволяет утверждать, что, вопреки утверждениям российских дореволюционных и некоторых нынешних ученых об отсутствии в союзах сельских обществ системы управления, фактически существовала четко организованная система административного управления, костяк которой составляли старшины, бывшие светскими руководителями, возглавлявшими и производившими судопроизводство, а также мангуши и исполнители, выполнявшие полицейские функции.

¹ Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – в начале XIX вв. Махачкала, 2006. – С. 352.

Довольно сильной была власть и мусульманского духовенства, которое следило не только за выполнением общинниками религиозных обрядов, но и производило судебные разбирательства многих внутрисельских тяжб по нормам шариата. Этими вопросами в основном занимались духовные лидеры – кадии, которые имелись во всех союзах сельских обществ, разбирали дела и споры, по разделу имущества между наследниками умерших родителей или других родственников, земельные споры и т.д.

Светская власть в союзах сельских обществ проявлялась в виде совета (схода) старейшин, старшин всех сел того или иного союза.

В федерациях также общая светская власть проявлялась в сходах старшин всех союзов сельских обществ, составлявших ту или иную федерацию. Сходы обычно происходили на территории главных союзов с.о. федераций или конфедераций¹.

В целом союзы сельских обществ Дагестана имели полиструктурное, многоступенчатое административно-политическое управление, стоявшее в первую очередь на защите экономических интересов господствующих слоев сельских обществ.

Необходимо отметить, что в союзах сельских обществ феодальные отношения внешне не проявлялись, хотя экономическому неравенству в них сопутствовало и социальное неравенство, имели место эксплуататорские отношения. По существу в скрытой под видом родственных отношений форме правящая верхушка союзов сельских обществ эксплуатировала обедневших общинников, старалась навязать всему обществу свою волю, захватывая даже выборные административные посты, лучшие земли, пастбища, лесные участки² и т.д.

Приведенные в работе данные из источников и литературы по изучаемой проблеме, достаточно четко высвечивают картину взаимосвязей и сотрудничества народов Дагестана, структуры их государственно-экономических образований. В то же время многократные сноски на труды предшественников, за-

¹ Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – в начале XIX вв. Махачкала, 2006. – С. 355.

² Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVIII веке. Махачкала, 1973. С. 205.

трагивавших изучаемую нами проблему, свидетельствуют о нашем стремлении воздать должное всем им, не принижая ничуть их заслуг. Их выводы и наблюдения существенно помогли мне в решении задачи данного исследования. Она же заключается в том, чтобы опровергнуть утверждения ряда северокавказских авторов высокого ранга о нахождении народов Северного Кавказа, не исключая собственно и народов Дагестана, на «догосударственном» уровне развития, т.е. на уровне практически родового строя, к моменту их включения в состав Российской империи по Гюлистанскому русско-иранскому мирному договору от 24 октября 1813 г.

Приведенные нами данные показывают, что Дагестан в изучаемый здесь период состоял из множества этно-территориальных политических структур, т.е. не представлял из себя единого государственного образования с единым правителем, единой резиденцией, общими воинскими формированиями, единой системой управления общегосударственного масштаба. Он представлял к концу XVIII – началу XIX вв. единую, цельную территориально-экономическую единицу, объединявшую многоплановыми связями множество политических образований и около 30 народов, у которых вызревала уже идея общности их историко-политических судеб (см.: Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география. Кн. I. С. 300–301).

Каждая территориально-политическая единица Дагестана – и феодальные владения и союзы сельских обществ – имела уже четко обозначенную и известную с древних времен территорию, защита которой от посягательств извне являлась обязательной для всех их жителей, достигших совершеннолетия (15–16 лет). Эти взаимосвязанные экономическими, политическими и культурно-этническими узлами государственно-политические образования составляли территорию Дагестана, которая заключалась между реками Терек на севере и Самур – на юге, Каспийским морем на востоке и Главным Кавказским хребтом – на западе. Эта территория имела и другое разделение. Она делилась на Северный (земли между Тереком и Сулаком), Средний (территория от Сулака до р. Дарбах на юге, отделяющей его от Дербентского ханства) и Южный Дагестан (земли от р. Дарбах

до р. Самура и т.д. на юге и с востока от Каспийского моря до границ с Азербайджаном на юго-западе).

Северный Дагестан составляли три самостоятельные к изучаемому нами периоду феодальных владения (княжества Эндирейское, Аксайское и Костековское), основным населением которых были кумыки.

Средний Дагестан имел более обширную территорию, в климатическом и в этническом отношении более разнообразную. На ней располагались Казикумухское, Аварское и Мехтулинское ханства, Кайтагское уцмийство и самое большое феодальное владение Дагестана – Тарковское шамхальство. В этой же части Дагестана располагались и все союзы сельских обществ даргинцев и аварцев, наиболее известными среди которых были Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Андалал, Койсубула, Анди, Гидатль, Антль-Ратль, Дидо и др.¹

Известными торгово-экономическими и ремесленными центрами в этих частях Дагестана стали к концу XVIII в. Эндирей, Аксай, Костек, Тарки, Губден, Карабудахкент, Казанищи, Кумух, Дженгутай, Акуша, Цудахар, Хунзах, Анди, Телетль, Кахиб, Урада, Чиркей, Унцукуль, Согратль, Чох, Ругельда, Урахи, Чиркей, Башлы, Кубачи, Уркарах.

Третья часть называлась Южным Дагестаном, где располагалось наиболее известное с древних времен феодальное владение Дагестана – Дербентское ханство (резиденция – Дербент находилась на самом узком проходе между Кавказскими горами и Каспийским морем, что давало возможность его владельцам контролировать функционировавший с раннего средневековья торговый или «шелковый» путь из Европы, через Россию, по Волге до Астрахани, от нее по Каспийскому морю вдоль берега в Дербент и далее в Баку, Иран и т.д.

Сухопутная трасса этого пути шла от Астрахани к Сунженскому городку к переправе, оттуда далее путь шел в Эндирей; от Эндирея до Тарков шли сухопутьем и так далее в Дербент, Нуху, Шемаху. Территория Южного Дагестана в XVIII – нач. XIX вв. была значительно шире, охватывала земли Дербентско-Кубинского ханства почти до Баку и Апшерона.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 303.

В Южный Дагестан входили земли табасаранских Кадийства и Майсумства, Илисуйского (Цахурского) султанства, а под конец XVIII в. и земли Кюринского ханства, где правили – выходцы из дома казикумухских ханов, т.е. 4 феодальных владения и 25 союзов сельских обществ¹. Хозяйство жителей этих политических образований было многоотраслевым (земледелие, полеводство, садоводство, виноградарство) и в сельскохозяйственном плане и в ремесленном отношении. Занимались жители южно-дагестанских сел и скотоводством (овцеводство и разведение крупного рогатого скота), птицеводством.

Данные источников позволяют говорить о неразрывной связи народов Южного Дагестана в областях экономики, культуры и политики с народами остальных частей Дагестана и его южного соседа – Азербайджана в XVIII – начале XIX вв.²

В изучаемый период истории не раз возникали угрозы территориальной целостности и политической самостоятельности Дагестана. Но народы Дагестана, в принципе и их правители, находили пути ко всеобщему примирению в целях отражения нависшей над Дагестаном угрозы. В частности, такое явление имело место в 1797 г., когда шах-деспот Ирана Ага-Магомет-хан объявил о намерении вторгнуться в пределы Дагестана и покорить его своей властью. Именно тогда правители Дагестана дали клятву действовать сообща в случае вторжения Ага-Магомет-хана в Дагестан. Нет сомнений, что шах знал об этом и не стал испытывать судьбу, увел свои войска вглубь Ирана.

В современных условиях тоже нужно все делать, чтобы избежать межнациональных конфликтов. При желании всех сторон можно будет найти мирное решение спорных вопросов. Историкам – нужно писать правду о прошлом, чтобы не ошибиться ни в нынешнем, ни в будущем времени.

Если подробнее остановиться на обобщении каждого из затронутых в данной работе аспектов изучаемой проблемы, можно придти к определенным выводам. При анализе имею-

щихся данных по социально-экономическому развитию народов Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX в. выясняется, что народы Дагестана практически все свои экономические проблемы решали за счет производительного труда в области сельского хозяйства (земледелие, животноводство, занятие ремеслами по производству разных предметов домашнего обихода из дерева, металлов – железа, меди, олова и т.д.), глины, из сельхозсырья, шерсти, шкур, овчин и т.д. Практически дагестанские умельцы производили огромное число нужных для повседневного использования предметов одежды, обуви, хлопчатобумажных и шелковых, а также шерстяных тканей. Слабым местом в экономике горских народов оставалась проблема обеспечения всех жителей достаточным количеством зерна. Зерновая проблема являлась одной из главных проблем экономических взаимосвязей народов Дагестана, а также их связей с народами Азербайджана, Грузии, Чечни, России.

Горцы вполне успешно решали эту проблему, вкладывая огромные усилия в расширение пахотных площадей за счет террасирования горных склонов, тщательной обработки земли под пахоту и т.д. Путь решения зерновой проблемы был издревле отработан: горцы приобретали зерно у жителей плоскостных сел в обмен на животноводческую продукцию (мясо, овцы, жиры, сыры, масло топленое и т.д.), изделия ремесла (оружие, обувь, меховые изделия, ковры, паласы и т.д.).

В Дагестане сложилась и густая сеть торговых путей, связывавших горные и плоскостные районы, где функционировали базары-ярмарки местного, локального или общедагестанского масштаба.

Дербент играл роль и международного, и общедагестанского и регионального торгово-экономического центра. Он имел связи со странами Европы, с Россией, народами Северного Кавказа. На его базаре или в лавках его купцов можно было приобрести товары любых стран Закавказья, Ирана, Азербайджана, России и Европы. Превалировала меновая торговля, так как своей денежной валюты или системы Дербент не имел. В обращении бывали обычно шахские (иранские) и султанские (турецкие деньги, российские серебряные рублевки). Эквивалентами при торговых операциях служили медные или бронзо-

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. II. С. 257–258.

² Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – нач. XIX в. (Политический аспект). Махачкала, 2007. С. 310.

вые котлы, отрезы из тканей – сукна, шелка и т.д., овцы. Основу богатства составляла частная собственность на землю, дом, скот.

По имущественному положению крестьянские семьи и семьи феодальных сословий давно четко различались. Многие узденские хозяйства были лишены частных пахотных земель. Им приходилось арендовать пахотные участки на разных условиях у своих богатых земляков. В целом основные экономические проблемы народы Дагестана, решали в пределах Дагестана, используя межэтнические торговые контакты, установившиеся между жителями разных климатических и географических зон, где сформировалась целая сеть торговых центров: это и Дербент, и Ахты, Кумух, Цудахар, Акуша, Хунзах, Н. Дженгутай, Н. Казаничи, Анди, Ботлих, Карадах, Эндери, Аксай, Карабудахкент, Башлы и т.д.

В целом же общественное положение каждого общинника или узденя, владевшего определенной частной земельной собственностью и некоторым количеством овец, а также несколькими коровами, зависело от знатности его по происхождению, зажиточности его тухума, величины его земельной собственности, от количества его овец, коров и т.д. Иначе говоря, всеобщее равенство эпохи родового строя к изучаемому периоду ушло в прошлое и его внешне сохранившиеся пережитки нельзя принимать за родовой строй в целом. Такого рода ошибку допускали авторы дореволюционного периода (имеется в виду Октябрьская революция 1917 г.)¹ и некоторые современные исследователи, пишущие о «догосударственном» уровне развития народов Дагестана в период присоединения его к России по Гюлистанскому ирано-российскому договору 1813 г.

У дагестанцев в целом сложилась система хозяйства, удивительно приспособленная к местным естественно-климатическим условиям. Основу экономики их составляли земледелие и животноводство, особенно овцеводство, которое носило отгонный характер, давало мясомолочные продукты, шерсть и др. сырье для занятий домашними промыслами (обработка шерсти, ковроткачество, изготовление войлоков, паласов,

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. С. 235.

сукноделие). За мясо, скот и мясомолочные продукты горцы приобретали у плоскостных жителей зерно и др. необходимые товары.

Имущественная градация дагестанского общества в исследуемый период была довольно сильной. Это сказывалось очень четко на социальной градации. Причем это было заметно и в союзах сельских обществ, где феодально-крепостнических отношений не было, и в феодальных владениях, в которых социальные отношения были более четко выражены, было больше социально зависимых и неполноправных категорий населения, начиная с ханов (правителей), беков (владельцы уделов), чанков, чанка-беков, узденей (у кумыков были известны салаузлени, догерек-уздени, кара-уздени, азат-уздени), и кончая раятами, чагарами, кулами (каравашиами).

Социальная структура в союзах сельских обществ была несколько слабо выраженной. В них избранные обществом в управленческие структуры лица приобретали или присваивали права контроля за многими сторонами жизнедеятельности рядовых общинников, ущемляли их права разными способами.

Не отставали народы Дагестана и от других народов Северного Кавказа, можно сказать, и Закавказья в социально-экономическом развитии и в административно-политическом устройстве.

Как отмечено Б.Г. Алиевым, «влияние в сельских обществах союзов сельских общин богатых и сильных тухумов было так велико, что, если не юридически, то фактически, власть их в управлении общиной превратилась в наследственную, становясь привилегией только их представителей»¹. Особенно это случалось с избранными в старшины сел лицами. В конечном итоге происходил процесс превращения административно-должностных лиц из «слуг общества»... в господ над ним и образования «наследственной знати».

Не менее заметно росла в союзах сельских обществ и в феодальных владениях Дагестана и роль кадиев, являвшихся выразителями интересов разраставшегося численно класса феодалов.

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. С. 235.

В целом в союзах сельских обществ и феодальных владениях Дагестана в XVIII – начале XIX вв. шел процесс углубления и упрочения феодальных отношений. Приведенные в этом исследовании фактические данные позволяют констатировать: государственный строй в Дагестане начал складываться еще со времен Кавказской Албании в 4–5 вв. н.э. в форме более демократичных союзов сельских обществ и централизованных феодальных владений. Видимо, в период поиска форм нового общественного устройства опыт, пройденный народами Дагестана в XVIII – нач. XIX вв., должен быть учтен при разделении властных полномочий между федеральными и региональными (местными) органами власти. Они должны общими усилиями беречь административно-политическую целостность Дагестана в составе Российской Федерации.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Опубликованные документы и материалы.

- Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7.
Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 4.
Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8.
Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис. 1868-1904. В 12-ти тт.
Алибеков М. Адаты кумыков. Махачкала, 1927.
Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804. // ИГЭД. М., 1958.
Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858.
Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Т. 1-3.
Генеалогия Елисуйских султанов // АКАК. Тифлис. 1869. Т. 3.
Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ра, 1958 г. (Далее – ИГЭД). С. 60-120.
Гидатлинские адаты. Подготовка к печати Х.-М.Хашаева и М.-С.Саидова. Махачкала, 1957.
Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия г.-на Академика И.А.Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72, 73 годах. СПб., 1809.
Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост. и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.
Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья // Издание Закавказского статистического комитета. Тифлис: Тип. И.Мартиросианца, 1890.
Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-г. гг. XIX в. Сб. док-тов. Сост. В. Гаджиев и Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.
Десимон А.Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // ИГЭД. М., 1958.
Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи // ССКГ. Тифлис, 1892. Вып. 2.

Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы. Сост. А.С.Омаров. Махачкала, 1968.

История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв. Арх. материалы. Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. (Далее – ИГЭД). – 371 с.

Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 252-264.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 2.

Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. 1958. С. 6-59.

Магомедов Р.М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.

Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала. 1940. Т. III. Ч. I. 1801-1839 г.

Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2. Отд. IV. С. 1-17.

Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. 1958. С. 320-324.

Описание Кюринской провинции от 1812 г. // АКАК. Тифлис. 1873. Т. V. С. 154-156.

Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. / Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант» ЦГА РД. Махачкала, 2002. – 482 с.

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: «Наука», 1965. – 279 с.

Предписание кн. Цицианова ген.-м. Гулякову от 6 апреля 1803 г. // АКАК. Тифлис. 1868. Т. II. Ч. I.

Предписание кн. Цицианова ген.-м. Гулякову от 14 апреля 1804 г. // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. Ч. I.

Письмо ген. Ртищева к Джарскому обществу от 26 сентября 1813 г. // АКАК. Тифлис. 1873. Т. V.

Письмо Джарских обществ к ген.-л. Кноррингу // АКАК. Тифлис, 1866. Т. I.

Письмо кн. Цицианова к Мамед-Хасан-хану от 21 марта 1803 г. // АКАК. Тифлис. 1868. Т. II. Ч. I.

Рапорт ген.-м. Мадатова ген.-л. Вельяминову от 15 августа 1819 г. // АКАК. Тифлис, 1835. Т. 5. Ч. II.

Рапорт ген.-м. Пестеля ген. Ермолову от 14 июня 1818 г. // АКАК. Тифлис. 1875. Т. VI. Ч. II.

Рапорт ген.-м. Пестеля ген. Ермолову от 14 июля 1818 г. // АКАК. Тифлис. 1875. Т. VI. Ч. II.

Ржевуский А. 1845 год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1882. Т. 6.

Ртищев Ф.Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. 1958.

Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сбор. документов. Сост. проф. В.Г. Гаджиев, Д.-М.С.Габиев, Н.А.Магомедов, Ф.З.Феодаева, Р.С.Шихсаидова. М.: Наука. 1988.

Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Наука, 1958.

Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Наука, 1958.

Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Наука, 1958.

Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архив. материалы. Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Глав. ред. вост. лит-ры. 1969.

Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII – XIX вв. / Состав. Т.М. Айтберов. Махачкала, 1999. Ч. I-II.

Челеби Эвлия. Книга путешествия. М.: Глав. изд. вост. лит-ры. 1975. Вып. II.

Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Тбилиси, 1953.

Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868.

Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. М., 1958.

Б. Монографии, книги.

Аглавов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане. XVII – нач. XIX вв. М.: Наука. 1988.

Акбиев А.С. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000.

Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. – 235 с.

Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007. – 438 с.

Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала. 2009. – 416 с.

Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII – первая половина XIX вв.). Махачкала, 2006. – 378 с.

Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 1999. Кн. I. (Историческая география Южного Дагестана) – 324 с.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 2001. Кн. II. (Историческая география Южного Дагестана) – 324 с.

Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в.: Вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала. 2008. – 400 с.

Айтберов Т.М. Мусульманская элита кумухского корня. Махачкала, 2008.

Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2002. – 528 с.

Бакиханов А.-К.А. Гюлистан-Ирам. – Баку. 1926.

Бакиханов А.-К.А. Гюлистан – и Ирам. Баку: Элм. 1991. – 305 с.

Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд-е 2-е. Казань: Университетская тип. 1850. Ч. 1-3.

Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. Москва: «Мысль», 2004. – 877 с.

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку. 1925. 150 с.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского. 1823. Ч. 2. – 421 с.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. – СПб., 1868. В 3-х частях.

Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.

Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис, 1901.

Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. – Монография. – Славянск – на Кубани, 2005. – 382 с.

Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М. Изд-во АН СССР. 1961 – 387 с., илл.

Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.

Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала. 1996.

Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся «как исторический источник по истории народов Кавказа». М.: Наука. 1979.

Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. – 276 с.

Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – XIX вв. Махачкала. Дагкнигоиздат, 1978. – 99 с.

Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала: Дагучпедгиз. 1994. – 255 с., карт.

Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004.

Гасанов М.Р. Дагестан: перекресток цивилизаций. Махачкала, 2007. – 460 с.

Гасанов М.Р. История Дагестана. – Учебное пособие. Махачкала: Дагучпедгиз, 2000. – 296 с.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств в природе естества. – СПб.: Иждивением импер.-й АН. 1785. Ч. III. – 336 с.

Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770 – 1773 гг. – СПб., 1809. – 384 с.

Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов. 1871. Т. I. Кн. 1.

Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края, с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оною с нынешним. СПб.: Тип. Штаба корпуса внутренней стражи. 1835.

Ермолов А.П. Записки и приложения / 1816 -1827. М. 1868. Ч. 2.

Зевакин Г. Азербайджан в начале XVIII века. Баку, 1929.

Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001. – 224 с.

Историческая география Азербайджана / Глав. ред. академик АН Азерб. ССР. З.М. Бунятов. – Баку, 1987.

История Азербайджана / Под ред. академик АН АЗ. ССР И.А. Гусейнова, А.С. Сумбат-заде и др. – Баку: Изд-во АН АЗ. ССР. 1958. Т.1. – 423 с.

История Дагестана. – М.: Наука. 1967. Т. 1. – 431 с.

История Дагестана. – М.: Наука, 1968. Т. 2. – 364 с.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука. 1988. – 544с. Отв. ред. академик Б.Б. Пиотровский.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) Отв. ред. академик А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 660 с.

Каспари А.А. Покоренный Кавказ. СПб.: «Родина», 1904.

Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. – 494 с.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1-2.

Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1906. – 468 с.

Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1895.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963.

Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство / ССКГ. Тифлис. 1873. Вып. VII. Отд. I.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы (капучинцы, хванал) в XIX – нач. XX вв.: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы) в XIX – нач. XX вв.: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2000.

Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723 гг. М.: МГУ. 1951. – 247 с.

Магомедов А.Р., Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994.

Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961.

Магомедов Р.М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1968.

Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957 – 408 с.

Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономический и культурный аспекты). Махачкала, 2004. 192 с.

Магомедов Н.А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в.: Автореф. дисс. ... к.и.н. Нальчик, 1985.

Мансурова А.Г. Цудахария (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.

Мансуров Ш.М. Салатавия (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.

Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.

Матвеева В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Ростов-на-Дону, 2006.

Мусаев Г.М. Рутулы (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997.

Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1956 – 157 с.

Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. – СПб., Тип. воен. учеб. завед., 1847.

Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб.: Тип. воен. учеб. завед., 1848. – 42 с.

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под ред. В.С. Легкобитова. СПб.: Тип. внеш. торговли. 1836.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.А.Суворова, 1906.

Очерки истории Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат. 1957. – Т.1 392 с.

Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия: внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. – Тифлис. Изд-во «Заря Востока», 1934 – 143с.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1881. Т. 2.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. 278 с.

Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1901. Кн. IV. Т. XVI–XX.

Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». – Махачкала, 2000. – 221 с.

Труды второй научной сессии Дагестанской базы Академии наук СССР. Махачкала, 1949.

Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1973 – 252 с.

Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII - начале XIX вв. (Политический аспект). Махачкала, 2007. – 328 с.

Умаханов М.-С.К. Феодальные владения Дагестана в XVIII - начале XIX в. и их взаимосвязи. (Экономический аспект). Махачкала, 2008. – 256 с.

Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в пореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 257 с.

Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. (Материалы научной сессии). Махачкала, 1954. – 97 с.

Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Наука, 1961. – 362 с.

Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1935.

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.-Л., 1949.

В. Статьи и тезисы.

Берже А. Прикаспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856.

Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис. 1857.

Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1988. № 2. С. 54-72.

Брюханов П.А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // Сб. трудов Пятигорского госпединститута. Ставрополь: Крайкнигоиздат, 1947. Вып. 1.

Бушуев С.К. О кавказском мюридизме // Вопросы истории. 1956. № 2.

Великая Н.Н. Мероприятия Российского государства по включению Северного Кавказа в состав империи в первой половине XIX в. // Вопросы южнороссийской истории. М.: Армавир, 2006.

Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг.: Автореф. дисс. ... д.и.н. Армавир, 2006.

Виноградов В.Б. Верность государственному единству (взгляд редактора) // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 12 (Научный сборник). М.; Армавир, 2006.

Виноградов В.Б. О двух концептах истории Юга России. Вып. 12. М.; Армавир, 2006.

Виноградов В.Б., Ктиторов С.Н. Сборник обретает новое название (от редакторов) // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11 (Научный сборник). М.; Армавир, 2006.

Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана: Проблема, история, перспективы // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1981.

Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. (докт. дис.). Тбилиси, 1971.

Гасаналиев М. Русско-дагестанские отношения в последней четверти XVIII в.: Автореф. дисс. ... к.и.н. Махачкала, 2006.

Гашимов Ч.М. Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982.

Голованова С.А. Россия и Северный Кавказ: опыт переосмысления взаимодействия // Вопросы южнороссийской истории. М.; Армавир. Вып. 12.

Иванов И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. 1940. № 2.

Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. М. 1958. С. 308-309.

Ктитрова О.В. Россия как «государство - сообщество» (новые подходы в понимании процесса утверждения России на Северном Кавказе) // Вопросы южнороссийской истории. С. 14-17.

Лобанов-Ростовский К. Кумыки (их права, обычаи и законы) // Газ. «Кавказ». 1846 г. № 38.

Магомедова М.М. Реформирование сельского управления в России и в Дагестане во второй половине XIX – нач. XX в. (Опыт сравнительного анализа): Автореф. дисс. ... к.и.н. Махачкала, 2008.

Умаханов Р.М. Мехтулинское ханство в XVIII – начале XIX в.: Социально-экономическое развитие и политическое положение. // Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Махачкала, 2001. – 22 с.

Хасбулатова Н.К. Шамхальство Тарковское в XVII–XVIII вв. (социально-экономические отношения и политическая организация): Автореф. дисс. ... к.и.н. Махачкала, 2007

Цыбулькина А.А. Геополитическое кредо России // Вопросы кавказской истории. Вып. 12. (научный сборник). М.; Армавир, 2006.

Шаповалов В.Ф. Россия как цивилизация // История России. Теоретические проблемы. М., 2002. Вып. 1. С. 112-119.

Г. Материалы Рукописного фонда Института ИАЭ ДНЦ РАН

Алиев Б.Г. Полевой материал 1970 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570.

Алиев Б.Г. Полевой материал 1981 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580.

Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие юго-западного Табасарана (Дирический союз сельских обществ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 188, 209.

Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22.

Документы по русско-дагестанским отношениям во второй половине XVII в. из Фонда Астраханской Приказной избы. ЛОНИ АН СССР. – См. Рук. Фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22.

История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286.

Кокиев Г. Сношения России с народами Северного Кавказа. 1939 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47.

Клапрот Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций, находящихся между Россией и Персией. Париж, Лейпциг, 1827. (Пер. с франц. З. Кидаловой Ф.1. Оп. 1. Д. 76.

Лавров Л.И. Некоторые вопросы истории лаков. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2.

Маршаев Р.Г. Очерки истории лаков. Т. 1. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73.

Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в., извлеченные из ЦГАДА (ныне РГАДА. Г. Москва). Ф. 3. Оп. 1. Д. 305 (Т. 1-8).

Народная перепись Мехтулинского ханства. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189.

Политика шамхала в борьбе с Москвой за независимость. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54.

Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Канд. Дисс. М., 1947.

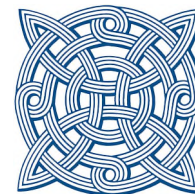
Сборник адатов Даргинского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 188.

Соболева О.В. Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в конце XVIII - начале XIX вв. М., 1955. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27.

Челеби Эвлия. Отрывки из «Путешествия». Ф. 1. Оп. 1. Д. 37.

Юшков С.В. Рукопись по истории Дагестана. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Список принятых сокращений

- АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
- ВИД – Вопросы истории Дагестана. Махачкала. Досоветский период.
- в. – век.
- ВУА – Военно-ученый архив
- г. – город.
- г. – год.
- гг. – годы.
- Д. – Дело.
- ИГЭД – История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв.
- ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного центра Российской академии наук.
- ИНСК – История народов Северного Кавказа.
- КК – Кавказский календарь.
- л. – лист.
- МИД – Министерство иностранных дел.
- МИДЧ – Материалы по истории Дагестана и Чечни.
- М. – Москва.
- Оп. – Опись.
- р. – река.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РФ – Рукописный фонд.
- с. – страница.
- с. – село.
- с.о. – сельское общество.
- СПб – Санкт-Петербург.
- ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.
- СССК – Сборник статистических сведений о Кавказе.
- ссо – союз сельских обществ (общин).
- Т. – Том.
- УЗ, Уч. зап. – Ученые записки.
- Ф. – Фонд.
- ЦГА РД. – Центральный государственный архив Республики Дагестан.
- ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив.
- Ч. – Часть.
- Вып. – Выпуск.

Политическая карта Дагестана (40-е годы XIX в.).
(Из «Карты политического состояния Кавказа»)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Часть I. Международное и внутривосточное положение Дагестана во второй половине XVIII – начале XIX вв. 71

Глава 1. Внешнеполитическое положение Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX вв. 72

Глава 2. Внутривосточное положение Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX вв. 111

Часть II. Проблемы социально-экономического развития и административно-политического устройства Дагестана во второй половине XVIII – начале XIX вв. 149

Глава 1. Социально-экономическое развитие Дагестана во второй половине XVIII – нач. XIX вв. 156

Глава 2. Административно-политическое устройство Дагестана во второй половине XVIII – начале XIX вв. 231

Заключение..... 273

Библиография 285

Список сокращений..... 296

**Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Карты взяты из книг: Б.Г. Алиев, М.-С.К. Умаханов. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 1999. Кн.1.; С.Ш.Гаджиева. Кумыки. М. Наука. 1961. 388 с.

Научное издание

Магомед-Салам Курбанович Умаханов

**Дагестан во второй половине XVIII – начале
XIX века: проблемы политического положения,
социально-экономического развития
и государственного устройства**

Монография

Подписано в печать 10.08.2011г.

Формат 60x84_{1/16}. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 18,2. Уч.-изд. л. 15,7. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
Тел.: +7-928-264-88-64, +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164

Умаханов Магомед-Салам Курбанович – ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Дагестан.

Родился в с. Цудахар Левашинского района Республики Дагестан. В 1961 г. окончил исторический факультет ДГУ. С сентября 1962 г. работает в системе Российской академии наук.

Основные направления научно-исследовательской работы – борьба народов Дагестана за независимость от иноземных завоевателей в XVI-XVIII вв.; социально-экономическое развитие Дагестана; проблемы классовой борьбы в феодальном Дагестане (XVI-XVIII вв.); экономические, политические и культурные взаимосвязи народов Дагестана; проблемы исторической географии феодального Дагестана и взаимоотношений его феодальных владений, российско-дагестанские отношения и т.д.

Умаханов М.-С.К. – автор или соавтор более сотни научных статей, ряда крупных работ: «Из истории средневекового Дагестана» (в соавторстве). Махачкала. 1970; «Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке». Махачкала. 1973. – 252 с.; «История народов Северного Кавказа...» (соавтор гл. 12). М.: «Наука». 1988; «Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в.». Махачкала. 1999. Кн. 1 (в соавторстве). – 367 с.; Кн. II. «Историческая география Южного Дагестана». Махачкала. 2001 г. – 324 с. (в соавторстве); «Дагестан в XV-XVI вв.» (Вопросы исторической географии). Махачкала. 2004. (в соавторстве). – 496 с.; «История Дагестана с древнейших времен до наших дней». Раздел третий. Гл. I-III. М. «Наука». 2004. Т. 1. С. 297-413; «Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в. (политический аспект)». Махачкала, 2007. – 328 с. «Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX вв. и их взаимосвязи (экономический аспект)». Махачкала, 2008. – 256 с.

ISBN 978-5-4242-0004-5

9 785424 200045